АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ХРОНИКА МУХАММЕДА ТАХИРА АЛ-КАРАХИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ХРОНИКА МУХАММЕДА ТАХИРА АЛ-КАРАХИ

О ДАГЕСТАНСКИХ ВОЙНАХ В ПЕРИОД ШАМИЛЯ

ПЕРЕВОД С АРАБСКОГО А. М. БАРАБАНОВА
ПРЕДИСЛОВИЕ АКАД. И. Ю. КРАЧКОВСКОГО
ТРУДЫ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ, XXXV

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1941 ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор
академик И. Ю. Крачковский

ПРЕДИСЛОВИЕ

С начала 30-х годов настоящего столетия, когда впервые стали издавать арабские источники для новой истории Северного Кавказа, быстро выяснилось, что при большом количестве различных документов (официальных бумаг и писем) сравнительно невелико число крупных исторических произведений (типа хроник или воспоминаний), оригиналы которых известны и доступны. В то время как первая категория продолжает непрерывно увеличиваться и собирание ее идет в различных музеях, институтах и библиотеках достаточно успешно, из второй нам попрежнему известны только два основных произведения — хроника Мухаммеда Тахира и воспоминания Абд ар-Рахмана. Существование других не подлежит сомнению, но они были, вероятно, не особенно многочисленны. О некоторых из них мы знаем по упоминанию названий или по ссылкам, другие известны даже в частичных русских переводах, но арабские оригиналы их до сих пор не обнаружены. Без знакомства с последними эти источники не могут служить серьезной базой исторического исследования.

До последнего времени и те и другие — и известные в арабском подлиннике и неизвестные — привлекались историками только на основе существовавших русских переводов. Если относительно качества их высказывались сомнения с самого начала знакомства с арабскими оригиналами, то более

углубленная работа над последними выяснила, к сожалению, полную ненадежность этих переводов, которая не дает никакого права видеть в них сколько-нибудь точное отражение памятника. Вся работа здесь должна быть, как это ни печально, проделана совершенно заново и полностью, на основе критического анализа рукописного текста, по возможности с научным изданием его, с учетом расширения наших исторических сведений, с одной стороны, и всего накопившегося опыта арабистики, — с другой.

По счастью, для ряда основных памятников такая возможность теперь имеется и предлагаемая вниманию читателей книга является опытом в этом направлении. Главным стимулом для выбора первым номером намечаемой серии именно хроники Мухаммеда Тахира, кроме ее выдающегося значения среди этой категории памятников, послужило счастливое обогащение рукописного материала для критического издания.

Если пять лет тому назад, когда я писал статью, посвященную, главным образом, филологическому анализу памятника, нам были доступны только две рукописи, то теперь к ним прибавились еще три, ранее не известные, а среди них старейшая и наиболее авторитетная. Издание, основанное на планомерном и полном изучении трех важнейших рукописей с привлечением в нужных случаях двух второстепенных, дает полную гарантию правильного установления текста со всей требуемой акрибией. Возможность различных детальных изменений и поправок в тексте для будущих исследователей, конечно, не закрывается, как и при всяком критическом издании, особенно в частях стихотворных или основанных на одной рукописи, но теперь можно с большой долей уверенности утверждать, что даже находка автографа Мухаммеда Тахира, не представляющая сама по себе чего-либо несбыточного, едва ли внесет

серьезные или систематические изменения в принятый текст.

Вторая часть работы (перевод) основана на подготовленном к печати критическом издании текста. Перевод ставит своей главной целью дать в руки всех заинтересованных исследователей надежное орудие работы с полной гарантией, что русский текст отражает действительно то, что стоит в арабском оригинале. Переводчик не стремился к художественности передачи, тем более, что хронику Мухаммеда Тахира только с натяжкой и лишь в некоторых частях можно назвать художественным произведением; он везде давал точный, местами по возможности буквальный перевод, который позволял бы лицам, не знакомым с арабским языком, опираться на него как на подлинник. Тот, кто знаком с арабским языком и в особенности с состоянием разработки арабско-кавказских памятников, которая едва выходит из первоначальной стадии, не удивится, если сказать, что отдельные детали перевода могут быть со временем исправлены или улучшены, особенно в стихотворных произведениях, не всегда высокого качества, или в передаче документов, вероятно не всегда цитируемых точно. Примечания к переводу носят, по возможности, только пояснительный характер и не имеют в виду специального освещения отдельных сообщаемых фактов.

Третьей частью работы является исследование издаваемого и переводимого памятника как исторического источника. Автор отнюдь не имел в виду характеризовать полностью эпоху, которой он посвящен, а намеревался лишь осветить значение, которое данный памятник представляет для истории этой эпохи. Параллельные источники, равно как соответствующая литература, привлекались им лишь в той мере, в какой это было нужно для главной цели. Думается, что первая крупная монография об одном

из основных источников для изучения этого периода будет полезна для понимания не только самого памятника, но и всей соответствующей эпохи.

Три части работы, тесно между собою связанные, создавались параллельно и только по техническим причинам печатаются разновременно. Каждая из них в печатном виде носит самостоятельный характер и может читаться независимо от других, но старается, по возможности, не повторять одних и тех же данных в разных местах.

Вся работа выполнена А. М. Барабановым в бытность его аспирантом Института востоковедения Академии Наук СССР; автору принадлежит и честь открытия наиболее важной рукописи хроники, которая положена в основу издания. Являясь единоличным трудом А. М. Барабанова, работа велась в Арабском кабинете Института востоковедения при постоянном наблюдении со стороны заведующего им. Частые обсуждения как общих вопросов плана, так и отдельных деталей работы и на заседаниях Кабинета и в беседах с заведующим или с отдельными сотрудниками позволяют надеяться, что в труд вложен опыт не только начинающего ученого, для которого он явится первым крупным исследованием, но и всего Кабинета в целом. Можно предположить, что этот труд послужит достойным началом той серии арабских источников для истории Северного Кавказа в XIX в., о желательности осуществления которой я писал восемь лет тому назад. Остается только пожелать, чтобы этот труд не оказался в серии одиноким.

И. Крачковский

Сентябрь, 1940 г.

ВВЕДЕНИЕ

I

Книга Мухаммеда Тахира ал-Карахи „Блеск дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах" является пока единственным, известным науке в подлиннике, местным источником по истории борьбы горцев Дагестана за независимость в первой половине XIX в. Это произведение охватывает весь период деятельности Шамиля и двух предшествовавших ему имамов — Гази Мухаммеда и Хамзата.

Мухаммед Тахир, известный и впоследствии дагестанский ученый, начал составлять это произведение вскоре после того, как Шамиль назначил его своим секретарем (1850—1851 гг.). Главными источниками сочинения служили устные рассказы самого Шамиля или приближенных его деятелей — непосредственных участников описываемых в книге событий. Основная часть книги была составлена в период между 1851—1856 гг. Дополнения и детали вносились автором вплоть до его смерти (1882 г.). Затем книга досталась в наследство его сыну Хабибуллаху, который, в свою очередь, до 1904 г. продолжал дополнять ее собранными им рассказами, заимствованиями из других сочинений и сложившимися к тому времени легендами и преданиями.

В 1904 г. Хабибуллах пытался издать это сочинение, для чего старательно его отредактировал и через посредство владельца типографии в Темир-

хан-шуре Мирзы Мавраева представил в цензуру. Цензура печатать книгу не разрешила, и рукопись была похоронена в цензурных архивах.

Вновь появилась на свет она только через 30 лет — в 1934 г. ее передали в Институт востоковедения Академии Наук СССР наследники профессора б. СПб. университета В. Д. Смирнова, бывшего одно время цензором „мусульманских“ изданий.

В послесловии к представленной в цензуру рукописи Хабибуллах поясняет причины, побудившие его отца взяться за составление этой книги; здесь же он кратко говорит об ее источниках и характере редакторской деятельности его самого. Он пишет: „Имам Шамиль неоднократно говорил Мухаммеду Тахиру: «Я хотел бы собрать рассказы о событиях, случившихся в мое время, однако я не могу найти досуга для этого по занятости всякими делами и войнами». Затем, зимой одного года, он поселил его в своем доме в Дарго, они сходились в сумерки в одной комнате, и Шамиль диктовал и рассказывал про случившееся на неарабском языке, а Мухаммед Тахир переводил на арабский и записывал днем то, что рассказывал ему Шамиль. Для события, при котором сам Шамиль не был, он призывал явиться того, кто был при нем, чтобы он рассказал и записал. Так он составил книгу до конца главы о возвращении Джемаль ад-Дина, сына имама, к нему из рук неверных. Затем, оттуда до конца он собрал ее сообразно с тем, что узнал и услышал от людей, за исключением того, что добавил я из посланий имама или царя, или изменил в интересах дела“.

Описание событий со слов непосредственных их деятелей и участников, к тому же лицом, которое само в какой-то мере принимало участие в ряде событий, придает данному произведению исключительную ценность и ставит его в ряд тех источников, без использования которых совершенно нельзя

обойтись при исследовании военной и государственной деятельности Шамиля и вообще истории Дагестана первой половины XIX в.

Стремление дать историкам этот ценный источник в общедоступной форме побудило Арабский кабинет Института востоковедения Академии Наук СССР предпринять издание сочинения Мухаммеда Тахира не только в арабском подлиннике, но также и в русском переводе.

II

Книга Мухаммеда Тахира получила широкую известность еще задолго до ее окончания. Многочисленные копии с рукописи ходили по рукам среди жителей не только Дагестана, но и всего Кавказа, а иногда переправлялись и за его пределы. Очевидно, в сумках паломников, отправлявшихся в хадж, копии попадали в Турцию, Египет и арабские страны. В 1899 г. дагестанец Али, сын Абд ал-Хамида ал-Гумуки, снял копию с этой рукописи для астраханского ученого Абд ар-Рахмана, сына Абд ал-Ваххаба. Институтом востоковедения Академии Наук СССР в 1939 г. приобретена копия, снятая около 1872—1873 гг., т. е. еще при жизни автора. В 1909 г. в Стамбуле изданы некоторые стихи из этого произведения под одноименным с сочинением названием. Там же в 1914 г. издан турецкий перевод, сделанный с арабской рукописи, находившейся в Медине. Копии этого сочинения до сих пор можно встретить в различных городах и селениях Дагестана и Кавказа.

О существовании произведения Мухаммеда Тахира и его популярности среди горцев русским властям стало известно, очевидно, сразу же после пленения Шамиля, если не раньше. Пристав Пржецлавский, находясь при Шамиле в Калуге уже в 1860—1862 гг., занимался переводом этого сочинения на русский

язык. Он пользовался не списком Шамиля, а рукописью, которую он добыл от какого-то „летописца-муллы". О качестве этого перевода и „переводческих" приемах Пржецлавского я говорю отдельно в специальной работе, здесь же укажу лишь одну характерную подробность. И. Н. Захарьин-Якунин, говоря о предпринятом Пржецлавским переводе, сообщает: „Перевод этот он дал Шамилю, прося засвидетельствовать своею подписью верность фактов, изложенных в рассказе. Шамиль, не видя в глаза подлинника и не читая вовсе по-русски, категорически отказался подписать перевод".[1] Этот „перевод"-сочинение, датированное „1 ноября 1860 г. Калуга", был найден проф. Н. И. Покровским в архиве Академии Наук СССР среди бумаг историка кавказских войн Н. Дубровина, которому он был передан самим Пржецлавским. О существовании какого-то перевода знал и кавказовед Волконский.

Сразу же после пленения Шамиля, а может быть и раньше, начальник Среднего Дагестана генерал Лазарев уже имел в своих руках список арабской рукописи произведения Мухаммеда Тахира, который он передал известному кавказоведу того времени — А. П. Берже, во время посещения последним в 1860 г. Гуниба. Берже взялся за перевод рукописи, но перевел только три главы, а затем, отдав рукопись кому-то другому, не получил ее обратно, и она исчезла.

Приведенные примеры указывают на большой интерес, проявленный русскими историками того времени к данному сочинению. Первыми, к кому попадали списки рукописи, были военные деятели, немедленно пытавшиеся или сами сделать русский перевод, или же передать рукописи в руки специалистов. Однако вскоре после ознакомления с этим

---

[1] И. Н. Захарьин-Якунин. Встречи и воспоминания. Генерал Шамиль и его рассказы об отце. СПб., 1903, стр. 50.

сочинением, полным духа ненависти и презрения к поработителям Дагестана, изобилующим многочисленными описаниями примеров героизма горцев, вероломства, трусости и бездарности русских генералов, продажности и измен горской знати, ханов и беков, ставших после покорения Дагестана опорой царизма, интерес к этому сочинению остыл и о нем „забыли“ и историки и военные деятели.

И это понятно, ибо приводимые в сочинении факты не совпадали ни с описаниями „победоносных“ войн на Кавказе тогдашних историков, ни с воспоминаниями и мемуарами военных деятелей, оперировавших против Шамиля и вообще на Кавказе. Дагестан был окончательно покорен, Шамиль взят в плен и сослан в Калугу. Генералы „герои-победители“ получали повышения и ордена, писали мемуары, историки при изготовлении многотомных описаний Кавказских войн с успехом обходились и без местных источников; с них хватало рассказов и рапортов генералов и наместников. До действительных фактов недавней упорной и кровопролитной борьбы никому не было дела.

Сочинение Мухаммеда Тахира по негласному закону зачислялось в разряд „крамольных мусульманских книг“.

Цензура зорко следила за содержанием литературы, издаваемой в „мусульманских“ типографиях Темир-хан-шуры, Бахчисарая, Казани, Оренбурга и др. Ни в одной из этих типографий „Блеск дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах“ печататься не мог. Этому сочинению суждено было и впредь тайно от властей и от цензуры ходить по рукам ученых и грамотеев, кропотливо переписывавших копии с копий и разносивших их по горским аулам покоренного Дагестана.

После Великой Октябрьской социалистической революции интерес к сочинению Мухаммеда Тахира

еще больше усилился среди горцев Дагестана. Освободившиеся под руководством советской власти от гнета царских колонизаторов и их приспешников и верных слуг — шамхалов, ханов, беков и мулл — народы Дагестана хотят знать свое прошлое, хотят знать историю борьбы своих отцов и дедов за независимость и свободу, хотят видеть во всей полноте истинные облики своих народных героев, суровых, непоколебимых борцов против угнетателей и колонизаторов, учиться на их примерах мужеству, борьбе и любви к своей родине. Одним из таких наиболее видных героев был Шамиль, 25 лет возглавлявший горцев, яростно и упорно сражавшихся за свободу, которую они отныне получили навсегда.

Память о Шамиле еще жива не только в устных рассказах, поэмах, легендах и песнях, но и в воспоминаниях ряда стариков, лично знавших Шамиля и участвовавших иногда вместе с ним в его походах.[1]

Сочинением Мухаммеда Тахира, как единственным местным источником, наиболее полно и подробно излагающим военную деятельность Шамиля, начинают, еще более чем раньше, интересоваться не только специалисты-историки, но и широкие круги местных читателей.

Ознакомление идет двумя путями: с одной стороны, попрежнему снимаются копии с копий рукописи на арабском языке;[2] с другой стороны, предпринимаются попытки перевести сочинение на русский язык.

---

[1] В 1939 г. Ц. О. „Правда" сообщала: „В ауле Элистанжи Веденского района живут 166-летний Гунакбай Гезиев и 147-летний Хансимурад Дадаев. Оба они лично знали народного героя Шамиля. Гунакбай Гезиев и Хансимурад Дадаев состоят членами колхоза им. Сталина" (Ц. О. „Правда", № 44/7729, 14 февраля 1939 г., Современники Шамиля).

[2] В Дагестанском научно-исследовательском институте истории языка и литературы, в г. Махач-кала, хранится копия с рукописи Мухаммеда Тахира, снятая в 1929 г.

Первый путь широкого развития не получил. Арабский язык, бывший до революции единственным в Дагестане письменным языком, постепенно отходит на задний план. С первых же дней установления советской власти в Дагестане бурно развернувшееся культурное строительство захватило и многие бесписьменные языки населяющих Дагестан народов. Оформлялись грамматические нормы, вырабатывался алфавит, появлялись книги на местных языках (кумыхском, даргинском, лезгинском, татском и др.). Бывшие „медресе" и „худжры", при мечетях, в которых раньше происходило обучение детей арабскому языку и чтению Корана, были заменены советской школой, где обучение производится на местных и русском языках. Арабский язык, вместе с мусульманской религией, постепенно выходит из обихода и сохраняется только в очень узких кругах стариков и начетчиков, среди которых еще до сих пор продолжает иногда бытовать на равных правах с местными языками.[1] Но таких стариков-начетчиков единицы, а сочинением Мухаммеда Тахира начали интересоваться массы, причем главным образом молодежь, совершенно не знающая арабского языка.

Второй путь до сих пор также не привел к желательным результатам. Русский язык, бывший для горцев Дагестана до Великой Октябрьской социалистической революции языком поработителей и угнетателей, естественно, широкого распространения не получал. Им владели в какой-то мере феодальная верхушка, городские богатеи, купцы и все те, кто так или иначе был связан с русскими, или находился на службе у царского правительства.

---

[1] В 1939 г. в г. Махач-кала я имел несколько встреч с одним из таких начетчиков — Абдуррахманом Казиевым. Он в совершенстве владеет арабским языком и ни слова не говорит по-русски. Всю свою переписку Казиев ведет только на арабском языке, причем, следуя, очевидно, старой традиции, письма свои излагает в цветистых стихах и рифмованной прозе.

Основные же трудящиеся массы горцев, наряду с ненавистью к поработителям — царским чиновникам и „кафирам“, презирали и русский язык. Они его не знали, он для них был языком угнетателей, „проклятых“ и „неверных“.

Русский народ, помогший горцам освободиться и от гнета царизма и от гнета верных прислужников царизма — местных эксплоататоров: ханов, беков, мулл и пр. — протянул народам Дагестана руку братской помощи и содружества. Когда-то разжигаемая до фанатизма муллами и различными шейхами и „арабистами“ среди верующих мусульман ненависть ко всем не-мусульманам и особенно русским потеряла под собой политическую и экономическую базу и вместе со всеми этими муллами, суфиями и шейхами быстро сошла со сцены. Ненависть угнетенных к угнетателям ушла безвозвратно вместе с угнетателями и уступила свое место братскому содружеству, а религиозный фанатизм был уничтожен большой реальной помощью, оказанной русскими народам Дагестана в деле возрождения и подъема их национальной культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию.

В связи с этим круто изменилось и отношение к русскому языку; он стал языком великого братского народа, языком старшего брата в многонациональной семье трудящихся Советского Союза. Русский язык не только занял место арабского языка, но он для многих становится вторым, наряду со своим местным, равнозначущим языком.

Отсюда становится понятным стремление некоторых местных научных деятелей перевести ряд книг с арабского языка на русский. В числе этих книг — и сочинение Мухаммеда Тахира ал-Карахи, как наиболее популярное и крупное историческое и литературное произведение местного происхождения, излагающее историю героической борьбы Шамиля,

еще до наших дней популярного среди горцев. К сожалению, эти попытки местных переводчиков не дали пока желательных результатов.

Первым наиболее удачным русским переводом следует признать перевод некоего Сапи из аула Энгеной. По отзывам Н. И. Покровского, долгое время занимающегося историей Дагестана, этот перевод, хотя и неточный и неоконченный, все же является наиболее приближенным и верным. По неизвестным мне причинам, перевод этот опубликован не был и в течение 7—8 лет считался утерянным. Обнаружен он только в начале 1940 г. в г. Ворошиловске.[1]

В 1926 г. был издан в г. Махач-кала, выполненный Г. Маллачи-ханом под редакцией Тахо-годи, неполный русский перевод данного сочинения Мухаммеда Тахира, озаглавленный почему-то „Три имама".[2] Этот перевод крайне неудачен. Переводчик, очевидно, очень плохо знал арабский язык и свое незнание, как правило, везде заменял пылкой фантазией и изощренными выдумками. Даже общеизвестные факты, сравнительно правильно изложенные Мухаммедом Тахиром, при переводе настолько порой извращены, что часто затрудняешься ответить — откуда это все взял переводчик? Собственные имена и географические названия перепутаны, случаи превращения одного лица в два — не единичное явление, вставлены иногда целые страницы прямой речи Шамиля или других фигурирующих в сочинении лиц, совершенно отсутствующие в оригинале. Личности Шамиля как бы созна-

---

[1] Сделанный Сапи неполный русский перевод и арабский оригинал перевода в данное время хранятся в рукописном отделе библиотеки Педагогического и учительского института в г. Ворошиловске. О его местонахождении нам стало известно только в феврале 1940 г., когда предпринятый мною перевод был уже в основном закончен.

[2] Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 45, Махач-кала, 1926, стр. 53—192.

тельно придана „чудодейственная“ окраска до безрассудства фанатичного фаталиста, что никак, конечно, не отражает истинного его облика. Другие деятели также выглядят не лучше.

Издание такого перевода было крупной ошибкой, не замедлившей сказаться на последующих работах ряда исследователей деятельности Шамиля и истории Дагестана. Не входя в детальный разбор качества перевода, степени изобретательности его исполнителя и не касаясь ошибок в трудах последующих исследователей, некритически пользовавшихся этим переводом, я здесь вкратце укажу лишь на некоторые последствия выпуска в свет такого плохого перевода.

В конце 1938 г. вышла книга „Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля“.[1] Автор работы — научный сотрудник Института истории Академии Наук СССР — С. К. Бушуев, сперва приняв вымыслы переводчика за действительный перевод, построил на нем добрую половину раздела своей книги, излагающего фактическую сторону деятельности Шамиля. Затем, видя, очевидно, что использованный им фактический материал „перевода“ слишком уж неправдоподобен, пришел к своеобразному выводу, который счел нужным изложить во введении: „При всем значении этих источников, принадлежащих деятелям мюридского движения, надо сказать, что они имеют крупные и существенные недостатки. Одним из таких недостатков является их религиозный привкус. И Абдуррахман, и Хаджи-Али и Магомет-Тагир объясняют ряд явлений силой божественного провидения: «Так угодно было аллаху». Затем в этих источниках немало заведомо преувеличенных данных, например, о потерях русской армии, о доблести и храбрости горцев, о Шамиле и т. п.

---

[1] Издание Академии Наук СССР, 1939.

Магомет-Тагир, например, приводит следующее, чрезмерно преувеличенное свидетельство о Шамиле, где последний нарисован святым и богоподобным существом: «...Шамиль не получил ни ушиба, ни царапины, хотя вся его одежда была изрешечена пулями и снарядными осколками»".

Тов. Бушуеву неизвестно, что его огульное обвинение автора не обосновано и, главное, направлено не по адресу: его нужно адресовать фантазеру-переводчику, от начала до конца выдумавшему и приведенный автором пример и ряд ему подобных других. Частые же ссылки на аллаха, которые действительно имеют место в сочинении, являются уступкой своеобразной традиции, применяемой почти во всей арабской литературе,—включение в текст произведения стихов Корана и молитвенных изречений без оговорок и ссылок на источники. Отличать эти цитаты от самого текста сочинения, очевидно, нужно, и приписывать их автору как его собственные слова никак не следует.

Действительно, местные источники, в известной мере, страдают односторонностью и тенденциозностью, но в значительно меньших масштабах, чем русские источники того времени. Данное сочинение Мухаммеда Тахира также страдает в известной мере тенденциозностью, хотя и в довольно примитивной и наивно-религиозной форме, но это обстоятельство отнюдь не уменьшает его ценности и достоверности приводимых в нем сведений.

При внимательном исследовании устранение этих недостатков из местных источников составляет гораздо меньший труд, чем подобная же операция над сочинениями буржуазных русских и западных историков-кавказоведов, более опытных специалистов и по истории и по ее фальсификации. Но для этого нужно работать над оригиналом или иметь точные переводы. Свое же заключение т. Бушуев построил

на основе неверного перевода, в результате чего и родилось ложное представление, порочащее громогласно на страницах академической книги местные источники, являющиеся по сути дела вполне надежными первоисточниками для каждого историка.

Другого характера ошибку сделал проф. Н. И. Покровский. Занимаясь несколько лет новой историей Дагестана, он приложил много стараний к исследованию местных источников и, в частности, сочинения Мухаммеда Тахира. Не зная тогда арабского языка, он занимался этими источниками в русских переводах. Ему известны переводы книги Тахира — Пржецлавского, Берже, Сапи из аула Энгеноя, „Три имама" и др.

Все эти труды, не говоря уже об их неполноте, давали ему самые различные переводы одного и того же источника, а при внешнем исследовании попадавшихся в его руки рукописей на арабском языке он устанавливал различный объем одного и того же сочинения, что действительно имеет место, так как произведение составлялось постепенно, а снимавшиеся с него в разное время копии, фиксируя состояние рукописи в момент переписки, в дальнейшем, конечно, не пополнялись. Наконец, он пришел к выводу о существовании якобы нескольких вариантов и редакций рукописи. В дальнейшем он направляет свою деятельность на подбор и классификацию различных списков рукописи и переводов, пытаясь таким путем воссоздать содержание сочинения, наиболее приближающееся к оригиналу. Вряд ли нужно доказывать, что сравнение неполных и неверных, а иногда и сознательно извращенных переводов, как бы ни было велико их количество, может привести к очень незначительным результатам, никоим образом не оправдывающим ни кропотливого труда по сличению этих переводов, ни возлагавшихся на эту работу надежд исследователя.

Так, на основе плохих переводов родилось неверное предположение о якобы существующих нескольких вариантах и редакциях одного и того же сочинения, что, в свою очередь, вызвало неверный, с моей точки зрения, метод научного анализа Н. И. Покровского.

Даже в самом Дагестане, где имеется масса самых разнообразных материалов и источников по истории движения Шамиля, перевод „Три имама“ до сих пор считается надежным „первоисточником“. Несмотря на то, что там легко разыскать списки рукописи Мухаммеда Тахира,[1] никому не приходило в голову проверить правильность этого перевода.

Местные историки, касаясь периода деятельности Шамиля, до сих пор безоговорочно используют вымыслы досужего переводчика, выдаваемые за сведения арабского оригинала, не считая нужным хотя бы сравнить некоторые явно несуразные вымыслы с другими местными же источниками.

В 1939 г. в г. Махач-кала вышла книга молодого местного историка, кандидата исторических наук, Расула Магомедова: „Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля“.[2] Это первое относительно крупное местное произведение вполне заслуживает пристального внимания. На ряду с общеизвестными источниками, автором использовано много никому до сих пор неизвестных рукописных материалов, хранящихся в библиотеках научных учреждений Дагестана.

---

[1] За 20 дней пребывания в г. Махач-кала в августе 1939 г. мне удалось разыскать 3 списка сочинения Мухаммеда Тахира. Два из них хранились в рукописном фонде Научно-исследовательского института истории, языка и литературы; третий, приобретенный впоследствии Институтом востоковедения Академии Наук СССР, принадлежал частному лицу — Абдуррахману Казиеву. Имеются также списки этого призведения Мухаммеда Тахира в Ворошиловске, Закаталы и ряде других мест.

[2] Даггиз, 1939.

Автор по-новому поставил и правильно разрешил ряд неясных вопросов, дал некоторые важные историко-экономические, биографические и прочие сведения. Однако и в этой работе некритическое использование материалов из „Трех имамов“ привело к некоторым ошибкам в изложении фактической стороны и обстановки ряда событий (взятие русскими Гимр, осада Ахульго, свидание Шамиля с генералом Пулло и др.).

Первый поставил под сомнение качество перевода „Трех имамов“ и его адэкватность арабскому оригиналу акад. И. Ю. Крачковский. В 1935 г., исследуя два незадолго до этого поступивших в Институт востоковедения Академии Наук СССР списка рукописи Мухаммеда Тахира, один из которых — упоминавшийся выше автограф сына автора Хабибуллаха, акад. И. Ю. Крачковский писал: „В 1926 году был напечатан частичный перевод интересующего нас произведения по неизвестной рукописи. Для анализа нашего экземпляра (речь идет об автографе Хабибуллаха, — *А. Б.*) перевод приносит мало пользы; он основан на другой версии, дан не полностью, кроме того, в переведенных частях сильно сокращен и далеко не всегда удовлетворительно выполнен“.[1]

Этот, по мягкому выражению акад. И. Ю. Крачковского, „далеко не всегда удовлетворительно выполненный“ перевод в действительности настолько „неудовлетворителен“, что даже его, крупнейшего мирового ученого-арабиста, заставил высказать предположение о том, что „он основан на другой версии“.

Другой версии у переводчика не могло быть потому, что этих версий вообще не существует. Выполнен этот перевод по одной из копий рукописи, хотя и многочисленных, но дающих очень незначительные

---

[1] И. Крачковский. Новые рукописи истории Шамиля. Исторический архив, т. II, Изд. Акад. Наук СССР, 1939, стр. 7—8.

одна от другой отклонения (описки, случайные пропуски переписчиком одной или двух строк, опущение глосс, огласовок и пр.). Автограф Хабибуллаха имеет только иное, чем все другие списки, предисловие, написанное самим Хабибуллахом. Крупнейший ученый просто не мог предположить такое высокое мастерство переводчика в области фантазии и беззастенчивой выдумки, восполнявших при переводе пробелы в знании арабского языка.

Приходится только высказать сожаление о том, что авторитетная редакция второго издания „Истории XIX века“ Лависса и Рамбо сочла нужным поместить этот „перевод“ „Трех имамов“ в список библиографии по Кавказу того времени в разделе „Мемуары, труды современников, позднейшие труды“, отрекомендовав этот труд без всякой оговорки как „мемуары мюрида Шамиля Магомета Тагира из Караха“.[1]

III

В 1938 г., по инициативе акад. И. Ю. Крачковского, я приступил к подготовке издания арабского оригинала и русского перевода этого сочинения Мухаммеда Тахира. Нужно было путем сличения ряда списков восстановить арабский текст, максимально приближающийся к утраченному оригиналу, и сделать с него русский перевод.

Точное восстановление неизвестного нам оригинала по рукописным копиям и копиям с копий могло быть достигнуто только путем тщательного сличения наибольшего количества этих копий, предпочтительно разных периодов их написания и различных мест нахождения. Только от этого зависел

[1] История XIX века, под редакцией профессоров Лависса и Рамбо. Перевод с французского, второе дополненное и исправленное издание, под редакцией профессора Е. В. Тарле, т. 4, ОГИЗ, М., 1938, стр. 486.

успех предпринятого труда, так как все прочие необходимые условия были мне созданы Институтом востоковедения и лично акад. И. Ю. Крачковским, взявшим на себя труд руководить моей работой.

При начале работы в моем распоряжении находились три следующие рукописи.

1) Автограф сына автора Хабибуллаха сильно перередактированной им рукописи отца. Автограф имеет дату „зул-хиджжа 1321 года“ (февраль — март 1904 г.). Хабибуллахом рукопись озаглавлена „Книга дагестанских событий в шамилевские времена“. Эта рукопись названа мною „рукопись *А*“.

2) Копия, снятая неким дагестанцем Али, сыном Абд ал-Хамида ал-Гумуки, и поднесенная в дар астраханскому ученому Абд ар-Рахману, сыну Абд ал-Ваххаба. Переписана эта копия в 1899 г. и озаглавлена „Блеск горских шашек в некоторых шамилевских битвах“. Эта рукопись названа мною „рукопись *Б*“.

Обе эти рукописи детально исследованы акад. И. Ю. Крачковским в цитированной мною выше его статье.

3) Фото-снимок с неполной рукописи, найденной в Тбилиси доц. Г. В. Церетели, предоставленный мне в пользование акад. И. Ю. Крачковским. Дата написания неизвестна. Эта рукопись названа мною „рукопись *В*“.

Трех рукописей, из которых одна в угоду цензуре значительно перередактирована сыном автора, для поставленной задачи было недостаточно. Летом 1939 г. я получил командировку в г. Махач-кала для сбора дополнительных материалов. Там мне удалось обнаружить еще два списка этого сочинения.

1) Превосходно выполненную копию, включенную в общий том с рядом других до сих пор совершенно неизвестных науке сочинений об эпохе Шамиля. Эта

рукопись переписана, очевидно, как показывают косвенные данные, в 1872—1873 гг. и озаглавлена „Блеск дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах". Принадлежала рукопись проживающему в г. Махач-кала кумыху арабисту-любителю Абдуррахману Казиеву и была приобретена Институтом востоковедения Академии Наук СССР. Эта рукопись, как наиболее авторитетная, положена мною в основу перевода. Она мною названа „рукопись *К*".

2) Копию, снятую неизвестным переписчиком в 1929 г., озаглавленную так же, как и рукопись *К*. Есть основания предполагать, что она скопирована если не с рукописи *К*, то во всяком случае с очень близкого к ней списка.

Пяти рукописей с последовательно расположенными датами их переписки в пределах 60 лет (1872—1899—1904—1929 гг. и одна без даты) было вполне достаточно для предпринятой работы, в связи с чем дальнейшие поиски списков рукописи мною были прекращены. В основу сводного критического текста были положены первые четыре списка, пятый привлекался только для справок.

Детальная сверка списков, исключая рукопись *А*, о которой см. ниже, позволила сделать следующие выводы.

1) Никаких „сокращенных", „расширенных" и прочих версий и редакций этого сочинения не существует. Ошибочные предположения о существовании различных версий и редакций сложились на основе пользования неверными и извращенными русскими переводами, а также в результате исследования копий, разнящихся друг от друга датой их снятия с оригинала, без учета того, что сочинение складывалось постепенно в течение примерно 50 лет (1850—1855—1900—1904 гг.) и все время дополнялось описаниями последующих событий и вставками вновь собранных рассказов, легенд и преданий. Более ранний

список может не иметь тех или иных дополнительных сведений, имеющихся в более новом по времени списке, но иметь разные сведения две копии никак не могут, и если они будут обнаружены, то их следует относить за счет дополнений переписчика.

2) В основном все сочинение, включая заимствования из произведения Абд ар-Рахмана и описание смерти Шамиля в Медине, было закончено уже к 1870—1872 гг. Дальнейшее пополнение сочинения шло за счет мелких вставок, сложившихся позже легенд, глосс, уточнения имен и названий и пр., но основное содержание не менялось. Таким образом все копии, снятые после указанной даты, представляют собою копии полного сочинения, а не его отдельных частей. Все же недостающее в этих копиях следует относить за счет сознательного пропуска переписчиком или же утраты отдельных листов (чаще всего — конца и начала).

3) Несмотря на многократную и разновременную переписку копий с оригинала и копий с копий, большинство рукописей дает почти точное повторение оригинала. Отклонения копий от оригинала идут за счет случайного пропуска строк, неразобранных единичных слов, опущения глосс, колебаний в транскрипции русских слов и местных географических названий и прочих мелких погрешностей. Никакого смыслового изменения или извращения текста мне установить не удалось.

В ином положении находится рукопись *А*, сильно перередактированная при обработке сыном автора Хабибуллахом, готовившим ее, как уже упоминалось выше, для представления в цензуру.

До сих пор не было ничего известно о причинах, побудивших Хабибуллаха взяться за редактирование этого произведения отца и о времени начала редактирования. Из самой рукописи было только

известно, что редактировал ее сын автора Хабибуллах, а представлял в цензуру Мухаммед Мирза Мавраев 15 ноября 1904 г. Окончание редактирования было указано Хабибуллахом в конце рукописи — февраль—март 1904 г. Больше никаких сведений ни в самой рукописи, ни в какой-либо относящейся к ней литературе не имелось.

Буквально счастливый случай помог мне выяснить отчасти некоторые интересующие нас детали. Во время командировки в 1939 г., в книжных фондах Дагестанского краеведческого музея в г. Махачкала, среди беспорядочно сваленных в кучу различных документов и книг на арабском языке, я случайно обнаружил пачку частных писем, в которой находилось письмо Мухаммеда Мирзы Мавраева к Хабибуллаху, написанное по-арабски и помеченное „23 октября 1902 года". Мавраев, как видно из этого письма, принимал деятельное участие в издании произведений Мухаммеда Тахира ал-Карахи. Среди различных требований и запросов по поводу некоторых печатающихся или предполагавшихся к печати сочинений Мухаммеда Тахира Мавраев упоминает о „Блеске дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах".

В конце письма он пишет: „Я раньше хотел печатать «Блеск горских шашек», однако печатание ее в данном ее виде невозможно. А если бы ты выбросил из нее то, что порочит российское правительство, и переменил ее название на «Кремни Дагестана» или что-либо подобное, то я, может быть, смог бы взять разрешение для ее напечатания. Поистине, как часто цензура смотрит на название книг и на их начала и концы без внимательного рассмотрения того, что находится в самой книге. Пойми это, и с миром".[1]

[1] Подлинник этого письма хранится в книжном фонде Дагестанского краеведческого музея в г. Махач-кала среди „Материалов, относящихся к истории деятельности Шамиля", выделенных мною во время разбора арабских документов фонда в отдельные папки с указанным заглавием. Снятая мною копия с этого письма находится у меня.

Хабибуллах, повидимому, последовал совету Мавраева и поспешно принялся за переделку сочинения отца, приводя его в соответствие с теми формами изложения, которые, по мнению Мавраева, давали возможность последнему получить в цензуре разрешение на напечатание этого труда. Через полтора года (февраль—март 1904 г.) Хабибуллах окончил редактирование, а еще через полгода рукопись была представлена Мавраевым в цензуру. Надежды Мавраева не оправдались — разрешения царской цензуры он не получил и рукопись была похоронена в архивных подвалах, где и пролежала до наших дней.

При редактировании сочинения отца Хабибуллах точно придерживался советов Мавраева. Он изменил название сочинения: прежнее всем известное название „Блеск дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах" было превращено в „Книгу дагестанских событий в шамилевские времена". Он добросовестно устранил все „то, что порочит российское правительство", заменив все нелестные, уничижительные и оскорбительные эпитеты, присвоенные автором сочинения русским полководцам, генералам и царю, не только на более мягкие, но прямо почетные и похвальные: „проклятого Аргута" он превратил в „начальника Аргута", „собаку Воронцова" — в „мужа Воронцова", „свинью Пулло" — в „начальника Пулло", „проклинаемого Клюки"[1] — в „большого начальника Клюки" и т. д. Эпитет „неверные" повсюду был переделан на „русские". Описание ряда событий было изложено в более выгодном для русских освещении, ряд деталей о неблаговидных поступках русских генералов и предательствах горской знати и феодалов был вообще выброшен. К концу книги Хабибуллах приложил переписку Шамиля с Александром II и военным министром

[1] Генерал Клюки-фон-Клюгенау, оперировавший против Шамиля.

Милютиным по вопросу принятия Шамилем русского подданства и текст самой присяги Шамиля.

Под пером редактора, руководимого тщетной попыткой хотя бы в какой бы то ни было форме издать сочинение отца, произведение изменило свой облик. Непримиримый дух мужественных борцов, неукротимая ненависть и презрение к поработителям, злая ирония и насмешки по адресу русских генералов, которыми дышало сочинение на каждой странице, были заменены спокойным эпическим, а иногда и прямо подобострастным повествованием о „событиях времен Шамиля“.

Однако основной фактический материал остался в сочинении нетронутым, а сам текст был внимательно огласован, в изобилии снабжен указательными значками, дополнен глоссами. Личные имена и географические названия были даны более расширенно и точно.

При сверке нескольких списков с автографом Хабибуллаха не представляло особого труда выяснить почти все редакторские изменения и вставки. Вставки редактора в издаваемом критическом арабском тексте и русском переводе взяты мною в круглые скобки, а произведенные им изменения даны в примечаниях.

IV

Предлагаемый русский перевод „Блеск дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах“ сделан со сводного критического текста.

Разновременность составления рукописи, очевидно, отразилась на ее конструкции. Своеобразное деление текста на „главы“, „рассказы“, „дополнения“, „замечания“, „приставки“ и пр. мною сохранено в переводе полностью.

При переводе я старался дать наиболее точную смысловую и конструктивную передачу арабского

текста, идя иногда сознательно на некоторые отклонения от русской грамматики и синтаксиса. Все имена собственные даны в точной передаче, с соблюдением арабской формы построения. Географические названия переданы двумя способами: общеизвестные даны в установившейся в русской литературе форме, неизвестные или малоизвестные даны в точной передаче их арабской формы.

Религиозные формулы и цитаты из Корана сохранены полностью в их точном переводе с указанием цитируемых мест Корана. Это сделано мною по следующим соображениям: наличие в переводе этих формул и цитат позволяет легко установить, где идет изложение мыслей автора или рассказчика и где сделана уступка религиозной традиции; характер приводимых формул и цитат дает представление об отношении автора к тому или иному описываемому им событию или лицу; кроме того, в отношении лиц эти формулы помогают установить: был ли жив тот или другой упоминаемый деятель в период описываемого события, что значительно облегчает историкам уточнение дат смерти некоторых деятелей и времени многих событий; и последнее — смысл и характер цитат и формул, употребленных при разных обстоятельствах, позволяет частично выяснить религиозно-мистическое мировоззрение „шейхов тариката“, ученых того времени, и самого Шамиля.

Многочисленные в арабском тексте глоссы в русском переводе использованы по-разному: глоссы, разъясняющие или дополняющие текст, включены в текст перевода или даны в примечаниях; глоссы, дающие морфологические и синтаксические пояснения или синонимы употребленных в тексте слов и фраз, учтены при переводе и поэтому опущены.

Все разночтения и расхождения текстов даны в примечаниях. В примечаниях же даны пояснения

терминов и различные справки переводчика. Смысловые пояснения текстов и дополнительные слова, отсутствующие в арабском тексте, но требующиеся в русском переводе, даны в тексте в квадратных скобках.

Большую помощь при переводе мне оказала цитированная выше статья акад. И. Ю. Крачковского „Новые рукописи истории Шамиля“, в которой детально исследована вся неарабская терминология произведения Мухаммеда Тахира. Без систематических справок в данной статье едва ли мне удалось бы достигнуть точного перевода ряда мест оригинала, где автор передает в своеобразной транслитерации русские слова: адъютант, сержант, архиерей, улан, гусарский полк, величество, оказия, дрожки, чин и др. Также непонятыми остались бы и слова, заимствованные из турецкого и других языков, переданные в неверной транскрипции или искаженной форме.

В начале работы над переводом значительное для меня затруднение представляло необычное построение ряда предложений, очень часто совершенно не согласующихся с нормами синтаксиса арабского языка. Одновременно приводили в полное недоумение особые над- и подстрочные значки в форме арабских цифр, литер и производных от них сочетаний. У моих предшественников по исследованию арабоязычных рукописей и документов Дагестана я никаких указаний по этому поводу найти не мог, так как странные значки и у них вызывали недоумение или же приводили к ошибочным выводам о их назначении.

Имея большой сравнительный материал, я провел работу по выяснению назначения и определению функций этих значков и мне удалось достигнуть некоторых положительных результатов. Если не с исчерпывающей полнотой, то во всяком случае в основных

чертах, удалось раскрыть целую систему пояснительных значков, имеющуюся только в арабоязычных рукописях и документах Северного Кавказа и больше нигде не встречающуюся. Эти значки имеют смысловое и синтаксическое назначение, связывая между собою различные части предложения, фразы и целые абзацы.[1] Дальнейший анализ этой системы значков показал, что ее употребление позволяет допускать значительные отклонения от норм арабского синтаксиса и до максимального предела доводить краткость изложения, чем и пользовался Мухаммед Тахир при изложении переводимого мною сочинения.

Последующая работа по переводу, благодаря открытой системе пояснительных значков, была уже значительно легче и увереннее.

Вся работа по подготовке сводного критического текста и русского с него перевода проводилась мною при непосредственном и повседневном руководстве и помощи акад. И. Ю. Крачковского, за что приношу ему свою искреннюю благодарность. Он первый в Академии Наук СССР обратил внимание научной общественности на это сочинение Мухаммеда Тахира ал-Карахи, как на произведение большого значения для истории народов СССР, он первый проявил инициативу в подготовке издания этого произведения в арабском оригинале и русском переводе, ему же обязано оно своим появлением в свет.

Май 1940 г.

А. Барабанов

---

[1] Подробно об этих значках см. мою статью: „Пояснительные значки арабских рукописей и документов Северного Кавказа". Советское востоковедение, № 3 (печатается).

*

БЛЕСК ДАГЕСТАНСКИХ ШАШЕК В НЕКОТОРЫХ ШАМИЛЕВСКИХ БИТВАХ

*

Именем аллаха милостивого и милосердного.

Нет силы, нет мощи, кроме как при посредстве аллаха высокого и великого. Хвала аллаху, который предпочел сражающихся за веру неучаствующим и [отметил их] великим вознаграждением. Молитва аллаха, приветствие и мир над нашим господином Мухаммедом, над его семьей и сподвижниками и их последователями в борьбе за веру, в священной войне, в учении и обучении.[1]

А затем. Люди Дагестана в эту последнюю эпоху называли себя мусульманами. Но не было у них того, кто призвал бы их к [выполнению] предписаний шариата и запретил бы то, что отрицается исламом. Нет, они постепенно превращали в религию обычаи адата, а их кадии даже побуждали народ к адату, восхваляя его возглавителей за его установление и укрепление. Они называли адат справедливостью. Хвала аллаху всевышнему. И как мерзко то, что было среди них из отрицаемых [Кораном поступков], в их сборищах и смешениях, особенно с неверными русскими. Одни шли с неверными вместе даже в войне против мусульман. Другие перемешивались с неверными и днем и ночью смешением предков, детей,

[1] В рукописи *К* на полях к этому месту текста сделана глосса: „Мюрид — на языке находящихся в вилайете Шамиля — это тот, кто трудится под управлением шариата и хотя бы внешне ему повинуется. Отступник [мунафик] — тот, кто склонился к неверному врагу или убежал к нему, или жил под его управлением, хотя и был бы по религии мусульманином. В этих понятиях употребляются эти слова в различных местах «Блеска . . .». Это, и салам. Да помилует его аллах всевышний“.

братьев и внуков. Третьи отдавали неверным в заложники своих детей, ища чего-либо из их подачек. Четвертые делали управителем над своими домами какого-нибудь дьявола-соблазнителя из неверных, или же того среди них самих, чьим поведением были довольны неверные, того, кто будучи искренен в царской службе, снискивал себе расположение царя и одобрял его политику, рассматривая ее как необходимое дело в правильном установлении их мирских и загробных дел, а то, что предписал им аллах всевышний в истинной вере, считал пороком и погибелью. Истинно мы принадлежим аллаху и к нему возвращаемся. Затем аллах всевышний оказал им милость и послал к ним истинного ученого, точно познавшего [тарикат] храбреца Гази Мухаммеда, павшего [впоследствии] за веру, да освятит душу его пресвятой и преславный, для возобновления изучений законоположений шариата, выпрямления извращений славной мухаммеданской религии, восстановления в жизни обрядов ислама, покинутых и оставленных забытыми, и исполнения предписаний книги аллаха всевышнего, заброшенной с древних времен в пренебрежении.

Затем он поставил рассудительного ученого, мужественно устремляющегося (на врага, храбреца, павшего) [впоследствии] за веру, потомка лучших из иноплеменников — Хамзата, водворив его на место и на путь продолжения усилий павшего за веру Гази Мухаммеда, да сделает аллах всевышний благоуханной его могилу, а рай — его обителью.

Затем был послан познавший [тарикат] ученый, внушающий уважение и [в то же время] общительный, самолично сражающийся за веру, стойкий и в храбрости, и в бедствии — Шамиль, прославленный деяниями его джихада на западе и востоке так, что даже обитатели Мекки и Медины, шейхи Балха и Бухары и все праведники стран света, [расположенных] направо и налево, обращаются к аллаху

с молитвами о даровании ему победы, завоеваний, успеха и долголетия, а сердца жителей Петербурга, Сибири и Москвы ужасаются от страха. И все это[1] только чистотой благости милостивого и всеведущего.

Они [т. е. три имама] провели удивительные битвы и великие сражения,[2] бросая самих себя в места несомненной погибели в сопротивлении великой силе русских и вражде против их помощников — отпавших и отступников от ислама. Это несмотря на то, что они находились в этих жилищах, средства пропитания которых — слабые и немощные, численность их и их вооружения — незначительные, а большинство жителей этих жилищ склоняются к неверным, жадно устремляясь к тому, что в их руках, и полагаясь на обиталище гибели.

Мы описали некоторые из этих битв и сражений. Пусть будет назидательным примером о минувших временах и периодах, наставлением вразумляющимся и примером для следования разумеющим. И мы назвали эту книгу „Блеск дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах" потому, что Шамиль — очевидец мест падения за веру первых двух,[3] отличившийся в большинстве этих битв и в тягостях раскола и несогласия, и потому, что он собрал все подробности этих битв, которые могут наполнить целые томы книг, при слушании которых будут поражаться и уши и разум. Аллах всевышний над тем, что он хочет — всемогущ, и он — хороший и защитник и помощник.[4]

---

[1] Глосса: „Т. е. упомянутое из его блестящего и славного преобладания. От автора".

[2] Глосса: „Повторение или начало сражений — Ахульго".

[3] Глосса: „Т. е. Гази Мухаммеда и Хамзата. От автора".

[4] В рукописи *А* сыном автора Хабибуллахом ал-Карахи считавшим, вероятно, это предисловие неприемлемым для цензуры и несогласующимся с указаниями Мавраева, дано другое. После обычного восхваления аллаха он пишет: „А затем эта книга упоминает о битвах, имевших место в Дагестане в эти последние времена. Собрал ее дагестанский ученый Мухаммед Тахир ал-Карахи и отредактировал ее для печати его сын. И с аллахом всевышним успех и польза. Поистине люди Дагестана в эти последние

Глава о начале дела Гази Мухаммеда

И вот, в 1248 [1832] г., когда аллах всевышний захотел возобновить свою религию и отличить хорошего от дурного и возвеличить некоторых из них битвами, а некоторых смертью праведников за веру, то поднялся человек, у которого не было племени, где бы он поселился, и не было силы взять верх над теми среди народа, которых благоденствия делали неблагодарными и обилие напитков веселило.[1] Он — ученый, укрепленный небесной милостью на прямом пути — Гази Мухаммед ал-Гимри ад-Дагестани, да будет свята душа его. Он призывал их к обязательности шариата, действиям в соответствии с ним[2] и к отстранению обычаев адата и оставлению их. Он устрашал, угрожал и, для того чтобы обратиться к старейшинам Дагестана, составил послание, обличая в нем людей адата в неверии, которое назвал „Блестящее доказательство об отпадении от ислама признающих адат“.[3] В нем он сочинил следующие стихи:

А что касается историй обычаев,[4] то, истинно, они диваны рабов побитого камнями изменника.

Рассудит владыка ислама между Мухаммедом и тем, кто основал презренный обычай погибели.

времена обычно называли сами себя людьми ислама. Но не было у них того, кто призвал бы их к обязательности предписаний ислама; большинство приговоров среди них осуществлялось по адату [обычаю], а их кадии за исключением только немногих пренебрегали «приказом и запрещением» и перемешивались с невеждами [т. е. не познавшими ислам] в питье, забавах и запрещенном табаке“.

[1] В рукописи *А* вставлена дополнительно фраза, отсутствующая в других рукописях: „Он поднялся и приложил все старания для изучения наук, говоря: «Истинно, я изучаю науки для исполнения дел религии»“.

[2] В рукописи *А*: „Когда же углублялся в науки, то призывал их к обязательности предписаний шариата и действиям в соответствии с ними“.

[3] В рукописи *А*: „Известное среди людей знания под названием «Блестящее доказательство об отпадении [от ислама] старейшин Дагестана»“.

[4] Обычаи здесь употреблены в смысле — адаты, т. е. права и законы, основанные на родовых и кровных обычаях и традициях.

[5] Диван — архив, сборник стихов или произведений, принадлежащих одному автору или же посвященных одному лицу.

Если последователь Мухаммеда приобрел твердое руководство [ислама], то основатели адата не получили и самого слабого помощника.

Завтра узнают они исполняющего обещания в отношении того или другого из них, когда увидят день созерцания мрачности.

Милосердый удалит народ, приверженный к адату от „ал-Каусар ал-Байда“[1] в день раскрытия тайных помыслов.[2]

Если бы для аллаха приверженец адата был равен приверженцу шариата, то у нас не было бы разницы между праведным и нечестивым.

Так для чего же посылались пророки, установлены законы аллаха и ниспослан Коран с этими предзнаменованиями?

Какое пребывание в доме, где не находит успокоения сердце и где неприемлема власть аллаха,

Где широкая чистая [религия] стала отрицаема, где правит невежда, покинутый [аллахом].

Самый презренный этого дома почитается как благородный, нечестивый—как справедливый, а всем известная [вера] превратилась в неведомую.

Считается в нем тот, кто приказывает благо, творящим пороки, а запрещение отрицаемого ты встречаешь там в немощи.

Если бы жизнь избранного продолжалась до этого времени, то индийский меч был бы у него всегда обнажен.

Если мною сказанное будет отвергать кто-либо из народа, то я ему говорю: „Выступающий необдуманно с отрицанием не является умным“.

О отчужденность ислама! Если ты уже отправился в путь, то приветствуй же того, кто в земле похоронен.

---

[1] „Ал-Каусар ал-Байда“ — по учению ислама, водоем в раю.
[2] Т. е. в день страшного суда.

Пророка — благородного хашимита,[1] к заступничеству которого прибегают, посланца, великого могуществом — я подразумеваю Мухаммеда, да будет молитва аллаха всевышнего над ним и мир.
Ведь все эти твари были до сих пор уходившими [на тот свет] от все более увеличивающихся несчастий и от вражды.

Окружали их обстоятельства и их поступки противодействием заповедям аллаха, запретам и прямому пути.
Разногласиями и грехами стали они раздираться. Овладели ими люди неверия и тот, кто [постоянно] враждует.

Истинно, я утешаю людей возвышенности и заступничества тогда, когда постигает погибель вершину их главы.
Если вы не видели добра в подчинении вашему владыке, то будьте рабами тому, кто причинил [вам] мучения.

И после того и этого исчезла, наконец, враждебность народа, и он ответил [согласием] на принятие судов шариата. Затем Гази Мухаммед пошел в город Чиркей и призвал их [жителей Чиркея] к этому же. Они ответили согласием примерно через месяц. И пошли община за общиной по пути шариата вольно или невольно. Сообщил мне человек, заслуживающий доверия, о том, что сообщил ему слуга великого шамхала: Гази Мухаммед один вошел к шамхалу разгневанный и сурово сказал ему: „Установи в твоем вилайете шариат".

Цвет лица шамхала изменился, вид его стал кротким, и он сказал: „Сделаю, сделаю". На этом Гази Мухаммед ушел. Затем шамхал сказал этому слуге: „Клянусь аллахом, я чуть было не намочил в одежду из страха перед ним", и он было поднялся как будто бы для выполнения этого [обещания?], но

[1] Эпитет Мухаммеда, происходившего из рода Хашима племени Курейш

ничего не сделал. Конец. И хвала аллаху, владыке миров.

Затем от ученого Мухаммеда Эфенди ал-Яраги ал-Кудали и Джемаль ад-Дина ал-Гази-Гумуки, да помилует их аллах всевышний, распространились благословения шейхов тариката.

Эти благословения для исполнения предписаний шариата были подобно весеннему дождю для произрастания растений. Затем он написал послание во все стороны и округа. В этом послании — радость для правоверных и проклятие и угроза для строптивых и превозносящихся над исламом.

Содержание послания: „Именем аллаха милостивого и милосердного. Он — создатель всевышний и тот, у кого испрашивают помощи. Идет наш приказ, а мы, рабы аллаха всевышнего — владетели крепкого мужества, господствующие над каждым сильным сопротивляющимся, — к каждому, кто противодействует шариату избранного и противоречит образу действий праведных. Мир над теми, «которые внимают этому слову и следуют тому, что наилучшее в нем»[1] и избирают покорность религии его. А затем. О вы, порочные души, знайте, что мы отдали свои души и жизни для возвышения слов всевышнего владыки и посвятили самих себя исканию благорасположения всевышнего аллаха. «Если же у вас есть какая хитрость, то хитрите».[2] Затем пусть не будет ваше дело скрытым от вас, не ждите долго с ответом, ибо «Когда мы спустимся на равнину какой-либо общины, то плохим окажется утро предостерегаемых ныне»[3] (тех, кому отсрочено). А если же вы раскаетесь, то вам — ваши богатства. «Не притесняйте и не будете притесняемы».[4]

---

[1] Коран, 39_{19}.
[2] Коран, 77_{39}.
[3] Пересказ 177-го стиха 37-й суры Корана.
[4] Коран, 2_{279}.

В противном же случае — как только холод снимет свою шубу, а тепло наденет свои одежды, мы непременно придем к вам с таким войском, противостоять которому у вас нет сил, и непременно с позором выгоним вас из ваших селений, и вы будете опозорены. «Мы непременно заставим вас сперва испытать наказание ближайшее, потом наказание величайшее, может быть, вы обратитесь».[1] Мы выступили, а мы — народ кроткий в отношении правоверных и суровый в отношении неверных, — для оказания помощи нашим правоверным братьям, раскаивающимся и поклоняющимся, мир над вами до дня воздаяния.

А затем. О вы, благородные братья, терпите, будьте упорны и всегда на страже своих границ, бойтесь аллаха и авось достигнете счастья. Может быть аллах отвратит зло тех, которые притесняют. Истинно, аллах не устраивает дело творящих пороки. Терпите до тех пор, пока мы не придем к вам, и не повинуйтесь приказу поступающих несправедливо. «Не ослабевайте и не печальтесь: вы ведь самые возвышенные».[2]

И мир над тем, кто следует по истинному пути и покинул ложь. Тому же, кто будет найден нами незнающим «ал-фатихи», «ат-ташаххуда»[3] и прочих основ и обязательств молитвы и смысла изречений: «свидетельство о единобожии», «вера», «ислам», слов и поступков, делающих «кафиром» [неверным], семь великих прегрешений, семьдесят [средних] и четыреста малых, за это мы воздадим соответствующим образом. И с миром".

---

[1] Коран, 32_{21}. В конце фразы взамен имеющегося в Коране местоимения третьего лица множественного числа поставлено второе лицо множественного числа.

[2] Коран 3_{133}.

[3] Ал-фатиха (открывающая) — 1-я сура Корана: ат-ташаххуд — свидетельствование о единобожии, заключающееся в фразе — „нет бога кроме аллаха".

Глава о начале сбора войска Гази Мухаммедом

Когда Гази Мухаммед увидел, что люди в отношении религии противоречиво разделились на несколько групп: некоторые из них поднялись для установления предписаний шариата и исполнения их, другие встали для того, чтобы погасить огонь шариата и возвысить свои обычаи, а некоторые же из них колебались между одними и другими, — то он собрал войско для обхода селений и городов с целью направить на истинный путь повинующихся, выпрямить искривленных и разбить преступную знать селений.

Он вошел в селения Каранай и Эрпели. Он подчинил и наставил жителей этих селений, а кадия Караная и знать селения отослал в заключение в Гимры. Затем отправился в Харакан. Жители повиновались и подчинились ему, а их известный ученый шейх Саид убежал в долину под покровительство русских. Имевшееся в его доме вино в кувшинах было вылито.

Затем он пришел в Ансаль. Он уговорил и расположил жителей к приему шариата и повиновению ему [шариату]. Передают о его чудесах, да будет свята душа его, о том, что он сказал жителям Ансаля следующее: „Поистине, вы хотите вернуться к тому, что было у вас раньше и попрежнему ходить в долину для продажи яблок и вина. Но выступит против вас второй и сделает для вас тяжелым [ваше существование], а затем вы увидите, что сделает с вами третий“.[1] Он достиг округа Багуляль. Приказывал и запрещал его жителям. Он побил кадия Мехельты, жители которого подчинились ему, и он повел их с собою в вилайет Андаля. Ему оказали сопротивление в селении Гагаль. Там пали смертью праведников не-

1 Глосса: „Как будто бы он имел в виду вторым — Хамзата, а третьим — Шамиля. И мы в будущем обратим на это внимание, если захочет аллах всевышний. От автора“.

сколько человек из Мехельты и других селений. Было убито множество андальцев. Андальцы были там побеждены и повергнуты униженные, смиренные и покорные всему тому, что Гази Мухаммед им приказывал или запрещал.

Глава о первом сражении в Хунзахе

Вследствие того, что народ Хунзаха и возглавляющая Хунзах [ханша] были источником всяких межусобиц и пороков и прибежищем для каждого злоумышленника, мятежника или бродяги, Гази Мухаммед выступил против них с войсками и многочисленными толпами и направился против города возглавлявшей хунзахцев Баху-Бики, (дочери Умму-хана). Передают, что в то время, когда войска вошли в город, она стояла на крыше, подбадривая и воодушевляя своих людей.

Гази Мухаммед вел войска Киндаля, а своего ученика и близкого товарища Шамиля назначил руководителем и управителем над войсками Багуляля. Шамиль повел их в наступление на город со стороны кладбища, а в это время хунзахцы осыпали их пулями, точно градом с неба. Шамиль и около 30 юношей из тех войск, которые были с ним, проникли в один дом и закрыли за собой дверь. Там пало смертью праведников множество багуляльцев и других. Те, кто наступали с Гази Мухаммедом с восточной стороны, убежали. Говорят, что люди Багуляля ударили в тыл киндальцам в то время, когда последние обратились в бегство.

Багуляльцы и хунзахцы примирились, и закричал об этом один человек из Мехельты хунзахцам, он также закричал и тем, кто находился в том доме: „Выходите и вам не будет причинено вреда“. Шамиль же не торопился с выходом, боясь, что в этом имеется какое-либо коварство. Наконец, они вышли.

Когда Шамиль достиг Багуляля, то жители собрались против него, окружили его, сурово обошлись с ним и укоряли: „Эта межусобица из-за вашего злополучия". Они сняли с него оружие и чалму и чуть не убили. Он спасся благодаря защите дервиша Нур Мухаммеда ал-Инхови с товарищами и уговорам одного Мехельтинца — сына того побитого кадия. Эта ночь была первой ночью рамадана 1245 г. [24 II 1830], конец зимы.

Отступники обрадовались этой битве, колеблющиеся склонились к отступникам, а среди других проявлялась вялость и пренебрежение. Тогда Гази Мухаммед и его товарищи засели и вырыли себе под землей вне селения на ровном пустом месте жилище и мечеть. Вскоре после возвращения Гази Мухаммеда с хунзахской битвы произошли сильное землетрясение, о чем будет упомянуто в будущем, затем великая чума среди народа и народ стал как бы пришедшим в себя [от обморока или опьянения].[1] Затем из-за коварства Баху-бики в ночь на десятое зулхиджжи против Гази Мухаммеда выступили русские. Произошло сражение. Затем жители Гимр отдали русским двух злоумышленников из своей среды в знак залога и перемирия. Гази Мухаммед не соглашался на это. Этот поход русских вынудил Гази Мухаммеда к взятию крепости Агаш.

Глава о сражении Хамзата в Чарталы

Осенью этого года, а это был второй год со времени постройки крепости Чар, Хамзат, попросив разрешения у Гази Мухаммеда, повел большое войско с разных сторон в Загорье. С ним согласились [на выступление] жители Чара и те, кто был с ними. Против них выступили из крепости русские. Хамзат и жители Чара бились сильным боем, поубивали

[1] Автор хочет сказать, что народ из-за этих событий встал на праведный путь.

множество русских и прогнали их обратно в крепость. Русские оставили после себя [на месте сражения] пушку. Войска Хамзата раздели убитых и забрали пушку. Они прилагали все ухищрения разломать эту пушку, но не могли ничего сделать. Когда Хамзат увидел, что они не могут искоренить неверных из крепости, он захотел взять [от русских] обещание о безопасности вилайета Чар и отправился для этого в крепость с шейхом Ша'баном ал-Бухнуди. Они были там посажены, а затем отправлены в Тифлис, где содержались некоторое время. Затем они оба были освобождены при условии перемирия и выдачи в заложники двух сыновей Хамзата.

После этого Хамзат сидел у себя дома, изучая науки до тех пор, пока ему не было сообщено о смерти его сына, отданного ради него в заложники. Он тотчас же отправился к Гази Мухаммеду, да будут святы души их обоих.

Глава о первом сражении в крепости Агаш

Во время весны шестого года[1] Гази Мухаммед выступил примерно со 148 людьми для действий против крепости Агаш, между которой и Казанищами около одного часа пути. Затем выступил шамхал-хан и Ахмед-хан со всеми жителями равнины, но они были обращены в позорнейшее бегство. Большинство ополченцев и жителей равнины склонялось к Гази Мухаммеду и его приказам. Затем русские вторично пришли к крепости и остановились у Арутирика. Против русских вышли некоторые из находившихся в крепости под предводительством Али-султана ал-Унцукулуви, обратили их в бегство и перебили. Пали смертью праведников два человека и был ранен дервиш Нур Мухаммед ал-Инхови.

[1] Имеется в виду 1830/31 год, т. е. 1246 год хиджры.

Затем русские ушли в Кафыр-Гумук, а Гази Мухаммед со своими войсками направился в Атлибуин, между которым и крепостью Тарго час пути. На них напали русские войска с двух сторон. Они сражались с ними на два фронта, поубивали множество из них и обратили в сильное бегство. Войска русских собрались там вторично, но от страха у них не было сил встретиться с Гази Мухаммедом в битве. Затем Гази Мухаммед напал на селение Параул, где находились сокровища и драгоценности шамхала и всей знати. Он забрал все, что там было, и доставил в крепость Агаш.

Глава о сражении в крепости Тарго

Затем он выступил против крепости Тарго и стремительно напал на нее. Говорят, что они [войска Гази Мухаммеда] проникли в крепость через пушечные амбразуры в стенах.

Передают также: „Вот пришел один гимринец к Гази Мухаммеду и радостно сообщает ему о том, что крепость уже взята. Гази Мухаммед ответил ему: «Крепость не будет взята, однако там есть какое-то дело, которое аллах всевышний хочет осуществить. Ты отправляйся, и я пойду»". И вот, когда они сражались в крепости, попал огонь в пороховой погреб, находившийся на месте расположения наших войск. Огонь взорвал погреб и было уничтожено из наших войск около 1200 человек, из них около 80 человек из Чиркея.[1] После этого происшествия туда против них направились русские. Произошла битва. Гази Мухаммед три раза бросался там в толпу сражаю-

[1] В рукописи *К* сделана вставка: „Было уничтожено взрывом в крепости Тарго во время Гази Мухаммеда около 1200 человек, убито при взятии селения Чох около 200 человек и ранено 1025 человек, убито при взятии крепости Ансаль около 120 человек и ранено 520 человек, и это — три величайшие [битвы] по причиненному опустошению, имевшие место в его время. От автора".

щихся. Храбрец Нур Мухаммед ац-Цубути убил шашкой одного солдата, намеревавшегося пронзить ружейным штыком Гази Мухаммеда.

Дополнение. Примерно через 20 дней после этого сражения родился Джемаль ад-Дин, сын Шамиля.

Глава об осаде крепости Индири и нападении на Агдаш-аух

Затем Абдуллах ал-Ашильти, да помилует его аллах всевышний, с войсками Салатау осадил город Индири и находившуюся там крепость. К ним пришел и Гази Мухаммед. Они находились в осаде примерно полтора месяца. Затем Гази Мухаммед узнал о том, что русские извне идут против них. Он разрешил войскам вернуться обратно. Большинство войск, [набранных] из разных случайных людей, вернулось, а Гази Мухаммед и те, кто остались с ним, бились сильным боем с пришедшими со стороны [русскими]. Затем он собрал войско и засел в Чумили, неприступной местности между Индири и Аухом. Пришли русские войска и проникли в селение Агдаш-аух, сжигая селение. Их прогнали оттуда позорнейшим образом некие два брата, павшие за пределами селения смертью праведников. Рассказывают, что мать этих двух братьев, когда стояла над ними [убитыми], не плакала и не обнаруживала какой-либо печали, а даже проявляла радость и веселье по поводу того, что их постигла смерть праведников. Она даже горевала о том, что ее последний сын отсутствовал в какой-то поездке и не был с ними для того, чтобы получить смерть праведника, как получили его братья.

„Терпение — прекрасно, а аллах — тот, к чьей помощи прибегают“.[1] Конец.

---

[1] Коран, 12_{18}.

Русские начали возвращаться, а Гази Мухаммед разжег битву против них. Он убил множество из них, прогнал их в Индири и, забрав от них исправную пушку, доставил ее в Чиркей. Затем он переселил жителей Индири на один участок, который он купил для новых поселений на нем за 500 туманов из средств общественной казны. Туда переселились также находившиеся в окрестностях Индири. Сам он отправился к себе домой.

Затем русские пришли в Кафыр-Гумук. Гази Мухаммед тогда отправился для осады города Дербента и осаждал его около 15 дней. Там произошла битва. Затем к нему пришел познавший [тарикат] при помощи аллаха всевышнего Мухаммед Эфенди ал-Яраги, да будет свята душа его, и те, кто был с ним. Он [до этого] находился в Табасаране. Гази Мухаммед вернулся с ним и поселил его в Эрпели, а затем в Чиркее.

Глава о взятии крепости Кизляр

Затем во время осени Гази Мухаммед собрал войска. Ему сообщили, что русские идут в Кильбах. Тогда он отправился со стороны Чечни в Кизляр, взял его, забрал там великие богатства и множество пленников. Рассказывают со слов одного черкеса, бывшего в Кизляре во время его взятия: „Прилетели полчища черных воронов и свет солнца как будто бы закрылся от их многочисленности. Кружась над крепостью русских, они своим карканьем отвлекали их от дела и приводили в смущение. Когда же ушли войска Гази Мухаммеда, то постепенно улетели и вороны“. Конец.

Когда Гази Мухаммед ушел в Кизляр, пришел проклятый генерал с многочисленными войсками в Чиркей. Чиркеевцы с разрешения шейха Мухаммеда Эфенди ал-Яраги заключили с ним перемирие

и возвратили русским ту пушку. Эфенди переселился в селение Ихали, а жители Индири и те, кто раньше переселялись с ними, возвратились обратно на свои основные родные места.

Затем Гази Мухаммед направился с войском к крепости Бурау и уже был близок от нее. Там он был сшиблен с лошади силой движения воздуха от пролетевшего поблизости пушечного ядра неверных и вернулся обратно.

Глава о втором сражении в крепости Агаш

Затем русские и все жители равнины выступили против крепости Агаш. Гази Мухаммеда там не было. В крепости находились Шамиль, Хамзат и Саид ал-Ихали. Шамиль выступил навстречу врагам из крепости со своими товарищами-гимринцами. Когда же дело стало трудным, то его товарищи отделились от него; с ним остались только трое. Они прогнали отряд врагов с одной стороны при помощи стрельбы им в тыл и, [прорвав кольцо врагов], убежали в крепость. Хамзат, Шамиль и некоторые из тех, кто были с ними, бились в крепости сильным боем и перебили множество из неверных. Русские окружили крепость со всех сторон, но проникнуть внутрь не смогли. Они сражались до тех пор, пока не наступил мрак ночи, враг немного отступил от крепости и находившиеся в ней, раздев убитых ими, вышли и покинули крепость.

Глава о сборе войск Гази Мухаммедом для похода в Чечню

Когда соседи Гази Мухаммеда из Чиркея и из других селений склонялись к неверным, он собрал войско в Чечню, а было время весны, для исправления дел чеченцев и газавата в их стороне. В эту

поездку с ним отправился познавший [тарикат] при помощи аллаха всевышнего Мухаммед Эфенди ал-Яраги. Он проник в чеченскую землю и сжег некоторые их селения. В Гудермесе против них выступило 500 всадников из русских. Они перебили этих всадников; из них спаслось только 3 человека. Убитые были раздеты, было забрано так же все, что при них находилось: две пушки и прочее. На следующий день пришло многочисленное войско из русских. Завязалось сражение, войска Гази Мухаммеда отступили. Эти две пушки после были доставлены в селение Байян.

Отступление с упоминанием о некоторых достойных качествах и благородных поступках Гази Мухаммеда

Затем Гази Мухаммед вернулся из Чечни, сказав: „Это войско идет против меня и я буду сражен смертью праведника у двери своего дома". Затем он принялся приготовлять к обороне одно недоступное место в ущелье долины Ригун, копая там рвы и подземные жилища. Он был занят этим делом до начала осени.

Передают со слов гимринской женщины, дочери дяди по матери Гази Мухаммеда и одновременно дочери тетки по отцу Шамиля о том, что она в сопровождении других женщин посетила Гази Мухаммеда в Ригуне.

В беседе Гази Мухаммед сказал им: „Поистине я скоро удалюсь от вас". Женщины заплакали и спросили: „А кто же будет у нас после тебя?".

Гази Мухаммед ответил: „Шамиль будет хорошо относиться к вам".

Тогда они ему ответили следующее: „Он не заменит нам подобного тебе".

Он им сказал: „Шамиль будет долго жить. Я видел во сне, что как будто бы в реке были два бревна;

одно из них мое, другое — Шамиля. Река унесла мое бревно и выбросила бревно Шамиля, и вдруг оно оказалось кипарисом, и было мне сказано, что продлится польза Шамиля до бесконечности".

Передают также, что Гази Мухаммед однажды, смотря вслед Шамилю, в то время когда последний отвернулся от него по направлению к тому, кто находился у двери, сказал следующее: „Каков бы он был, если бы знал, что будет с ним в будущем?".

Рассказ. Был с Гази Мухаммедом один ученый мухаджир из жителей равнины по имени Хасан Хусейн. Мухаммед Эфенди ал-Яраги любил его, приблизил к себе и поручал ему некоторые свои дела. Затем, когда возвратились из Чечни, его оставили там. Через некоторое время пришел из Чечни один человек и сообщил: „Хасан Хусейн вернулся к русским и вышел против нас с их оказией[1] и мы его убили".

Гази Мухаммед сказал: „Подлинно мы принадлежим аллаху и к нему возвратимся", заплакал и обратился к Шамилю: „Если я сверну в сторону от этого нашего дела, то убейте меня без промедления, дабы я не был под словами аллаха всевышнего — «Истинно мы продлеваем им жизнь для того, чтобы они увеличивали беззаконие»".[2] Конец. Это была у Гази Мухаммеда боязнь за плохой исход жизни, как то случилось с этим Хасаном Хусейном. Да наградит нас аллах всевышний хорошим исходом жизни.

Передавал[3] мне человек, заслуживающий доверия, со слов одного слуги при столе у Абу Муслима шамхала следующее: „Пришло к Абу Муслиму послание от одного человека, живущего по соседству с благородной могилой, да будет молитва аллаха над давшим

---

[1] Т. е. вооруженным отрядом. Слово „оказия" употребляется автором этого сочинения в общепринятом в его время на Кавказе значении (см. И. Крачковский. Новые рукописи истории Шамиля. Исторический архив, т. II, 1933, стр. 22).

[2] Коран, 3_{172}.

[3] Всех последующих рассказов в рукописи *К* нет.

ей славу и мир: «Истинно я раньше видел во сне пророка, — да будет над ним молитва аллаха всевышнего и мир, — обычно одного, а сейчас я вижу с ним некоего другого мужа. Я спросил пророка об этом муже. Он мне сказал — это Гази Мухаммед». В том письме было пояснение наружности этого человека и его свойств. Затем этот человек, живший рядом с благородной могилой, писал: «Я прошу тебя аллахом великим, о, Абу Муслим, напиши мне, имеет ли Гази Мухаммед указанную наружность и свойства?».

Абу Муслим позвал известного ученого хромого Хаджиява ал-Урути, подал ему это послание и спросил его был ли Гази Мухаммед таковым, как описано в этом письме. Ученый Хаджияв ответил: «Клянусь аллахом, я водил дружбу с Гази Мухаммедом в течение двенадцати лет, еще во время учения, и он был таков, как описано, и я не могу описать его лучше, чем написано, хотя и водил с ним так долго дружбу»“. Конец.

Передавали мне также, что этот ученый Хаджияв ал-Урути обычно говорил: „Если бы я и Гази Мухаммед жили до времени нашего пророка, да будет над ним молитва аллаха всевышнего и мир, то я сказал бы, что Гази Мухаммед — пророк“. Конец.

Передавали мне также, что когда Гази Мухаммед учился в детстве в одном селении, то там был один дряхлый старик, который очень дружил с Мухаммедом Эфенди ал-Яраги и Гази Мухаммедом. Этот старик сообщал нам, что Мухаммед Эфенди говорил: „Я и ты — мы можем подтвердить, что Гази Мухаммед находит решение по Корану в отношении того, к чему он направляется. Больше того, он даже проникает в провидение будущего и ему открывается все, кроме «сути обстоятельств трона и седалища»“. Конец. Да освятит аллах всевышний их души и да вознаградит нас соседством с ним.

Сообщил мне человек, заслуживающий доверия, со слов такого же человека из Гимр о том, что после возвращения с битвы в Хунзахе, некоторые люди из гимринцев в их мечети после полуденной молитвы говорили в присутствии Гази Мухаммеда: „Этот привел в движение великие межусобицы и сделал мир тесным для народа". Они как бы упрекали Гази Мухаммеда. Тогда Гази Мухаммед, рассерженный и обиженный их словами, закричал: „Аллах, аллах!"[1] И затряслась мечеть. Те устрашились и сказали: „Давайте же покаемся". Гази Мухаммед быстро встал и сказал: „Я уже покаялся раньше" и ушел к себе домой.

Это было то сильное землетрясение, которое произошло в Дагестане в то время, в ту эпоху.

Сообщил[2] ученый Муртади Али аз-Зульди ал-Карахи этому редактору о том, что он, Гази и другие мужчины находились в Ашильте в одном доме. Гази Мухаммед лежал, покрывшись своей буркой. Вдруг он встал и сказал: „Нет силы, нет мощи, кроме как при содействии аллаха". Его спросили: „Что ты видел [во сне?]". „Ничего не видел", — ответил Гази Мухаммед. Ему повторили вопрос. Тогда он сказал: „Как будто бы русские уже приблизились к нам". И вдруг послышался голос какого-то верхового. Верховой вошел к Гази Мухаммеду и сказал: „Такой-то наиб послал меня к тебе сообщить, что русские идут из такого-то места". Гази Мухаммед сказал верховому: „Скажи наибу, пусть не боится, русские ведь идут ко мне, а не к нему". Он приготовился к выходу из [Ашильты] и ушел. Конец.

Из примеров силы его благочестия. Его рубашка была в заплатах. Ему сказали: „А почему не сделать

[1] Глосса: „А в другом рассказе — и сказал Гази Мухаммед: «Меня не заботит, как бы ни перевернулся мир, так или этак», и он повернул рукой направо и налево, и мечеть задвигалась, как его рука, направо и налево, и испугались те... и т. д.".

[2] Последующие рассказы имеются только в рукописи *А*.

тебе рубашку из этого вот полотна?“ В этом доме было множество полотна. Гази Мухаммед ответил: „Оно не является моим имуществом, оно имущество общего дела и бедных“.

Глава о сражении, в котором пал смертью праведника Гази Мухаммед и был ранен Шамиль

Пришли русские. Приготовление к обороне того участка[1] еще не было закончено. С русскими были люди Османлу Качара и Джамава ал-Хайдаки, Джемаля ал-Чиркави и Саида ал-Хараками. Тогда Гази Мухаммед пошел на гимринскую равнину, завалил преградами ее теснину и построил за завалами жилища.

И вот ночью перед самым днем битвы, а это была ночь на понедельник 3 джумада ал-ухра 1248 [29 X 1832] г., Шамиль увидел во сне, что как будто бы он находится в каком-то доме, а его ружья, и длинное и короткое, испортились. Враги забрались на крышу этого дома, проломали его крышу и просунули к ним внутрь ружье, а Шамиль, находясь внутри, отталкивал это ружье, а затем он, якобы, убежал из этого дома. Конец.

В понедельник на них напали русские. Битва пылала с утра до вечера. Войска Гази Мухаммеда отступили, а Гази Мухаммед, Шамиль и с ними около 13 человек засели в доме, находившемся позади завалов: Гази Мухаммед сказал Шамилю: „Зачем ты остался здесь?“. Как будто бы он не хотел, чтобы Шамиль был там среди осажденных. В этом доме находилось множество народу. Враги окружили и собрались вокруг дома, а некоторые из них забрались на крышу и проломали ее. Осажденные стре-

[1] Имеется в виду тот участок, который начал приготавливать к обороне в теснине долины Ригуна Гази Мухаммед по возвращении из Чечни.

ляли из дома, а враги стреляли в них. Ружья Шамиля испортились. Находившиеся на крыше просовывали в проделанные дыры штыки ружей и поражали ими, а осажденные отталкивали их, как это видел во сне Шамиль. Гази Мухаммед приказал напасть на врагов через дверь дома. Они столпились у двери, но никто не вышел наружу. Тогда Гази Мухаммед стал усиленно испрашивать у аллаха прощения своих грехов и, произнеся много раз „нет бога кроме аллаха", обнажил свою шашку и бросился наружу. С ним также бросился сын его тетки Мухаммед-султан. Шамиль приказал другим броситься вместе с Гази Мухаммедом, сам же Шамиль не был у двери, а дом был тесный, но никто не бросился. Шамиль спросил: „Пал ли Гази Мухаммед?". — „Упал невдалеке", — ответили ему.

Тогда Шамиль сказал: „Вот уже пришел некий день, в который мы не оплакиваем Гази Мухаммеда". И у Шамиля не было тогда ни печали, ни горя. Шамиль сообщил им о том, что „большеглазые гурии являются к павшим за веру еще до того, как их души отделятся [от тела], и может быть они уже в небесном пространстве дожидаются нас к себе".

Шамиль опасался, что враги бросят к ним огонь через проломы в крыше и взорвется порох, поэтому он приказал находившимся с ним сделать вылазку, но они не выходили. Тогда он обнажил шашку, бросил ножны с поясом, засучил рукава, подобрал полы и бросился из двери. Его папаха с чалмой упала от удара о верхний косяк двери. Шамиль ударил шашкой того, кто был у двери; тот упал ртом вниз и «опустил бороду». Шамиль ударил другого — тот также упал. Третий ударил Шамиля в грудь ружейным штыком и пронзил его грудь насквозь. Шамиль ухватился за находившийся в его груди штык одной рукой и, ударив напавшего шашкой, сшиб его. Ружье сшибленного упало [в стороне] от него.

Когда это все увидели нападающие, то перед Шамилем начали разбегаться. Находившиеся же сзади Шамиля преследовали его, не имея возможности стрелять в него из ружей из-за собственной же давки вокруг него. Наконец, один выстрелил в Шамиля из ружья, но не поразил его. Шамиль бросился на него с шашкой и нанес ему множество ударов, но тот защищался своей буркой.

Передают, что этот человек — Хан Мухуль и что он вернулся оттуда с крупными ранениями и умер ли он от этих ран или нет — аллах всевышний знает больше. Один солдат бросил камень и поразил им Шамиля в левую лопатку. Камнем была сломана ключевая кость. Боль была так сильна, что он застонал, но, однако, не упал.

И вот, в то время когда он бросался раз сюда, раз туда и в его помыслах не было уже надежды на спасение от них, он вдруг услышал топот кого-то бегущего сзади за ним и говорящего: „аллах! аллах!"

Это оказался их муаззин, который был с ними в том доме. Тогда в помыслах Шамиля зародилась надежда на спасение. Муаззин побежал вслед за Шамилем. Когда они отделились от окружавших их, то те открыли вслед им стрельбу из множества ружей. Но им никакого вреда не нанесли. После этого их не преследовали, хотя и находились и сзади их и спереди направлявшиеся в Гимры. Шамиль ослабел от несения шашки и передал ее муаззину. Когда они немного отошли от преследующих, Шамиль упал за скалой, готовясь умереть. Муаззин укрылся вблизи от него. Шамиль приказал ему бежать, но он от этого отказался.

В то время как Шамиль находился в таком положении, он увидел из-за верхушек гор еще не закатившееся солнце и вспомнив, что не совершил вечернюю молитву, начал совершать ее сокращенными приемами.

Когда он сделал два раката, его стало тошнить кровью, тошнило и тошнило. От этого наступило облегчение.

Они оставались там до тех пор, пока не исчез свет солнца и луны. Затем они пошли на вершину горы и провели там ночь при сильном холоде. На голове Шамиля ничего не было, а его пазуха — наполнена кровью, которой была смочена и вся его одежда, однако из раны в его груди выходил непрерывно горячий воздух, распространялся в его пазухе, и Шамиль согревался им.

Он сказал: „Эта рана в эту ночь для меня лучше, чем сотня туманов".[1] Когда же настало утро, Шамиль отправился верхом на лошади одного своего родственника в ту местность, где находились их семьи.

Русские оставались в Гимрах неделю. Они искали труп павшего за веру Гази Мухаммеда. Его им показали те, кто был с ними из отступников-гимринцев. Известный ученый Саид ал-Харакани приказал русским не оставлять трупа для захоронения в гимринской земле, доказывая им, что если они похоронят его в Гимрах, то мюриды будут посещать его могилу, собираться и приводить в движение межусобицы и пороки. Его слова подействовали на русских; они отвезли труп в Тарго, высушили его и сохраняли некоторое время, приставив к нему сторожей, а затем похоронили.

Когда же наступило время государства Шамиля и его сила достигла Тарго, то он послал вырыть этот труп из могилы. Его перенесли в Гимры и там похоронили. Над могилой была построена славная часовня. Да освятит его душу аллах всевышний и покроет нас его милостью. Передают со слов Хусейна, сына Ибрахима ал-Гимри о том, что он видел

---

[1] В рукописи *К* глосса: „Он закрывал свою рану лоскутом своей одежды и может быть вынул этот лоскут из раны из-за обилия крови, благодаря чему наступило облегчение. Когда же из-за ранения появился жар в эту холодную ночь, то он сказал: «Эта рана... и т. д.». От автора".

в Дербенде „историю“ [„военные ведомости“], сообщавшую о том, что Гази Мухаммедом было уничтожено из русских 8 тысяч душ. И это только при трехлетней длительности его сражений. Хвала аллаху, владетелю миров. После падения смертью праведника Гази Мухаммеда в этой упомянутой битве оплакал его в элегии стремящийся к истинности ученый Мухаммед Тахир.

Затем Шамиль со своей семьей переселился в селение Ансаль. Он не мог спать более двадцати ночей. Пришел доктор и наложил на его тело пластырь из воска. Шамиль заснул и проспал с утра до утра. Затем проснулся и спросил: „Совершал ли я полуденную молитву?“ Ему ответили: „Нет, даже несколько молитв миновали тебя“. — „Как же это?“ — спросил снова Шамиль. „Ты спал с утра вчерашнего дня до сего времени“, — ответили ему. Он не поправлялся до последних дней ша'бана. Затем встал и посетил устаза шейха Мухаммеда ал-Яраги в селении Балагин.

Глава о том, что произошло у Шамиля с гимринцами после этого

В начале рамадана он отправился в селение Гимры. Когда он направлялся в „завию“[1] для омовения, он увидел женщин, сидящих на улице и обрабатывающих шерсть.

Сказав: „поистине эти считают, что шариат умер вместе со смертью Гази Мухаммеда“, он прошел мимо них, предполагая, что они уйдут до его возвращения. Но когда он вернулся, то нашел их на прежнем месте, а подле них — дряхлого старика.

---

[1] Завия (кулья) — маленькая, расположенная в стороне от жилища каморка, в которой совершается омовение перед молитвой и иногда сама молитва.

На старике не было „изара“,[1] а в руке его была толстая палка.

Шамиль отнял у него палку и сурово сказал: „А разве сидение вместе с женщинами было тебе приказано?“. Старик упал и стали видны его срамные части тела. Шамиль принялся бить женщин. Они все разбежались, кроме одной. Она упорствовала, а он ее бил и бил. Когда же она увидела, что он ее не оставит, то она также убежала с криком: „Ой, он меня убил“. Шамиль пошел к себе домой.

Сын этой женщины пришел к их [гимринцев] кадию с жалобой на этот поступок. Их кадием был Хасан ал-Мухаммед ал-Харикули, тот, у которого целовал ноги Гази Мухаммед, говоря: „Истинно этот шариат — религия нашего владыки, он отнюдь не является чем-либо особенным только для меня. Будь же и ты помощником шариату и утвердителем его и непокорные невежды не будут тащить тебя к их устремлениям“.

Но этот кадий не поднялся для этого и не послушался увещания. Конец.

К Шамилю пришел тотчас служитель кадия, заявляя ему о том, чтобы он явился к кадию для наказания за то, что он запретил запрещенное без разрешения кадия, а это невозможно. Шамиль ответил повиновением и послушанием и вышел. Палач дал ему двадцать с лишним ударов плети. Во время битья Шамиль почувствовал выделение чего-то из раны на его груди. Он приложил свою руку — это была кровь, он показал кровь палачу и сказал: „Ты разорвал мою рану и на тебе ответственность“. Палач испугался и сказал: „Я думал, что твоя рана уже зажила, иначе мы не били бы тебя“.

Это был день пятницы, и Шамиль нашел всю общину в мечети. Он попросил у кадия разрешения сказать речь. Он говорил и доказал законность

[1] Изар — передник, фартук, кусок ткани, покрывающий нижнюю часть туловища.

прекращения отрицаемого [Кораном] поступка любым [человеком] без разрешения властителя. В заключение он сказал: „Истинно, то, что мы делаем — религия аллаха всевышнего, она не умрет вместе со смертью ее основоположников. Ведь вот умер же лучший, чем Гази Мухаммед, — умер наш пророк и господин Мухаммед, да будет над ним молитва аллаха всевышнего и мир, умерли правоверные халифы, а аллах всевышний дает победу тому, кто защищает его религию. И, истинно, я, клянусь аллахом, не оставлю этого дела, пока не умру. Кто хочет получить вознаграждение в будущей жизни — пусть помогает мне в этом, кто хочет войны — пусть приготовляется к ней".

К нему потянулись мюриды, их помыслы возвысились и как будто бы погас огонь пыла отступников.

Затем Шамиль вернулся к своей семье в Унцукуль и там провел пост рамадана. В ночь праздника разговенья он вернулся в свой дом.

Он отправился в „завию" для омовения до крика петухов, и вдруг „завия" оказалась наполненной отступниками. Они жгли в ней огонь, били в барабан, плясали и поносили мюридов даже площадными словами. Они говорили: „Завтра будет видно, как мюриды будут опозорены". Они разумели под этим то, что завтра они будут открыто пить и забавляться на инструментах на глазах у мюридов. Сперва Шамиль хотел вернуться, но затем сказал про себя: „Если я вернусь отсюда, то значит нет у меня веры", и он напал на них со следующими словами: „Будет известно, клянусь аллахом, кто опозорит и кто будет опозорен", и он вытащил кинжал так, чтобы они это видели. Они испугались его и позорно разбежались врассыпную. Некоторые из них попадали в воду, некоторые свалились из-за давки в дверях. Их оставшийся барабан Шамиль продырявил кинжалом, разбил камнем, а затем бросил вслед за убегавшими, сказав: „Заберите эту вашу ослиную кожу".

Один из этих отступников — он был предводитель русских, которые поставили его начальником над Гимрами — жил рядом с домом Шамиля в доме, ранее купленном павшим за веру Гази Мухаммедом для шейха Мухаммеда Эфенди. На утро эти отступники пришли к этому мерзкому и собрались у него для того, чтобы возместить убытки за этот барабан, который был сделан кадием за девять сельских нарядов для возвещения о приближении зари в пост рамадана.

К Шамилю пришли старики селения, говоря: „Поистине ты приводишь в движение межусобицы, а на подобных тебе лежит долг — гасить раздоры и делать то, в чем заключается общий интерес“. Шамиль говорил с ними с крыши. Он повысил свой голос для того, чтобы слышали те, собравшиеся у этого мерзкого. Он сказал старикам: „Я застал их говорящими так-то и так-то, пусть же они делают то, что делают, а я, клянусь аллахом, не отойду от устранения дурных поступков и буду сражаться за это устранение, хотя бы даже не было со мной никого. Аллах всевышний защитит меня. Кто хочет — пусть верует, кто хочет — пусть не верует“. Он говорил грубые и суровые слова. Собравшиеся у этого мерзкого рассеялись униженные и опозоренные. Затем он говорил в мечети при собрании на праздничную молитву. В своей речи он сказал следующее:

„Если вы думаете, что шариат стал ослаблен смертью Гази Мухаммеда, то, клянусь аллахом, я не допущу уменьшения его хотя бы на один палец, но увеличу его на целый локоть при помощи аллаха всевышнего. А вы знаете, что я обильнее, чем Гази Мухаммед, знаниями, могущественнее силой и племенем. Пусть же выступит тот, кто сопротивляется шариату. «Подлинно изгонит оттуда самый могущественный самого слабого»“.[1]

---

[1] Коран, 63_8.

При этом возвысились головы мюридов; выпрямились помогающие шариату и сломались спины противодействующих. А этот начальник [кадий, наказавший Шамиля] из-за какого-то дела, происшедшего между ними, убежал к русским. Затем в месяце зул-ка'да этого года у Шамиля родился Гази Мухаммед. И хвала аллаху, владыке миров.

Глава о назначении Хамзата наместником имама и о его сражениях

Когда пал смертью праведника Гази Мухаммед, то ученые и представители народа на его место назначили Хамзата. Он кружил по селениям и городам с товарищами, наставляя, увещевая, приказывая и запрещая. Но когда он увидел, что это не приносит большой пользы, то отправился в селение Ригун и перебил отступников этого селения.

Он поселился там. Народ посылал к нему посольства с разных сторон. Затем он отправился в Ансаль, а с ним и Шамиль. Хамзат остановился вдали от их селения, а Шамиль с двенадцатью примерно товарищами напал на их завию, расположенную у селения. Ансальцы позвали Шамиля в селение, обещая что они выполнят то, что им будет приказано. Разумный Кибид Хаджияв сообщил Шамилю с крыши завии, что в этом их приглашении заключается хитрость. Тогда Шамиль не согласился войти в селение до тех пор, пока они не пошлют к Хамзату требуемых от них заложников. Жители Ансаля повиновались лишь только после того, как чуть было не завязали битву с пришедшими. От них был взят залог в сумме 60 туманов.

Хамзат был тем вторым, о котором сообщал жителям Ансаля павший за веру Гази Мухаммед, сказав, что „выйдет против них второй и сделает тяжелым их существование“. Конец.

После возвращения на родину к Шамилю от Хамзата пришел посланец с приказанием, чтобы он с муртазиками[1] той округи выступил против селения Мушули и сломил непокорность его жителей, так как они не выполняли приказаний Саида ал-Ихали, который был наибом над этой округой. Когда Шамиль достиг со своими товарищами места сборища — селения Урути, пришел зовущий на помощь, сообщивший о том, что люди Хунзаха проникли в округу селения Харадарих и находились между Харадарихом и Урути. Шамиль напал на хунзахцев с юношами Урути. Хунзахцы встретили их сверху камнями. Когда встретились два войска, хунзахцы обратились в бегство, а бывшие с Шамилем пошли вслед за ними, раздевая множество из них и убивая. Затем они вернулись. Пришел Хамзат. Они кружили по окрестностям Киндаляля и осадили Ша'бана Дибир ал-Унцукулуви и бывших с ним людей. Затем осажденные сдались на суд Хамзата. Хамзат простил Ша'бана, который явился, дрожа от страха.

Хамзат отослал знать селения Гергебиль для заключения в тюрьму Хоцатля. Затем, когда они достигли долины Куруда, жители завалили теснину Куруда и заявили: „Мы выполним, что будет приказано, но не хотим, чтобы вы входили в наше селение". Хамзат не разрешил войти к ним, и они отправились в селение Гагаль в округе Хакаль. Те повели против них сражение совместно с людьми Гуваля. В Гагале они провели ночь. Затем отправились в Тилик. Предводитель жителей Тилика Чуфан с прочей знатью были отосланы для заключения в тюрьму в Гимры. Жители Караляля вместе с их последователями — жителями Кулясыла, Бица и Киля — прислали к Хамзату свои посольства.

---

[1] Муртазик букв. — получающий содержание; впоследствии — воин постоянной армии Шамиля, получавший полное содержание. Муртазики набирались с каждых 10 дворов по одному и составляли лучшую часть постоянной армии Шамиля.

Глава о сражении в Ругже, благодаря которому улетели сердца отступников этого округа и увеличилась мощь мюридов

Когда Хамзат остановился там с войсками из мюридов, то войско Андаляля собралось на вершине горы Ругж. Они укрепили там подступы для сражения и оказания сопротивления. Хамзат вышел на них, и они бежали позорнейшим образом. Было убито множество людей из Ругжа и прочих селений. Хамзат остановился в селении Ругж. Их предводитель Султанав ар-Ругжуви вошел в свое укрепление и не выходил из него, боясь за свою душу. Шамиль употребил все старания для того, чтобы тот вышел, затем напал на него, схватил его, связал и отправил в заключение в Гимры. Они забрали то, что было в его доме и взяли заложников из Ругжа, Сугратля и других селений. Хамзат отправился в округ Хид и взял там заложников. Шамиля он послал в Карах для взятия заложников, а сам пошел в округ Багуляль.

Глава об избиении главарей Хунзаха и о том, что там произошло

Когда Шамиль на обратном пути достиг земли округа Хида, его встретил посланец Хамзата с приказом о том, чтобы Шамиль отправился в Киндаляль, собрал среди жителей ополчение и поднялся бы с ним в такой-то день на землю Хунзаха. Хамзат и Шамиль встретились там с многочисленным войском из разного сброда. Они [Хамзат и Шамиль] сидели там около 15 дней, требуя от них обязательности шариата и выполнения его предписаний. Войско чуть было не вернулось обратно из-за голода и трудностей, но Шамиль набросился на них со словами: „У нас имеется из терпеливых достаточное [количество] для искоренения тех. А когда мы вернемся

обратно, то перебьем вас до последнего". Тогда они успокоились. Наконец, дело пришло к примирению с выдачей Булача, сына Баху-Бики. Булач был доставлен в Харачи. Два других сына Баху-Бики — Нусал-хан и Умма-хан, их приближенные из ученых, знати и слуг, числом около 200, пришли приветствовать Хамзата. Они остались там и перемешались с войсками.

Предуведомление. Познавший аллаха всевышнего Шамиль поклялся собирателю этой книги, т. е. Мухаммеду Тахиру, в том, что у Хамзата и тех, кто был с ним, не было намерения убивать кого-либо из хунзахцев, кроме двух злоумышленных убийц — Буга ац-Цадакари и Маллачи ат-Тануси.

И вот в то время, когда они заключили мир, пришел к Шамилю от Баху-Бики Ахбирди, говоря: „Хамзат слушается твоих слов. Так склони же его [к уходу] от нас на земли равнины, а сам возвращайся от него и тебе за это — две сотни туманов наличными".

Шамиль об этом тайно сообщил Хамзату и просил: „Пойми же, что нужно предпринять и [сделай из сказанного] соответствующие выводы". Хамзат сказал: „В таком случае, значит, не завершилось еще их укрощение и приведение к покорности". Для испытания хунзахцев Хамзат приказал им выдать ему находившегося у хунзахцев одного убийцу из Мехельты для того, чтобы отомстить ему или же простить его, но они отговорились от этого. Тогда он приказал им вернуть Рамаката Киндали в руки одного из их слуг. Они вновь отговорились от этого. Наконец, он приказал им самим разрушить все укрепления в их стране и находиться при нем Нусалхану, Умма-хану и ряду других лиц до тех пор, пока не окончится указанное разрушение этих укреплений. Они на это не согласились. Хунзахцы намеревались было вернуться обратно, но товарищи Хам-

зата запретили им это. Тогда ученый Мирзаль Хаджияв первый схватился за оружие и закричал: „Эй вы, молодцы Хунзаха, приложите всю вашу мощь и силу в избиении этих“. Завязалась битва между войсками Хамзата и людьми Хунзаха.

Были убиты Нусал-хан, Умма-хан, Нур Мухаммед Кадио, Мирзаль Хаджияв и ряд других, не осталось даже из их знати и глав никого того, кого можно было бы назвать.

Из людей имама Хамзата пали смертью праведников брат Хамзата Мурад-бек, Чуфан, сын дяди по отцу Хамзата Дибирасуль Мухаммед ар-Ригуни, Мухаммед Али ал-Гимри и ряд других.

Хвала владетелю и мудрому устроителю, эта битва произошла в то время, когда Хамзат вышел из своей палатки и удалился для омовения. Его подушка, находившаяся в палатке, была найдена продырявленной множеством пробоин от ружейных пуль, которыми в изобилии стреляли по палатке, думая, что в ней находится Хамзат.

Затем, утром следующего дня, Шамиль наедине искренне увещевал Хамзата, говоря ему: „Отныне самое соответствующее тебе — это сидеть у себя дома в Хоцатле со смирением, раскаянием и сокрушением. А я буду осуществлять твое дело и заботиться о нем в нашей стороне, точно так же Саид ал-Ихали — в его стороне, Газияв ал-Карати — в его стороне и Кибид Мухаммед ат-Тилики и Абд ар-Рахман ал-Карахи — в их сторонах“.

Хамзат одобрил это мнение и остался им доволен. Затем Хамзат приказал Шамилю отправиться примерно с десятком его товарищей, но не больше, в дом Баху-Бики в городе для того, чтобы посмотреть, что там есть из имущества. А Баху-Бики в это время находилась в селении Гинчук около часа пути от города. Шамиль вошел в дом. В доме не было ничего, на что стоило бы обратить внима-

ние. Тогда он пригрозил жителям города и сурово сказал им: „Если вы не вернете то, что было в доме [из имущества Баху-Бики], то мы возьмем его из ваших домов вместе с вашими пожитками". И вот начали приносить: один — это, второй — другое. Собрали множество вещей. Шамиль нагрузил их на семь или восемь арб и направил по дороге в Хоцатль. В то время собрались к Хамзату ученые. Они беседовали между собою и сочли прекрасным, если Хамзат будет находиться там, в „доме управления".[1] Хамзат согласился с ними в этом. Когда же вернулся Шамиль, то нашел их уже согласившимися с этим мнением, и они вернули арбы обратно с дороги. Затем они остановились в городе. Пришла Баху-Бики — ее убили в своем доме. Привели Сурхая и также убили.

Рассказ. Товарищи Шамиля находились долгое время, более 3 месяцев, вдали от своих домов. Их одежды пришли в негодность. Они пожаловались на это Шамилю. Шамиль попросил Хамзата дать его товарищам что-либо для обновления их одежд или их починки. Но Хамзат не расщедрился на это. Хвала аллаху, удерживающему и расточающему [свои дары]. Конец.

Затем Шамиль вернулся. На обратной дороге он сказал своим товарищам: „Будет добро и благо для нас, если мы оставим Хамзата одного на год до тех пор, пока народ забудет все то, что мы сделали с ним. Мы ведь были суровы с ним и разгневали его".

Затем уже после убийства Хамзата пришла весть от Саида ал-Ихали о том, что в интересах дела надо удалить Булача с этого света. Булач находился в селении Балагин. Шамиль послал двух человек для того, чтобы они бросили Булача в Большую реку.

---

[1] В рукописи *А* глосса: „может быть это название дома, который принадлежал их владетельнице Баху-Бики".

„И был истреблен последний из того народа, который угнетал. И хвала аллаху, владыке миров“.[1] „Они хитрили и аллах хитрил, а аллах — лучший из хитрецов“.[2] Алумхаш ат-Тарголи, близкий шамхала и его посланец, сообщил Шамилю в одну из бывших между ними встреч о том, что эти, пришедшие с Нусал-ханом и Умма-ханом, сговорились между собою убить Хамзата, Шамиля и Саида ал-Ихали. Они выделили на каждого из этих по три человека из своих рядов для того, чтобы они совершили эти убийства после возвращения от Хамзата этих двух ханов сыновей Баху-Бики. Конец.

Хамзат расширил мечеть за счет обломков некоторых „домов управления“.

Глава о походе Хамзата в Салты и о гибели его за веру от руки [жителей] Хунзаха

Затем Хамзат послал к Шамилю сказать, чтобы он выступил против Цадакара со стороны Хуффа и что сам Хамзат выступит со стороны Салты. Хамзат вышел с хунзахцами и другими. Вышел и Шамиль и расположился лагерем на поле Гергебиля, дожидаясь, пока подойдут жители Ансаля и Хирика, но последние промедлили около трех дней.

Когда Шамиль достиг Хуффа, то его встретил некто, сообщивший ему о том, что Хамзат из округи Салты вернулся, понеся поражение. Тогда Шамиль начал выговаривать и упрекать людей Ансаля и их кадия, а своего устаза. Он им сказал: „Поистине это из-за злополучия вашего, лицемерия и мерзости ваших поступков“, и он вернулся обратно. Хамзат затем остановился в Хоцатле и забрал там множество ружей и отправился для того, чтобы расположить к себе людей Хунзаха, обойтись с ними лас-

Коран, 6_{45}.
1 Коран, 3_{47}.

ково и привлечь их на свою сторону. Он сидел там без малого почти месяц, а отступники из Хунзаха тем временем совещались между собою и тайно договорились о том, что они убьют Хамзата в день пятницы в то время, когда он пойдет в мечеть. Об этом сообщил Хамзату его помощник Хаджиясуль Мухаммед ал-Хунзахи и поклялся ему в этом.[1] Хамзат не обратил на это внимания и отправился в мечеть. Он не привесил кинжала, а его друг Хаджиясуль Мухаммед был вооружен. Еще до этого Хамзат объявил через глашатаев, чтобы никто из хунзахцев не брал с собой в мечеть никакого оружия. Он нашел этих отступников сидящими у двери мечети.[2] Хамзат был там убит. Хаджиясуль убил убийцу Хамзата, и сам был затем убит. Истинно, мы от аллаха и к нему возвращаемся. Халифатство Хамзата длилось полтора года.

Глава о начале халифатства Шамиля и о том, что он претерпел во время него

Хамзат еще раньше завещал халифатство после себя Шамилю. После Хамзата собрание благородных ученых возложило халифатство на Шамиля. Шамиль принял его на себя только лишь после упорного отказа, дошедшего до того, что ученые чуть было не ушли от него, не получив согласия. Когда Шамиль узнал об убийстве Хамзата, то первое, с чего он

---

[1] В рукописи *А* вставка на отдельном листе: „Хамзат сказал: «Если итти в Гинчук для пятничной молитвы, то я не достигну его [во время] и пройдет мимо меня пятничная молитва; если я пойду здесь в мечеть, то буду убит несправедливо; если останусь сидеть здесь дома, то буду убит в наказание за оставление пятничной молитвы. Так какую же из двух смертей предпочесть для своей души». Затем сказал: «Предпочту несправедливое убийство»“.

[2] В рукописи *А* вставка на отдельном листе: „Когда Хамзат подошел к ним, Осман ал-Хунзахи, брат Хаджи Мурада, сказал: «Почему не поднимаетесь и не встаете перед большим, когда он приходит к вам?». Они встали и Осман выстрелил в Хамзата пулей из короткого ружья [пистолета]“.

начал — это убийство Султанава ар-Ругжуви, который находился у них [у сторонников Шамиля] в заключении. Затем он отправился в Ансаль с намерением выступить против Хунзаха. Он увещевал ансальцев, любезно обошелся с ними и сказал: „Вы возглавляете этот край. Среди вас — ученые рассудительные и храбрецы. Так будьте же для этой религии предводителями и вождями приказывающими, а не будьте хвостами подвластными, ведь аллах не допустит погибели его религии и его народа“. Ансальцы выказали Шамилю послушание и повиновение и выступили вместе с ним, одновременно послав [тайком от Шамиля] сказать русским, чтобы они поспешили в Гимры.

И вот в то время, когда Шамиль шел с ансальцами, пришел посланец с просьбой о помощи, сообщивший о том, что русские уже вошли в Гимры. Шамиль вернулся обратно. Мост вдруг оказался разрушенным. Шамиль примерно с 15 товарищами перешел вброд Большую реку и вышел на гимринскую сторону. Шамиль с 7 товарищами напал на русские войска с одной стороны, а Раджабиль Мухаммед ал-Чиркави и Хусейн, сын Ибрахима ал-Гимри, с 7 человеками напали с другой. Они били сильным боем и косили. Они убили большого начальника русских. Русские обратились в бегство. Пал смертью праведников один человек из Ашильты. Русские до этого уже вырубили виноградники и деревья вокруг селения.

И вот, когда семьи гимринцев, рассеявшись по полям, скрывались от русских, вдруг те, кто находились в селении, увидели каких-то людей, приближающихся к этим скрывающимся. Они внимательно присмотрелись — это были ансальцы, которые перемешались с этими семьями гимринцев. Находившиеся в селении напали на этих людей. Затем и большинство гимринцев склонилось к ансальцам. С Шамилем осталось только незначительное число людей. Ансальцы

вырубили с этой стороны виноградники и деревья гимринцев. Кроме того, они выделили искусных стрелков для убийства Шамиля, но аллах всевышний не предопределил им сделать это. Шамиль примерно с 13 товарищами укрепился за стеною моста, понося ансальцев и угрожая им. Они грубо кричали им слова, вроде: „Делайте то, что вы можете и не оставляйте что-либо ушедшим из ваших рук“.

Однако ансальцы не причинили вреда семьям, хотя и перемешались с ними, так как место их нахождения не давало им возможности убежать, минуя лагерь и место стоянки Шамиля. Затем ночью к Шамилю пришли из среды ансальцев брат хаджи Кибида ал-Унцукулуви и Тахир ал-Унцукулуви. Они заявили, что весь народ склонился против них[1] и что идут люди Ругжа и возвращаются русские и Уллубий против них. Далее они сказали: „Мы советуем вам переселиться отсюда в какое-либо укрепленное место до тех пор, пока не вернется народ в свои родные селения“. Они устрашали и грозили.[2]

Шамиль начал совещаться с товарищами. Он им сказал: „Мы укрепимся и останемся в каком-нибудь доме в селении Гимры и будем с ними сражаться“. Но его товарищи не одобрили этого. Тогда он предложил: „Мы их встретим и будем сражаться с ними в каком-либо укрепленном месте наших лесов“. Они также не согласились. В конце концов их дело пришло к тому, чтобы переселиться в Ригиль-нуху, где они и находились около двух или трех дней, а затем вернулись в селение. И хвала аллаху, владыке миров.

Затем дело гимринцев пришло к перемирию и установлению шариата в их селении. Большая часть имущества гимринцев, съестные припасы и прочее были раньше еще увезены в Ансаль. Ансальцы

---

[1] В рукописи *А* глосса: „т. е. против Шамиля и его последователей. От сына автора“.

[2] В рукописи *А* вставка между строк: „и ушли от него“.

присвоили себе это имущество, говоря, что „тот залог, который взял Хамзат, поистине мы дали его только из-за того, что Шамиль ослабил нас тогда. Заплатите нам за него пеню“.

Из-за этого в Гимрах наступила бедность. Клюки-фон-Клюгенау, генерал живущий в крепости Темир-хан-шура, посылал гимринцам три раза по 60 ослов с мукой. Слава аллаху, вращателю сердец и устроителю дел.

Затем жители Гимр, самые лучшие из них и самые худшие, намеревались уплатить эту пеню ансальцам, утверждая, что присвоенное ими гораздо больше того, что они требуют. Но Шамиль на одном из сходов увещевал и уговаривал их. Он им сказал: „Пени — это позор в религии и земном мире, и он не покинет вас никогда“. И он поклялся в том, что не даст для уплаты пени ничего. Затем и они, один за другим, начали клясться в этом же. Так поклялись они все. Когда же ансальцы узнали о единстве мнения гимринцев в отношении неуплаты пени, то возвратили гимринцам обратно их имущество.

Затем Клюки-фон-Клюгенау позвал к себе гимринского кадия Хасал ал-Мухаммеда ал Харикули вместе с некоторыми мужчинами. Кадий отправился, а с ним — непокорные и повинующиеся [мюриды] и Барти-хан, дядя Шамиля по отцу. Они пришли повинующимися Клюки-фон-Клюгенау, одобряющими его дело и принимающими его подачки, говоря: „У него нет никакого недостатка, кроме непризнания двух свидетельствований [шахадатов]“. Они даже говорили, что в его доме — поток благоухания. А Барти-хан сказал: „А за нашими кладбищами к нам пришли кизлярцы, у которых была [организована] поездка в Темир-хан-шуру для продажи винограда“, и в его речи было хвастовство этим.

Затем Шамилю было сообщено о том, что те из отступников, которые были с ними [т. е. с кадием Гимр

и другими, ушедшими к Клюки-фон-Клюгенау] в Темир-хан-шуре, пьют и бывают пьяные и что кадий сказал: „Я вам не приказываю и не запрещаю". Тогда Шамиль встал и направился к кадию, он вошел к нему в худжру[1] и начал говорить ему о неодобрении [исламом] их питья [вина], но тот ничего не ответил, а подал ему одну книгу и сказал: „Посмотри здесь то место, где [указано], что аш-Шафий не порицал пьющего [вино] ханефита".[2]

Тогда Шамиль взял эту книгу и, сказав „Посмотри сюда", показал кадию одно место немного дальше от места, показанного кадием. Там говорилось, что аш-Шафий наказывает пьющего ханефита. Затем Шамиль сказал: „Завтра позови тех пьющих и накажи их". Кадий был принужден [согласиться] и замолчать, он убежал к себе домой, прежде чем наступило утро.

Рассказ. Затем в одно из этих времен шахмал Махди позвал Шамиля на сход. Но Шамиль от этого отказался. Жители Гимр упрашивали и неотступно приставали к Шамилю, но он не соглашался. Затем к нему пришел один мюрид и сказал: „Те относят за счет твоей трусости твой отказ пойти на этот сход".

Тогда Шамиль встал, а на нем была шуба и на голове колпак, надетый на время сна, а в руках не было ничего из оружия, хотя бы даже кинжала, взял кувшин и вышел из дома, как будто бы он хочет выйти за нуждой. Достигнув кладбища, он положил свою шубу на его ограду и пошел на сход. Жители Гимр вышли вслед за ним. Они кричали ему, чтобы он подождал, пока они присоединятся

---

[1] Худжра — маленькая комнатка при мечети; отдельная комната в жилище, предназначенная для молений; молельня.

[2] В рукописи *А* глосса: „И это во время объяснения 34-го хадиса из «ал-Фатх ал-Мубин». И хвала аллаху, владыке миров. От автора, да помилует его аллах всевышний".

к нему, но он не остановился и крикнул им: „Если вы пойдете, то я не пойду с вами“.

Он предстал пред теми, кто находился на сходе,— это были сын шамхала, знать и слуги,—всего около сотни человек. При его появлении они встали растерявшиеся. Шамиль заставил их сесть, и сам сел подле сына шамхала. „Скажите мне, о чем вы говорите“,—сказал он.

Они потребовали его прихода к шамхалу для его возвеличения и оказания ему почестей: „И народ в долине и горах пусть пойдет при помощи твоей печати и печати шамхала“.[1] У шамхала тогда была беременной молодая жена, в связи с чем его шамхальство проявляло радость и веселье. Шамиль сказал: „Если вы отдадите в залог эту беременную жену Кибиду Мухаммеду ат-Тилики, то я пойду. А если вы мне измените, то он убьет ее как беременную суку“.

А это свидание происходило после убийства Кибидом Мухаммедом преступной знати его селения. Они ответили: „Этот залог невозможен“. Шамиль ответил: „Если этот залог невозможен, то и мой приход также невозможен“, и он вышел и вернулся обратно, и они были оставлены смотрящими ему вслед.

По дороге он повстречался с людьми Гимр. Он им сказал: „Сейчас идите к ним, а я уже ответил им тем, что с них вполне достаточно“. После этого его спросили: „С каким намерением ты отправился на эту погибель без какого бы то ни было оружия в руках?“. Он ответил: „Меня повело на это волнение гнева и если бы они напали на меня, то я непременно выхватил бы оружие у одного из них и затем во что бы то ни стало начал сражаться с ними“. Конец. И хвала аллаху, владыке миров.

---

[1] Т. е. будет подчиняться приказам Шамиля и шамхала.

Глава о выселении Шамиля в Ашильту и о том, что произошло до и во время этого переселения

Затем Клюки-фон-Клюгенау потребовал от жителей Гимр послать ему виноградных лоз и хороших фруктовых деревьев на пяти примерно ослах. Люди „разрешения и запрещения“[1] из жителей Гимр собрались для совещания по этому поводу в доме Барти-хана, дяди Шамиля по отцу. Они пригласили и Шамиля. Шамиль спросил их [о причине] собрания. Они сообщили ему эту весть. Шамиль, видя, что они как будто бы соглашаются на посылку [требуемого], сказал им: „Если мы — те, кто находится здесь, — пошлем, то есть ли в нашем селении тот, кто не пошлет?“ — „Нет“, — ответили собравшиеся. „А если мы не пошлем, то пошлет ли кто-нибудь из нашего селения?“ — спросил вновь Шамиль. — „Нет“, — сказали они. Тогда он заявил: „Мы не имеем возможности сделать это, потому что эта посылка установит плохой обычай, который никогда не прекратится“. Он увещевал их, приводя в пример, что

Счастье тому, кто умер и умерли его грехи,
Беда тому, кто умер, а грехи его остались.

Он им сказал: „Я думаю, что вам нужно отговориться тем, что ты, мол, вырубил наши виноградники и наши деревья, а ансальцы дорубили то, что ты оставил. И у нас нет того, что мы могли бы послать тебе в этом году. Потребуй это от других в этом году, а мы пришлем тебе после того, как вырастут в будущем году“. „Авось аллах заставит случиться после этого какое-либо дело“, — добавил он.

Они молчали и не соглашались на его предложение. Он ушел от них, а они остались там. Затем

---

[1] Т. е. те, кто имеет власть разрешать или запрещать; влиятельные лица.

Шамиля догнал сын его дяди Ибрахим и сказал: „Они рассуждают о тебе и говорят: «Посмотрите на этого и на его слова — и это в то время, когда весь народ не может защитить от русских даже своих женщин», и что их мнение сошлось на том, чтобы послать это". Тогда Шамиль сказал: „Пусть делают, что хотят". Его сердце содрогалось, а природные свойства отталкивались от них из-за этого поступка и из-за всего того, что было у них раньше в части одобрения дел Клюки-фон-Клюгенау. Конец.

Замечание удивительной примечательности. Хвала аллаху великому. Истинно те собравшиеся, которые принялись чинить свой земной мир заплатами, разрывая на лохмотья свою религию, погибли. И не протекло для них и двух лет после этого, как не осталось у них и старой ветоши, кроме немногого; дома их сгорели, а места их пребывания исчезли.

И, истинно, после того как Шамиль ухватился за религию, то мир вращался вместе с ним, и так же как и он вращался и ему была (открыта) дорога на долгую жизнь. „А что же касается того, что приносит пользу народу, то оно остается на земле".[1] Это извлекли [для себя как урок] некоторые шейхи.

Из удивительных событий. Селение Гимры горело три раза, но находившийся там дом Шамиля не сгорел. Они прилагали все свои усилия для того, чтобы поджечь и сжечь его. И не сгорел дом Шамиля в Ашильте, когда она горела, и не сгорело его жилище в Ахульго, когда туда поднялись русские еще до большого сражения. Да споспешествует аллах всевышний ему и нам в религии. Конец.

В этот день Шамиль послал гонца в Ашильту с тем, чтобы явились из ее жителей молодцы. Пришли из жителей Ашильты около 16 человек. Шамиль никому не сообщил о своем намерении, кроме своей

---

[1] Коран, 13_{18}.

жены Фатимат, [и то только] после позднего вечера. Она согласилась с ним на это. Они приготовили пожитки и утварь дома, связали и передали пришедшим юношам сразу же после утренней молитвы. Два мальчика, Джемаль ад-Дин и Гази Мухаммед, были посажены на плечи некоторых юношей.

Когда Шамиль вышел, он обратился к своему дому со словами: „Истинно, я расстаюсь с тобой тогда, когда мне нет возможности установить религию [находясь] в тебе. Ведь покинул же лучший из созданий аллаха всевышнего — Мухаммед, да будет молитва аллаха всевышнего над ним и мир, лучшую [часть] земли аллаха всевышнего — Мекку, когда не стало возможным ему распространение его религии. И если аллах всевышний предопределит установление религии, [находясь] в тебе, то я вернусь к тебе, иначе же нет мне [нужды] в тебе, так как ты уже загрязнен навозом солдат“. А солдаты до этого испражнялись на его крыше. Шамиль вышел. Его встретила его мать, она плакала и говорила: „Куда ты уходишь и как ты покидаешь меня“. Он ей ответил: „Истинно, я не удаляюсь, я только ухожу в твое родное селение Ашильту, — а она была из Ашильты, — и если ты хочешь, то я перевезу и тебя туда же после того, как доставлю туда семью“.

Она переселилась в Ашильту, затем вернулась в Гимры, где и умерла, да помилует ее аллах всевышний.

Шамиль находился в Ашильте около 2 лет. Он нашел жителей Ашильты подобными стаду ослов, пущенных в степи. Он их наставлял, приказывал и запрещал, и они стали делать вид, что они как будто бы слушаются и повинуются.

И вот однажды ночью пришел знакомый мальчик и сказал: „В доме одной женщины мужчины и женщины, перемешавшись меж собой, извлекают зерна кукурузы из початков и сортируют их, а ты ведь

раньше еще запретил это [т. е. общение мужчин и женщин]". Шамиль спросил мальчика: „А ты пойдешь со мной для того, чтобы указать этот дом?" — „Да", — ответил тот.

Шамиль встал, надел оружие и взял толстую палку. Он остановился у двери и нашел ее запертой. Он прислушался и узнал среди них по голосу одного из своих родственников, которого звали Инус. Шамиль позвал его строгим голосом и сказал: „Открой дверь!" Тот встал испуганный и устрашенный и открыл дверь. Шамиль вошел к ним и принялся бить их палкой, делая им выговоры за мерзость их смешения [с женщинами] и позоря их. Они убежали и не осталось никого, кроме некоторых женщин в углах дома.

Шамиль спросил: „Где хозяйка этого дома?" Одна встала и сказала: „Вот я, пусть моя душа будет выкупом за тебя". Он выругал ее, сделал ей выговор и вернулся.

На утро двое мужчин из совершивших этот проступок оказали сопротивление и отказались принять наказание, а народ уступил им, не принудив их к наказанию. Тогда Шамиль встал, надел оружие, взял книгу и, сев в месте их сборища, раскрыл эту книгу перед собой и сказал: „Этот день — день размежевания между исполняющими шариат и открыто выступающими против него. Если вы пойдете и насильно их приведете — то добро вам. Иначе же, истинно, я пойду один и буду сражаться с ними за это [т. е. заставляя согласиться на наказание], затем пошлю с просьбой о помощи гонцов в округа и подлинно придут те, кто будет сражаться с вами и до основания истребят вас. А если же вы считаете, что не осталось никого, кто помог бы шариату и утвердил его, то аллах всевышний не покидает религии и ее людей, наоборот, он оказывает им помощь в возвышении ее". Народ набросился на тех

двух мужчин броском льва и насильно притащил их для наказания, с того дня они склонились к шариату. Однако то время было временем расстройства и неполадок, взаимной ненависти и вражды между народом Дагестана, в связи с чем ослабела мощь шариата, усилилась непокорность отступников, возвысились их голоса и поднялись их головы.

Глава об ополчении Ансаля против Шамиля

В это время Ансаль трижды собирал войска против Шамиля, но аллах всевышний ничего не увеличил им этими поступками, кроме уничтожения и позора. И вот во время одного из сборищ их против него Шамиль послал им письмо следующего содержания: „О, ансальцы, не дотрагивайтесь пальцами ваших рук до зада медведя, ибо он вас уничтожит“.

Затем после их подчинения и покорения посредством силы мощи Шамиля на это письмо наткнулся один отступник из жителей равнины и сказал следующее: „Посмотрите, как справедливо слово этого человека и как стала безобразна среди них [ансальцев] погибель и как она полно завершилась“. Конец.

В один из этих трех раз они выслали против Ыиша милицию округа Киндаляль, которая потребовала от жителей Ыиша, чтобы они изгнали Шамиля из их селения. Жители Ыиша испугались того, что эта милиция уничтожит их посевы и плодовые деревья, и стали просить Шамиля, чтобы он ушел из селения куда-нибудь в сторону, а затем, после ухода этой милиции вернулся бы обратно в селение.

Они неотступно упрашивали его. Шамиль указал на большой палец своей ноги и поклялся в том, что „если бы даже те [т. е. милиция] попросили меня шевельнуть этим пальцем ради них, то и то я бы не

шевельнул". Затем он вышел с товарищами числом, не превышающим десятка, вооруженный, одетый в кольчугу и шлем, как будто бы [весь] покрытый железом, и остановился на вершине вдали от селения Ыиш на виду тех пришельцев. К нему пришел от них посланцем один человек, которого знал Шамиль со времени обучения, и сказал: „Они просят тебя уйти из этого селения куда-нибудь в сторону, для того чтобы они вернулись, исполнив то, что было на них возложено со стороны Ахмед-хана, а затем ты вернешься обратно в это селение".

Шамиль их заругал, угрожая им и говорил грубые слова, как будто бы он — вождь великого войска, и поклялся, что он не двинет ради них и пальцем. „Пусть приходит ко мне тот, что заставит меня уйти. А ты, если вернешься ко мне с этими словами вторично, то я непременно убью тебя пулей в середину твоего лба".

Когда посланец вернулся к ним [к милиции], то они убежали оттуда позорным бегством, а Шамиль преследовал их сзади с теми, кто был с ним. Затем подошли со стороны молодцы из Ыиша, забрали многих из милиции и раздели их.

В другой раз вышли ансальцы против Ыиша и остановились на их засеянных полях и в их садах. Они потребовали изгнания Шамиля и удаления его из их селения. Они рубили и жгли находившееся там [на полях и в садах] имущество жителей Ыиша и разрушили несколько жилищ в их местности. Но жители Ыиша не хотели изгнания Шамиля и в то же время испытывали страдания от того, что совершали с ними ради него. К Шамилю пришел тогда один из них, говоря: „Наш кадий, а он — ученый Али ал-Гульзави,[1] говорил при всех нас на собрании о том, что Шамилю нужно уйти из этого селения оконча-

[1] В рукописи *А* глосса: „Это одно из селений Мукрата в стороне Гази Гумука".

тельно из-за этой великой межусобицы для того, чтобы потушить ее". Шамиль призвал Али ал-Гульзави к себе. Они сели на скамью и беседовали. Затем Шамиль спросил его: „Что это такое передают о тебе?" Али ответил: „Я говорил это потому, что выступают отсюда вот хунзахцы, — и он показал в одну сторону, — а отсюда вот — багулялъцы, и отсюда вот и отсюда приходят в движение межусобицы и становятся тягостными и невыносимыми дела".

Тогда Шамиль сказал: „Не спеши, о кадий, если неверные устремились бы на жителей Стамбула, осадили бы их и потребовали изгнания хункара[1] из их среды, то разве ты дал бы фетву [т. е. вынес бы решение] об устранении его из их среды для успокоения межусобицы и устранения вреда битвы?" Кадий ответил: „Нет, я бы не дал фетву на это". Тогда Шамиль сказал: „А если дело обстоит так, то я — имам, наподобие хункара, и это селение — как Стамбул". — „Значит ты говоришь, что я распускаю ложные вести, ведущие к межусобице?" — спросил кадий.

Шамиль ответил: „Да, я говорю, что ты — тот, кто приводит к смятению и за подобные ложные слухи тебе надлежит отрубить твою голову". Кадий вышел, пожелтев от страха.

Затем ансальцы вернулись оттуда на гимринскую землю, думая перебить и забрать в плен гимринских мужчин. Они пригласили гимринцев к себе. Некоторые из ансальцев совершали вечернюю молитву под предстоятельством в качестве имама одного мутааллима, а некоторые из них сзади молящихся вели переговоры с жителями Гимр. Вдруг среди гимринцев произошло волнение и крик и этот мутааллим спрыгнул, прервав молитву, с возвышенного места на земле [заменявшего ему во время молитвы кафедру] и убежал.

[1] В рукописи *А* глосса: „Имя великого имама на языке жителей Аварии".

Ансальцы убили одного искреннего мюрида и одного другого мужчину из Гимр, остальные гимринцы бросились бежать. Ансальцы забрали в плен во время бегства гимринцев Барти-хана. Некоторые из гимринцев закричали своим домашним в Гимрах о том, что „ансальцы убили того-то и того-то и забрали в плен того-то и того-то, примите предосторожности“. Тогда все гимринцы начали убегать и укрепляться от ансальцев.

Один закричал на языке Ансаля: „Кто останется спокойно в селении, тот в безопасности“. И вот в то время, когда гимринцы, волнуясь, находились в таком положении, ансальцы устремились на них в селение после наступления темноты.

Когда первые из ансальцев проникли в селение, на них бросились юноши Гимр и закричали: „Истинно, первые из товарищей Шамиля уже пришли, а сам он перешел мост и приближается к нам и нет силы и мощи, кроме как при помощи аллаха всевышнего и великого“.

Отступники убежали оттуда, побросав на дороге селения сумки со своим провиантом. Некоторые из них были пленены, некоторые убиты, а некоторые раздеты и стали они блуждать, рассеявшись, подобно людям племени Саба,[1] по различным местам, так что даже в этот день не смогли собраться вместе. Они вернулись в свои родные места группа за группой настолько униженные и несчастные, что даже когда одна женщина из округи их селения, встретив одну группу, сказала: „Добро пожаловать! С чем вы возвращаетесь?“, — то они ей не ответили. Она сказала то же самое, встретив другую группу, они ей также не ответили. Встретив третью, она сделала то же самое, и те ей ничего не ответили. Тогда она сказала: „Мать будет искупительной жертвой за вас, нет на вас греха, если вы в страхе убежали“. Конец.

---

[1] Имеется в виду йеменское племя Саба, по преданию рассеявшееся по всему Аравийскому полуострову после прорыва Маребской плотины.

Затем Шамиль отправился в Гимры и находился там около недели. А этот ученый Али ал-Гульзави, кадий Ыиша, когда обнаружилось перед ним то, что было в сердцах отступников и он узнал результаты их речей и дел, сказал жителям Ыиша: „Я раньше говорил некие слова, не подтверждая их доказательствами. Я сожалею об этом и отказываюсь от этих слов. Истинно, Шамиль создан для того, что он делает и имеет в этом помощь от аллаха“. И он ушел к себе домой, сложив с себя обязанности кадия, до возвращения Шамиля в Ашильту, как будто бы он стыдился Шамиля.

Глава о первом взятии Ансаля во время халифатства Шамиля

Ансаль был взят и второй раз и третий. Эти взятия придут „в воздаяния, в отплату“[1] за то, что они ополчились против Шамиля. Саид ал-Ихали, да помилует его аллах всевышний, отправился с товарищами в Чечню для того, чтобы собрать войско, и умер там. Говорят, что он умер от яда. Затем от чеченцев к Шамилю пришел хаджи Ташав ал-Индири[2] примерно с 40 товарищами.

Шамиль вышел с ними и со своими товарищами в селение Чиркат. Чиркатовцы ему повиновались лишь после того, как Бисав Алилав и те, кто следовали за ним из селения и окружностей, намеревались оказать сопротивление и повести сражение. Затем они пошли в селение Инхаль, и Шамиль подчинил их себе. Затем — в селение Урути, там произошла сильная межусобица. Вождем мюридов был Алигуль Хусейн, а вождем отступников Дибир Хад-

[1] Коран, 78_{26}.

[2] В рукописи *А* глосса: „Будет сказано в главе о начале сбора войск Шамилем о том, что хаджи Ташав родом из Индири. Смотри внимательно. От сына автора“.

жияв. В этой межусобице было убито около 12 душ из отступников и около 8 из мюридов. Шамиль направился к ним примерно с сотней товарищей. Его встретили хаджи Нур Мухаммед ал-Урути и еще другой мужчина для того, чтобы пригласить его к ним. Шамиль спросил их: „Сможете ли вы провести нас в селение?" Они ответили: „Да".

Они пошли. Шамилю повиновались все, кроме Дибира Хаджиява и его последователей, которые находились в укреплении. Войска Шамиля начали сражаться против находившихся в укреплении и тех, кто находился вне селения из отступников хунзахцев, которые вышли для оказания помощи их братьям-урутинцам. При наступлении темноты Дибир Хаджияв и те, кто были с ним, убежали в Аварию. Дибир Хаджияв спасся только благодаря тому, что переоделся в женское платье.

Затем остановились в селении Хирик. Против них выступили войска: Хунзах — с одной стороны, Андаль, Технуцаль и Джарбиляль — с другой стороны. Шамиль с отрядом напал на хунзахцев, а чеченцы под предводительством Газиява ал-Анди — на ансальцев. Все обратились в бегство и рассеялись. И не удалось этому их соединению напасть на Шамиля, кроме как хунзахцам.

Затем они, т. е. войска Шамиля с ним самим, спустились с топорами в сады Ансаля со стороны Хирика и угрожали ансальцам вырубить их деревья. Ансальцы сдались Шамилю. Шамиль назначил над ними наибом и кадием ученого Сурхая ал-Кулуви.

Глава о сражении в селении Хоцатле с округами Андаляль и Хунзах

Шамиль со своими муртазеками вышел против Буцуна. Они открыли против него сражение и сопротивлялись против вхождения в их селение. Тогда

Шамиль остановился в Уркаче у Муртади Ласуля Мухаммеда. Они стали совещаться. Бывшие с Шамилем захотели вернуться к себе на родину, но Шамиль отказался, сказав: „Мы не вернемся, подобно собаке, которую мельник прогнал от мельницы". Шамиль повел их от Хоцатля на Каралялький мост. Они там забрали принадлежавшее каралялцам стадо коров, а затем призвали их к подчинению и повиновению при условии, что они вернут им их коров. Но каралялцы отказались, и послали к своим братьям гонцов за помощью.

Тогда Шамиль объявил им, что он вернет коров, принадлежащих сиротам, если придет тот, кто сумеет их отличить, но никто не пришел. Тогда в гневе на них перерезали всех коров на их глазах.

Пришли андалялцы, предводительствуемые и подстрекаемые ученым, сыном сугратлинского кадия. Они остановились напротив селения Хоцатль. Пришли хунзахцы и остановились в стороне. Пришли русские с Клюки-фон-Клюгенау и Ахмед-ханом и остановились на поле Бири.

Войска Шамиля напали на андалялцев, — те убежали оттуда. Пали смертью праведников лучшие из мюридов. Тогда от Клюки-фон-Клюгенау к Шамилю пришло письмо, он писал: „Что это такое, что ты делаешь?"

Шамиль написал ему в ответ: „Наше примирение и перемирие заключено на основе исполнения шариата среди нас со стороны мусульман добровольно или по принуждению. Те, кто принял шариат добровольно — то добро им. А кто отказался от этого, то мы обяжем их силой и будем сражаться против них, как это сделали в отношении андалялцев. А ты [т. е. Клюки-фон-Клюгенау], если будешь придерживаться нашего мира и нашего обещания [то добро тебе], иначе же — то нет силы, нет мощи, кроме как при помощи аллаха всевышнего и вели-

кого“. Клюки-фон-Клюгенау разгневался, рассердился, бросил это письмо на землю и растоптал ногами. Затем товарищи Шамиля напали на лагерь хунзахцев, обратили их в бегство и перебили великое множество. Один Газияв ал-Анди и другой муж убили по 15 человек. Рассказывают, что Газияв ал-Анди еще раньше дал обет убить 15 человек хунзахцев за то, что они убили имама Хамзата, и выполнил этот обет там.

Рассказывают, что было убито из Аварии [Хунзаха] около сотни и из сторонников адата, главарей Агалича около 8 человек. Были взяты в плен из них ученый Мухаммед, сын кадия Аварии, кадий Омар ал-Агаличи, которого Шамиль ударил по лицу, сказав: „А разве ты не понимаешь смысл слов всевышнего: «Мы заставим их испытать наказание самое легкое до наказания самого величайшего»“.[1]

Андаляльцы, Клюки-фон-Клюгенау и те, кто был с ним, вернулись обратно беспомощные и обманувшиеся в своих надеждах. И хвала аллаху, владетелю миров.

Глава о сборе войск Шамилем для сражения против русских, когда они устремились в Хунзах, и о сражении жителей Ыиша против Шамиля

Затем жители Хунзаха испугались того, что счастье дней повернется против них с возвышением дела религии и ее народа. А они уже совершили то, что совершили.[2] Тогда они направились к русским и призвали их для постройки у них крепости. Хунзахцы приводили также в движение тех, кто им подчинялся.

---

[1] Коран, 32_{21}.

[2] В рукописи *А* глосса: „По части убийства имама Хамзата и сражения против Шамиля“.

Когда Шамиль узнал об этом, он поднялся с товарищами, оставил свою семью в Ашильте и принялся собирать войско, добровольно и насильно, из Багуляля, Агахаля и других округов с намерением встретить русских на дорогах в теснинах ущелий.

Он намеревался сделать в этих теснинах завалы до того, как русские поднимутся на просторы Хунзаха. Когда он с ними достиг до местностей Ыиша, жители последнего оказали им сильное сопротивление. Войска уклонились от битвы. Жители Ыиша убивали, забирали и раздевали. После того как Шамиль чуть не был убит, аллах всевышний спас его путем убийства напавшего на него рукой одного из товарищей Шамиля.

Затем Шамиль остановился в местности Зуну и находился там около 20 ночей при сильном голоде, и он и его товарищи, собирая среди народа ополчение и набирая из них войско. Затем он вернулся, а русские уже поднялись к Хунзаху[1] с товарищами, числом, не превышающим сотню, среди них хаджи Ташав и его товарищи чеченцы, Шамиль достиг селения Цикаль. Там жители округа Хид открыли против него сражение и не дали ему перейти через их мост. Шамиль прошел в долину Рихик. Большинство жителей Рихика сражались против Шамиля, а некоторые ему содействовали.

Затем пришли люди Караляля и навели там мост. Шамиль вышел к каралялъцам и пошел с ними и их последователями. Он остановился впереди селения Тиккаль. А Мухаммед Мирза-хан ал-Гумуки с его войском и отступниками той округи находился в селении Шарах. Он посылал людей к Шамилю, говоря о перемирии и примирении до тех пор пока не пришли русские. Русские окружили Шамиля и его войско.

---

[1] В рукописи *B*: „в Аварию".

Глава о сражении в Тилике и проникновении русских в Ашильты

Шамиль и те, кто добровольно подчинялись ему, ушли в Тилик. А остальное войско при сильных мучениях в ту дождливую ночь разбежалось по своим родным селениям. Русские сражались там и сильнейшим образом осаждали Шамиля с оставшимся у него войском. С русскими были отступники из Андаляля и Гуваля с их последователями, а гувальцы были из наиболее причиняющих вред войскам Шамиля; Мухаммед Мирза ал-Гумуки и Ахмед-хан из равнины,[1] оба с их войсками. В одну из ночей против Шамиля и его войск были посланы войска из русских, для того чтобы сделать на них наступление со стороны Хакаля. Они напали на них в сумраке ночи. Войска были перебиты и раздеты, спаслись из них только немногие. В ту ночь пал смертью праведников храбрец ученый мухаджир мулла — Рамадан ал-Чари, да будет свята душа его.

Затем русские напали на них и разрушили из пушек все укрепления и возвышающиеся постройки. Тогда склонились рога и подступили к горлу сердца, и если бы не призыв Шамиля к терпенью и не ограждения им своих войск от общения и бесед с теми, кто находился вне селения, то они не устояли бы там против русских.

Хаджи Ташав ал-Индири прислал к Шамилю Газиява ал-Анди сказать: „Давай выйдем отсюда, а женщин и детей этого тиликского селения будем держать посредине до тех пор, пока все мы не выйдем из осады врагов и не уйдем от их вреда. Или же разреши мне выйти, а иначе я выйду, сломав палку повиновения". Шамиль на это сказал: „Клянусь аллахом, я не выйду отсюда, если даже останусь

[1] В рукописи *А* глосса: „У него была земля и посевы в Хунзахе".

один и не разрешу ему выйти. А если же он выйдет без моего разрешения, то я обязательно пущу пулю в середину его спины".

Газияв ал-Анди вернулся и сообщил то, что сказал Шамиль. Хаджи Ташаву было сказано: „Терпи и полагайся на аллаха всевышнего". Он ответил: „Я полагаюсь, однако это мое упование есть вынужденное".

Отряд русских проник на край селения. Они находились в таком положении до сорока с лишним ночей. Аллах всевышний устранил от них русских во имя перемирия за выдачу в заложники в руки Мухаммеду Мирзе-хану ал-Гумуки сына сестры Шамиля, сына Мирдая ат-Талики и сына Абд ар-Рахмана ал-Карахи ал-Хучуви. После этого Шамиль встретился с ними и приказал им исполнять шариат в их вилайетах. И это перемирие было заключено в то время, когда отступники и слабые в достоверном знании думали, что не осталось никого из тех, кто находился в Тилике, из-за силы и могущества неверных и многочисленности их помощников. Это было в конце весны 1253 г. [III—IV 1837].

Я благословлял их, произнося стихи в размере раджаз, следующими словами:

О боже наш, окажи твою помощь победой побед.
О владыко наш, даруй твое содействие помощью и обрадуй.

Распространи твою милость над этими рабами оказанием
Помощи за оказанием помощи [беспрерывно],

Ниспошли им твердость в битве
И сотряси врагов и всех тех кто творит беззакония.

Даруй победу над теми, кто творит беззакония
И сделай их добычей для тех, кто ищет твоей защиты.

О боже, поистине те притесняли их.
Так спусти же на них молнии, которые их уничтожат.

Ответь на молитву за тех, кто стеснен. Религия твоя —
Покорность тебе, которая нас побуждает [на эту молитву?].

Если ты оставил без помощи общину суннитов,
То не будет чистым возвышенное поклонение.

Над тем, кто с помощью и победой пришел,
Я возношу мир и молитву,

А также над его семьей и сподвижниками.
Да будет мир над устазом и его помощниками.[1]

Что касается сына сестры Шамиля, то русские удалили его в то время, и он вернулся обратно только через долгое время, как будет рассказано в конце книги. Что же касается двух других, то Мухаммед Мирза-хан доставил их через некоторое время ночью в Кулясыл и Бацадасыл (Кулабиц), а сам сделал вид, якобы они сами тайно убежали от него, да вознаградит его добром аллах всевышний.

Шамиль вернулся к своей семье, он нашел ее в Чиркате, потому что когда он сам находился в этой осаде, русские направились в Ашильты. Жители из Ашильты убежали в Ахульго. Русские сожгли селение, но ни дом Шамиля, ни дом его родственницы, который она завещала Шамилю, не сгорели. Затем русские собрались подняться к Ахульго, женщины и дети убежали в Чиркат. Русские поднялись в Ахульго и сожгли имевшиеся там дома, кроме дома Шамиля. Книги Шамиля чуть было не попали в руки русских, они были спасены при помощи находчивости подвижника, познавшего [тарикат] благочестивого Мухаммеда ал-Ашильти, да помилует его аллах всевышний. Затем против русских повел битву ученый Али-бек, сын Хириясулава, он был

---

[1] Глосса: „т. е. моим устазом, хаджи Дибир ал-Хунухи ал-Карахи «и его сподвижниками», т. е. сражавшимися за веру в этой битве, среди них — сподвижник и отшельник Киркичиль Мухаммед ал-Куруши ал-Карахи. От автора, да помилует его аллах всевышний".

кадием в Ирганае, и те, кто был с ним, из багулялыцев и других. Они перебили множество врагов и не дали им сделать то, что они хотели. Русские тогда вернулись обратно. Весть об этом сражении достигла Шамиля в Тилике. Но он не прислушивался к этому до тех пор, пока не было завершено все дело в Тилике. И хвала аллаху великому, как сильно вверение Шамиля [своих дел воле аллаха] и его упование.

Глава о том, что произошло у Шамиля с жителями Чирката, когда он был там

Имам вернулся из Тилика и находился в Чиркате. Здесь к нему приходили с разных сторон группы мюридов. Тогда собрались вместе 23 отступника из чиркатовцев и поклялись, что они разрушат мосты и не дадут дорогу для посторонних, идущих к имаму. Они говорили, что сделают сами все то, в чем он нуждается. Об этом было сообщено Шамилю. Его жилище было в начале селения, в самой высокой его части. Имам обнажил саблю, положил ее на плечо и вышел, — а с ним был только его непременный товарищ Юнус, — ругая отступников всякими грубыми словами и угрожая им. Подойдя к двери мечети, он крикнул кадию, чтобы тот вышел. Кадий вышел, трепеща от страха; говорили, что он имел соглашение с отступниками в их намерениях.

Имам сказал кадию: „Я слышал то-то и то-то. Я знаю их намерения и цели в этом деле. Если ты [согласен] наказать и посадить их, то делай это тотчас, иначе я перебью всех, кто попадется из них, без разбора, будь то мужчина или женщина".

Кадий попросил его войти в мечеть [и подождать там], пока он выполнит его приказ. Но имам поклялся, что до выполнения его приказа он не войдет в мечеть. Тогда их [отступников] посадили.

Затем имам вошел в мечеть и обратился к общине, после того как собрал ее к себе [в мечеть], с проповедью. Он резко укорял их, говоря: „Подлинно эта религия не унижает свой народ, а возвышает его, вопреки воле порицателей. Дело не будет так, как думают отступники. И подлинно я, клянусь аллахом, непременно убью каждого, кто коснется хоть одного моста чем либо, кроме ступни ноги". С тех пор прекратилось сопротивление отступников.

Рассказ. Это было в то время, когда русский Николай ехал в Дагестан. Клюки-фон-Клюгенау предложил Шамилю, находившемуся в Чиркате, встретиться для переговоров. Он вышел с 15 товарищами на гимринскую горную дорогу. Шамиль также отправился с товарищами. Встретившись, Клюки-фон-Клюгенау предложил подать руку в знак приветствия, но Шамиль отказался от рукопожатия, хотя об этом и просили его товарищи. Они сели. Клюки-фон-Клюгенау уговаривал и упрашивал Шамиля выйти для встречи их Николая и убеждал в том, что тот окажет ему милость, возвеличит его и назначит управителем над делами всех мусульман Дагестана и что не будет от него никакой измены. Но имам не поддавался уговорам. Вдруг во время их беседы Ахбирдиль Мухаммед и его товарищи начали подниматься из лощины с возгласами: „Нет бога, кроме аллаха". Клюки-фон-Клюгенау испугался и заволновался. Он сказал Барти-хану: „А разве я не в ваших руках?" — „Да", — ответил тот. — „А разве вы измените мне?" — „Нет". — „Так вот, точно так же, не изменит и наш Николай Шамилю".

Затем встали для того, чтобы расстаться. Клюки-фон-Клюгенау опять протянул Шамилю руку, но Шамиль вновь отказался. Ахбирдиль Мухаммед встал между ними, препятствуя рукопожатию, тогда фон-Клюгенау обрушил на него весь свой гнев, который, однако, не проявлял по отношению к Шамилю. Этот

поступок вызвал по адресу Клюки-фон-Клюгенау резкость и грубые слова Шамиля. Он сказал: „Удалите этого проклятого из нашей среды“. Конец.

Глава, излагающая причины подготовки Ахульго к обороне

После того, как русские поднялись на плато Хунзаха и овладели им, они заложили большую крепость в Хунзахе, крепости в Агаличе, Моксохе, Цатанахе, Хоцатле, Зырани, Гергебиле, Балагине и Гимрах.

Когда же неверные обосновались в этих местах, то вытянулись шеи отступников и поднялись их головы. Большинство людей склонялось к ним вольно и невольно. Увеличились бедствия среди правоверных и осложнялось дело для Шамиля и тех, кто меряет меркой Шамиля (т. е. следует за ним) из числа ученых и мюридов. Тогда они начали совещаться о том, что предпринять. Большинство советовало переселиться в Чечню, но Шамиль на это не соглашался. Он сказал: „Мы непременно будем сражаться, оставаясь в неприступном месте [поблизости от] наших жилищ до тех пор, пока не пресытимся газаватом и не падем смертью праведников за веру“.

Ученый Сурхай ал-Кулуви согласился также с тем, что сказал Шамиль.

Они начали искать соответствующее место для этого и, в конце концов, их дело склонилось к тому, чтобы укрепить Ахульго. Они принялись делать завалы и преграды, подкапывая горы, разрывая твердую землю и устраивая жилища и мечеть в глубине разрытых мест. Затем они поселились там со своими семьями. Пока они занимались этим делом, направлявшиеся против них русские достигли горы Хих. Вдруг раньше обычного выпал большой снег и наступили сильные холода. Русские с позором верну-

лись туда, откуда пришли, обманувшиеся в надежде и беспомощные.

Затем Шамиль услышал о том, что кадий Ихали и греховодная ихалинская знать порочно клевещут на шариат. Тогда он выступил ночью, а он страдал в то время воспалением глаз, и с ним ученый Али-бек ал-Хунзахи, ученый Амир Хамза ал-Хацалухи и около 40 человек товарищей. Один из этих двоих с 15 товарищами вошел в селение с верхнего его конца, другой с таким же количеством людей — с нижнего. Шамиль же вошел в мечеть посреди селения, тоже примерно с 15 товарищами. Этот кадий и те, кто шел по его следам, недолго сражались из домов. Затем кадий и отступники были схвачены и перебиты.

Глава о сражении в Тарад-Инхали

В одно из этих времен к Шамилю пришел осведомитель, [сообщивший] о том, что русские расположились лагерем в округе земли Хунзаха со стороны Караты. Он вышел с товарищами. Когда они достигли долины Зуну, то встретили там войска Багуляля с их предводителями — Бахзаниль Мухаммедом и другими. Они направлялись против лагеря русских войск. Шамиль запретил им это. Но они не послушались его, так как горели желанием газавата, [находясь под впечатлением] слушания стихов Корана, которые читал им в данный момент находившийся с ними некий ученый из них. Когда же они отступили, то этого ученого спросили: „Где же то, что ты читал?“ Он ответил: „Клянусь аллахом, у меня и в помыслах не было никакого чтения, я даже не сказал: «он — аллах единый»“. Конец.

Багуляльцы отправились дальше, а с ними и небольшая группа товарищей Шамиля. Но немного спустя они все, кроме этой группы [товарищей Шамиля], обратились в бегство от холмов, торопясь,

как стадо баранов, не разбирая пути и не оглядываясь на тех, кто шел сзади их. Рассказывают о том, что один из них бежал с неподвижным взором, стеная и плача. Он умер, а на теле его ничего не было.

Затем в этот же день пришла весть о том, что русские вошли в селение Тарад-Инхали. Имам выступил со своими товарищами. Он призывал также к походу туда эти войска [Багуляля], но они ему не ответили [согласием].

Войдя в Караты, совершили там полуденную молитву. Затем Шамиль с теми, кто был с ним, направился в Тарад-Инхали, а русские уже спустились в это селение. Начали спускаться и они.

Когда Шамиль достиг подступов селения, русские узнали его по шашке, которую он носил на правом боку.[1] Он шел, отделившись от своих товарищей. На него посыпались пули отовсюду, где только было отверстие ружья или пушки. Он укрылся за деревом, и аллах всевышний спас его от этого зла. Когда затихла стрельба русских, он вышел и быстро побежал для того, чтобы скрыться у них из виду в нижней части селения, прежде чем они приготовятся вторично к стрельбе. Начальник русских, спустившихся в селение, приказал подать ему лошадь для бегства. Русские обратились в бегство, а войска Шамиля преследовали их, избивая, до тех пор, пока те при сумерках ночи не достигли своего лагеря.

Передают, что женщины из Караты носили воду из реки и поили жаждущих среди этих сражающихся [войск Шамиля]. Было убито множество русских.

Там пали за веру Сулейман ал-Чиркати, Тамачалав ал-Мехельти, хаджи Халихиль Хусейн ал-Чиркави и ряд других. Передают, что этот хаджи опередил одного солдата. Вдруг он почувствовал удар шашки по голове — его нанес этот упавший ранее солдат.

---

[1] Глосса: „С тех пор он всегда надевал шашку на левую сторону“.

Глава о сражении в Ирганае

На втором году от начала приготовления к обороне Ахульго, Шамиль услышал, что русские направляются против Ахульго вторично. Тогда он один вышел оттуда в Ирганай. Затем к нему присоединился его товарищ Юнус. Шамиль разослал гонцов и послания, созывая народ на газават. Первая встреча Шамиля и тех, кто к нему собрался, с русскими произошла на землях Буртуная, однако там не произошло ничего значительного. Шамиль вернулся в селение Ирганай, укрепил его, сделал завалы на окраинах и дорогах и приготовился для сражения там. В полдень против них выступили русские. Им оказали сопротивление и до заката продолжали наносить им многочисленный урон. Говорят, что на следующий день русские, из-за обилия причиненного им урона, повернули обратно туда, откуда пришли.

Передают со слов Исмаила, сына Джемаля ал-Чиркави, который в то время был с русскими, о том, что генерал Темир-хан-шуры Пантелеев, друживший с Исмаилом, утром того дня рассказал последнему о том, что он видел неприятный сон — его войска все перебиты, а он сам поражен пулей в грудь навылет.

„И вот вечером в тот же день, — рассказывал Исмаил, — я встретил его: два человека несли его, лежащего на их плечах, а большинство его войска было уже уничтожено. Когда он увидел меня, то сказал: «О Исмаил, а разве я тебе не сообщал об этом событии, которое происходит?»“.

В ту же ночь русские войска отошли на просторный правый край селения. Говорят, что это они сделали по совету бывшего вместе с русскими отступника Гули ал-Мехельти. Шамиль приказал тем, кто был на другом краю селения, начать наступление на месторасположение русских, но они не согла-

сились. Тогда он сказал: „Истинно, то, что произошло в день битвы при Оходе у пророка, да будет над ним молитва аллаха и мир, и его сподвижников, было результатом противодействия стрелков приказу. Так подождите же и вы увидите то, что произойдет“.

Русские с занятой ими возвышенной стороны селения двинулись на них в атаку, но войска имама часть из них перебили, а других отразили. Затем вторично пошли в атаку другие войска, опять их поубивали и отразили. В третий раз двинулись новые силы в атаку, и на этот раз они были биты и отражены. Шамиль восхвалил и возблагодарил аллаха и, положив руки на лицо, просил не допустить того, чтобы русские вернулись еще раз; урон и разрушения среди его войск были очень велики. Затем русские, да проклянет их аллах, открыли сильнейший ружейный и пушечный огонь по месту расположения имама и его войск. Большое войско шло, карабкаясь на руках и ногах, преодолевая устроенные Шамилем завалы. Рассказывают, что они клали своих убитых одного на другого для того, чтобы подняться на эти преграды и завалы.

Передают со слов тех, кто был тогда среди русских, о том, что каждому [солдату] из войска, проводившего это наступление, уши были заткнуты до этого воском, чтобы они не слышали грохота оружия. Расстроилась совокупность наших войск и разрознилось их единство. Некоторые из них уклонились от битвы и спустились в ущелье, а враг избивал их сзади. Они понесли там многочисленный урон. Другие же сами бросались с высокой горы в это ущелье. Остальные были перебиты при отступлении. Шамиль спасся оттуда невредимым. Спасся также ученый Курбан Али ал-Харашии, он почти падал от усталости. Его бурка была пробита в пяти местах. Некоторые из наших войск оставались осажденными

в селении до наступления темноты. Им был причинен также большой урон. Там пал смертью праведника храбрец, познавший [тарикат] — мулла хаджи Мухаммед ат-Тухи, да помилует его аллах всевышний.

Глава о сражении в Ахульго

Когда уменьшилось число их пособников и помощников и не осталось укрепленных и безопасных мест, откуда можно было бы сражаться с врагами религии, Шамиль собрался с теми, кто шел по его следам, на поле, называемом Саду, и они направились в Чиркат. Здесь обнаружилось, что некоторые из чиркатовцев не намерены переселяться в Ахульго. Они отговаривались тем, что они сами переселятся в другие различные места. Тогда им пригрозили страшным убийством и ужасным уничтожением. „Ибо вы хотите быть проводниками наших врагов в наши незащищенные места“ — заявили им.

Тогда они со своими семьями и пожитками переселились в Ахульго.

Пришли русские и направились в сторону Ашильты. Затем из Хунзаха и Ансаля еще пришли русские и отступники. У Шамиля было в общем уже до 500 бойцов. Около сотни он поставил на самом высоком холме, который называли Шулахулькух, для его охранения. Этот холм охраняли около месяца, и в течение этого времени Ахульго не было причинено большого вреда. [Через этот холм] была единственная дорога из Чирката для тех, кто шел туда или оттуда, по этой дороге поступали все необходимые припасы и продовольствие, главным образом из Чиркея. Отряды русских и отступников пришли, расположились лагерем и поселились в Чиркате.

Затем русские усилили наступление на находящихся на этом высоком холме и с фронта и с тыла.

Усилились и возросли бедствия осажденных. Из числа их пало смертью праведников около 17 героев. Тогда они оставили этот холм и присоединились к [остальным] своим силам в Ахульго. Русские расположились на этом холме, сражались и сами гибли. Когда русские увидели многочисленность своего урона и разрушения, то пошли на хитрость. Они принялись строить из деревянных досок навес и под прикрытием его постепенно приближались к Ахульго таким образом, что им не причинялось вреда от пуль войск Шамиля. Тогда на них кинулись некоторые из товарищей Шамиля и разрушили этот навес.

Русские оставили эту хитрость и пошли на другую. Они сделали длинную вращающуюся корзину, наполнили ее дровами и, привязав ее железными цепями, спускали понемногу в сторону Ахульго, а за этой корзиной опять устроили навес. Когда это сооружение приблизилось, то изменился цвет лица у народа и заколотились их сердца. Шамиль вызвал охотников, которые пошли бы и разрушили это сооружение. Но никто не согласился. Тогда он поклялся, что оно будет разрушено в ту же ночь. Шамиль намеревался сам лично пойти для этого. Но нашлись люди, кроме него, напали на русских и разрушили это сооружение.

У русских было 24 пушки. Гора Ахульго качалась, когда они стреляли по ней, так что ударяло в спину тому, кто стоял прислонившись к горе.

Русские продолжали стрелять по горе, разрушать завалы на окраинах и уничтожать подземные убежища, разрывая землю и разбивая громадные скалы. Находящиеся в Ахульго не спали ночью и не имели покоя днем. Они каждую ночь копали подземные убежища и делали завалы на окраинах для того, чтобы укрыться за ними в течение дня. Но пушечными снарядами русских ежедневно эти укрепления вновь разрушались. Так продолжалось около трех месяцев.

В начале этого дела Шамиль говорил: „Мы потерпим здесь и будем сражаться до трех месяцев, авось в это время народ или некоторая его часть извне выйдут на борьбу с врагами и нанесут ему поражение в тыл“. Но те, кто был на стороне, не оправдали возложенных на них Шамилем надежд. Среди них только увеличивалась трусость и уклончивость. Бедствия осаждаемых становились нестерпимыми. Силы врага увеличивались, а численность их самих и их снаряжения уменьшалась. Число раненых и больных возрастало. Герои гибли смертью праведников, силы их падали. Каждую ночь они набирали воду только ценой человеческих жизней.

Глава о выдаче сына Шамиля, Джемаль ад-Дина, русским в качестве заложника в знак перемирия

Когда генерал проклятый увидел, что ему не одолеть и не истребить осажденных, он предложил им прекратить военные действия и заключить перемирие. В качестве заложника он потребовал сына Шамиля.

Все, кто был с Шамилем, хотели этого [выдачи сына Шамиля], но сам Шамиль отказался. Он заявил: „Это не принесет вам пользы. Истинно этот проклятый не отступится от нас на этом“. Но они продолжали требовать, а он — отказываться. Так было несколько раз. Но когда увеличились их приставания и он увидел их крайнюю слабость и изнуренность, то ответил согласием, чтобы прекратить их жалобы и стоны. Он выдал русским своего сына Джемаль ад-Дина, которому было около 8 лет, сказав, обращаясь к всевышнему аллаху, хвала ему: „О боже, истинно, ты аллах, который вскормил своего пророка Моисея, да будет над ним мир и молитва, в руках фараона. И, истинно, этот мой сын, если я его от-

правляю к неверным, то это будет только потому, что он под твоим покровительством и защитой. А ты есть лучший из хранителей".

Затем потребовал проклятый, чтобы Шамиль явился в [условленное] место для встречи с начальником русских Пулло. Шамиль приказал отклонить эту встречу под тем предлогом, что он якобы болен или что-нибудь в этом роде. Он сказал: „Если я пойду, то он может потребовать от нас то, что мы не сможем выполнить".

Народ хотел этой встречи, а Шамиль отказывался. [Дело дошло] до того, что его отказ был отнесен за счет трусости. Тогда Шамиль встал разгневанный, и народ во главе с ним пошел на [условленную] встречу. Для придания большого вида и многочисленности были выведены все домочадцы и „камили".[1] Женщины были одеты в мужскую одежду, опоясаны шашками, вооружены и в чалмах.

Когда русские увидели эти ряды женщин, то чаландар[2] спросил Юнуса: „Кто это такие, которых мы не видели до сих пор?" — „Истинно этот холм наполнен людьми точно так же, как ваши палатки наполнены солдатами", — ответил Юнус. Но тот, увидев некоторых в шапках без чалмы, спросил вновь: „Но среди них есть наши люди, не мюриды?" Юнус сказал: „Они из наших рядов, ибо у нас мюрид тот, кто повинуется аллаху всевышнему и соблюдает его религию, а не тот, кто [только] носит чалму". „Ах, так", — сказал чаландар. Конец.

Шамиль и его товарищи нашли в условленном месте Пулло, а вблизи от него около тысячи [русских] солдат и начальников [на таком расстоянии], чтобы их оружие не достигало Шамиля, если бы он

---

1 Камиль — раб не-мусульманин, использовавшийся в домашнем хозяйстве.

2 Значение слова непонятно. Очевидно, имеется в виду какой-либо штабной военный чин.

был обстрелян. Шамиль сел рядом с Пулло. Пулло подостлал часть своего плаща [на котором сидел сам] для того, чтобы на него сел Шамиль, но последний не сел на плащ.

Пулло завел длинный разговор. Шамиль задвигался, как бы гордясь и кичась, и [незаметно] подложил под себя край одежды Пулло, рассчитывая, что если бы русские задумали изменить, то он убьет Пулло и нападет на его спутников, но не вернется вспять. Этот его маневр понял его товарищ, павший [впоследствии] за веру, Газияв ал-Анди, он приблизился к сидящим, приготовившись обнажить оружие.

В заключение своей речи Пулло сказал: „Истинно, ваш обычай таков, что выбор того или иного дела находится в ваших руках. У нас же делается только то, что установлено или приказано со стороны царя. Если между нами будет установлен мир и соглашение, то нам будет необходимо доставить тебя к нашему генералу, для того чтобы он увидел тебя и мог сообщить об этом царю“.

Тогда Шамиль, как бы порицая и браня своих товарищей, побудивших его на это свидание, сказал на аварском языке: „Меня схватят сейчас. Меня схватят сейчас“. Тогда Барти-хан, дядя Шамиля по отцу, ответил Пулло прежде чем поспел ответить Шамиль: „Истинно, мы, как ты сказал, свободные, не признающие над собой власти. Один делает, другой ему противоречит. Один завязывает, другой развязывает. У нас есть ученые и опытные знающие люди, они в селении и здесь не присутствуют. Если мы это и сделаем, то только посоветовавшись с ними“.

Ибрахим ал-Хусейн прокричал призыв к полуденной молитве, хотя еще и не настало положенное время.

Шамиль встал, сказав: „Нет речей после призыва на молитву“. И они расстались.

После этого русские неоднократно требовали посылки посредников. Шамиль им ответил: „Я приду вооруженный с сотней товарищей и не оставлю оружие, а ваш генерал пусть приходит с тысячью своих товарищей, а остальные его войска пусть вернет обратно и заставит удалиться“. Русские на это не согласились и потребовали прихода Барти-хана, но тот отказался. Тогда они потребовали в подтверждение мира возвращения из Ахульго всех членов семей в свои родные селения. Были посланы некоторые семьи Чирката и Гимр, но русские этим не удовлетворились.

Дополнение. Товарищ Шамиля Юнус рассказывает о том, что, когда было решено послать заложником Джемаль ад-Дина, было устроено совещание о том, кто пойдет его сопровождать и обучать обычаям религии ислама. Никто не хотел итти. Тогда Юнус сказал Шамилю: „Я тот, который сделает все, что ты захочешь. И если ты сочтешь нужным, чтобы я пошел с ним, то я пойду“.

Имам согласился на это, и Юнус, вооруженный, пошел с Джемаль ад-Дином. Когда они пришли к русским, то те отнеслись к ним с почтением и уважением. Их поместили в палатке чаландара, который является начальником и управителем над всеми их делами.

В один из дней Юнус был позван в палатку графа. Граф чрезмерно восхвалял его и сказал: „Шамиль прислушивается к твоим словам. Так пусть же он идет к нам и ему за это будут оказаны многочисленные благодеяния до конца дней“. Юнус ответил: „Он не сделает этого. Если бы даже он и склонился на этот поступок, то там имеются те, кто удержит его от этого“. — „Сходи к нему, — сказал граф, — авось он придет“.

Юнус отправился к Шамилю и сообщил, что ему говорили. Тогда Шамиль сказал: „Я знал раньше,

еще до посылки сына, что они не заключат с нами мира. А сейчас — так пусть же сражаются с нами, где только пожелают, и нет для них ничего, кроме меча". Некоторые из его товарищей, Барти-хан и другие, не соглашались с этим ответом и хотели чтобы Шамиль смягчил свои слова. „Мягкое обращение с ними не приносит нам пользы", — возразил Шамиль.

Юнус спросил: „Так что же мне сказать ему?" Но возражавшие Шамилю так и не нашли верного ответа. Тогда Юнус сказал: „Скажу ему так-то и так-то" [т. е. то, что сказал Шамиль]. Они ответили: „Ну, пусть будет так".

Юнус вернулся в палатку чаландара под утро, совершил утреннюю молитву и лег спать. Спал до тех пор, пока не поднялось солнце. [Когда он встал] чаландар сказал ему, что его звали к графу. Он разбудил Джемаль ад-Дина, и они вышли.

В это время по направлению к [палатке] графа шли ряды солдат. Они били в большие барабаны, как будто бы их гнали на смерть. Юнус, вооруженный, вошел к графу. Он не расставался с оружием и чалмой. „Ну, что сказал Шамиль?" — спросил граф.

Юнус ответил: „Он говорит, что ты взял его сына с целью мира. Ты обещал повернуть обратно и не причинять никакого вреда. Вскоре ты нарушил это обещание. Затем ты потребовал отослать некоторые семьи в их родные места и обещал дать дорогу для оставшихся уйти куда они захотят. И изменил в этом".

Он привел графу еще третий пример и закончил: „Мы не верим вам после всего этого. Истинно вы — люди измены, обмана и коварства". Заволновался и разгневался проклятый и сказал: „Мне нет дела до Шамиля и его речей. Нам приказано забрать в плен его и его домочадцев. С этой целью мы

посылаем этих [т. е. солдат, проходивших с барабанным боем мимо графской палатки] для наведения моста".

От этих слов задрожало тело Юнуса, его кинуло в жар, и рука потянулась к кинжалу с намерением убить этого проклятого. Но он вооружился терпением, жалея этого ребенка — Джемаль ад-Дина. Он подумал и сказал про себя: „Я посмотрю, и если эти [русские] сделают Шамилю что-либо неприятное, то я останусь при своем убеждении и буду готов для нападения и героизма". Он подавил в себе волнение, его грудь остыла и кровь успокоилась.

Проклятый понял происходившую в Юнусе борьбу и приказал переводчику вывести его из палатки. Но Юнус не вышел до тех пор, пока не высказал ему все то, что накипело у него в груди и накопилось на языке, об их измене и нарушении договоров. Только после этого он отправился с Джемаль ад-Дином в палатку чаландара. Когда он туда вошел, то бывшие там, из уважения к нему, перестали курить, чем занимались до его прихода.

Юнус им сказал: „Не бросайте ради нас ничего того, что вы делаете, так как и мы не бросим ради вас ничего из наших поступков".

Когда чаландар увидел его опечаленным, то он похлопал его по спине и сказал: „Не печалься. Вы ведь рабы аллаха всевышнего и покорные ему люди. Он хранит вас и вашего Шамиля от вреда и страданий".

Юнус ему ответил: „Да, мы верим, что аллах всевышний предопределил все то, что происходит в мире еще до создания этого мира. Мы верим в то, что нам не будет причинено вреда вашей многочисленностью и превосходством сил, больше того, что предопределил аллах всевышний в вечности".

В это время вернулись солдаты оттуда, куда они ходили. Они были радостные, смеялись, пели и играли.

И все это потому, что солдаты радовались миру. Что же касается отступников, чтецов и пр., то при сообщении о мире помрачнели их лица, глаза проливали слезы, а сердца наполнялись страхом. Конец.

В один из дней, после утренней молитвы Юнус был на молитве. И вдруг чаландар поднялся, сделал семь земных поклонов и обратился с молитвой [к аллаху]. Затем он посмотрел на Юнуса и сказал: „Истинно, ваше повиновение и покорность аллаху всевышнему возвращается вам добром, а наше повиновение царю — нет в нем никакой пользы". И так он неоднократно увещевал Юнуса, как истый поучающий мусульманин и успокаивал его сердце.

Когда Юнус достоверно узнал, что желание русских — бороться с Шамилем всяческими способами, то он стал подыскивать верного человека, который смог бы сообщить об этом Шамилю.

Однажды чаландар сказал ему: „Граф приказал, чтобы ты пошел и привел [из Ахульго] свою жену и всех тех, кто находится с ней, а также семью Муртади Али ал-Чиркави [находившегося у русских в заключении] и вам за это будет большое жалование и бесконечные блага от нашего царя. Постарайся также привести оттуда и других с их семьями. Сообщи им о том, что им так же будет оказано подобное же благодеяние предпочтительно очередности их прихода". Он долго говорил на эту тему, и Юнус, наконец, ясно понял, что русские хотят оставить там Шамиля одного одиноким.

Юнус стал отговариваться, чтобы чаландар не понял его действительных намерений. Он сказал: „Но они не разрешат мне вернуться". — „Посланцев не сажают", — убеждал его чаландар. „Но ведь этот ребенок будет скучать среди вас", — отговаривался Юнус.

Тогда чаландар позвал Муртади Али, чтобы он находился при Джемаль ад-Дине. Юнус попрощался с Муртади, оба заплакали, и он отправился в сопровождении офицеров. Русские при встрече приветствовали его поклонами. У окопов офицеры остались, а Юнус отправился к Шамилю и тайно сообщил ему обо всем. При их беседе присутствовал только один Тахир ал-Унцукулуви. Шамиль сказал: „Я знал еще раньше, [что так будет]“.

Затем пришла весть о том, что чаландар зовет Юнуса в окопы. Юнус нашел его беседующим с Барти-ханом о посылке Шамиля. Но тут прокричали преждевременно призыв к вечерней молитве, и Барти-хан ушел обратно, сказав: „Поговорим завтра“.

Чаландар обратился к Юнусу: „Иди [сюда] и пойдем обратно“. Но Юнус отговаривался тем, что он уговорит и приведет тех [кого ему приказали]. „Завтра придешь для этого“, — сказал чаландар. „Сейчас иду, — сказал Юнус, — только возьму свое ружье“. — „Ну, иди и приходи“, — согласился чаландар.

Юнус вернулся к Шамилю и просил у него разрешения остаться с ним. Посланцы чаландара приходили к Юнусу один за другим, но он не уходил. А когда чаландару сообщили, что Юнус и не вернется, то он топнул ногой о землю и ушел обратно [из окопа, где он поджидал Юнуса]. Конец.

Неверные начали сражаться, после того как провели в вышеописанных переговорах около трех дней, и за это время увидели истощенность товарищей Шамиля, слабость их сил, многочисленность раненых и больных среди них, разрушенные границы и все их слабые незащищенные места. Об этом всем им сообщили отступники, которые все время ходили к ним от лица этого проклятого графа под видом посредников в переговорах о перемирии.

Русские с силой обрушились на них, разрушили пушечными снарядами все укрепленные преграды.

Войска Шамиля оказывали им сопротивление, несмотря на все великие несчастия, в течение недели, исправляя по ночам, по мере своих сил, то, что разрушалось русскими днем. Они ослабли и изнемогли от этого и были раздражены трудностями этого мира до того, что соперничали друг с другом в стремлении умереть и просили смерти, а умершего рассматривали как вошедшего в рай и смотрели вслед ему [с завистью].

В один из этих дней Шамиль сидел на открытом месте на виду у врагов. Он посадил своего маленького сына Гази Мухаммеда к себе на колени. Рядом с ним, укрывшись за скалой, находился дервиш Нур Мухаммед ал-Инхови. Шамиль завидовал его одиночеству, так как не было у него заботы о своей семье. Родственники дервиша находились у себя в родном селении. Тогда Шамиль сказал про себя, обращаясь к аллаху, которому присущи мощь и величие: „О, господи, этот ребенок — самое дорогое существо для меня. Так пошли же мне смерть пулей в середину моего лба, а затем уже и [смерть] этому ребенку".

Он сильно желал дозволенной [аллахом] смерти, а она не приходит, кроме как по желанию аллаха всевышнего. Да и как же бы захотел мудрый и могущественный аллах смерти Шамиля и Гази Мухаммеда. Ведь он возложил на них то, что он хотел в отношении избиения враждующих неверных, покорения отступников, возвышения ислама и установления через них [Шамиля и Гази Мухаммеда] дела мусульман и в здешней и будущей жизни. Об этом мы упомянем дальше, если захочет аллах всевышний. А ведь аллах, да возвеличится и прославится он, говорит в своей книге: „А что касается того, что полезно людям — оно остается на земле".[1]

---

[1] Коран, 13_{18}.

Глава о выходе Шамиля из Ахульго и о том, что он испытал из трудностей и облегчений, пока не достиг селения Шубута

Когда аллах всевышний пожелал обнаружить то, чему предопределено сбыться, то „расширилась там дыра для чинящего ее“,[1] „сошлись два кольца подпруги“[2] и „перевесилась одна сторона перемета“. Народ перестал укреплять границы, собираться и присутствовать на месте битвы.

Шамиль оставил приказ и запрещение. В то время они уже не действовали на них [осажденных]. В последний день присутствия осажденных на поле битвы Шамиль устремился к месту битвы с намерением не вернуться из нее. Сражающимся же он сказал, что находится с ними для приказаний и запрещений [т. е. для руководства битвой]. Но аллах всевышний сохранил от гибели его и некоторых мужчин и женщин — его сестру, тетку по матери и других. Затем, ночью, те, кто оставался там — мужчины, женщины и дети, — спустились в ущелье у подножия горы. Они давили, топтали ногами и калечили друг друга. Своего сына Гази Мухаммеда и семью Шамиль послал вслед за спускавшимися, а сам намеревался пасть там смертью праведника за веру. Он спросил своего товарища Юнуса: „А ты что будешь делать?“ — „Сделаю то же, что сделал ты“, — ответил Юнус. Затем Шамиль приказал своему слуге Салиху убить его лошадь в конюшне, чтобы не завладел ею враг. Слуга вышел. Когда он подошел к лошади, то она повернулась к нему и заржала. Он сжалился над ней и не смог ее убить. Затем вышел Шамиль из дому в боевом снаряжении, оставив там свои книги и все пожитки. Он ударил рукой по книге „Инсан ал-уйун“, переписанной известным ученым Саидом ал-Харакани,

---

[1] Т. е. трудности и бедствия увеличились (арабская пословица).
[2] Т. е. дела пришли в отчаянное положение (арабская пословица).

и воскликнул: „Какому врагу в руки ты достанешься?". Конец.

Но аллах всевышний своим прекрасным могуществом вернул эту книгу в руки Шамиля: он овладел ею вновь через некоторое время. Слава мудрому устроителю.

Шамиль с десятком товарищей укрылся в подземном убежище на месте битвы, которое они вырыли ночью.

В то время, когда они находились в этом убежище, к нему пришел Тахир ал-Унцукулуви и сказал: „Мы до сих пор не знаем места твоего пребывания. Там [в ущелье] множество людей требуют, чтобы ты явился, и они будут делать все, что будешь делать ты". Но Шамиль отказался, он решил остаться здесь до тех пор, пока не рассудит аллах всевышний. Тахир грозил и метал молнии, он сказал: „Истинно самое лучшее и правильное для тебя делать то, что ты делаешь, вместе с народом, чем оставаться одному в одиночестве".

Тогда Шамиль вернулся с ним в свой дом. Там он встретился с Барти-ханом, который его спросил: „Что ты намерен делать?" — „Буду оставаться здесь, — ответил Шамиль, — я не спущусь в ущелье для того, чтобы нас перебили враги камнями и комьями сухой глины". — „Я сделаю то же самое," — сказал Барти-хан и вошел к себе в дом для того, чтобы приготовиться для этой цели.

Но юноши из Нахбагаля принудили Шамиля опуститься в то место, где находилась его семья. И он спустился. Они оставались там около 3 дней, а враги находились и сверху и под их ногами. У Шамиля и его товарищей не было возможности соединиться вместе, кроме того, у них не было ничего, чем бы они могли утолить свой голод.

В один из дней Шамиль задремал и увидел во сне, как будто бы его жена Джавхарат упала на землю, а его сын от нее Саид, 2-летний ребенок, медленно

ползал по ней. Шамиль понял, что его жена умрет. А она была ранена в голову. Так и случилось. Силы покинули Джавхарат, и она оставалась там около 3 дней после ухода оттуда Шамиля. Она неоднократно просила Тахира ал-Унцукулуви облегчить ее страдания глотком воды и до тех пор, пока не умерла, жевала для своего сына жареные зерна, которые взяла еще на горе и сохраняла, завернув их в край своего покрывала. После ее смерти сын ползал по ней и звал то отца — Шамиля, то мать — Джавхарат.

Рассказ. Шамиль пришел на это место по миновении года. Некто показал на одно место и сказал: „Вот здесь пала Джавхарат". Ее нашли покрытой камнями и мокрой землей, принесенными водами реки во время подъема и половодья. Ее тело и платье ничуть не изменились. Даже ее губы, приподнятые над зубами, были влажными как у живой. Ее похоронили в Ахульго.

Другой [*рассказ*]. Подлинно там находится еще [убитый] мужчина в горной пещере, в его теле и одежде ничего не изменилось вплоть до этих наших дней 1272 [1855/56] г., его мог видеть каждый, кто побывал там. Конец.

Другой [*рассказ*].[1] Сообщают о дряхлом старике из селения Аур, который был в Ахульго через 25 лет после его падения и видел там сидящую женщину — павшую за веру мученицу. Она держала в каждой руке по концу своего покрывала. На одном конце покрывала было немного муки, на другом — немного соли. Труп ее высох. Конец.

Другой [*рассказ*]. Около 20 человек попытались устроить поля и сады на могилах мужей Ашильты, павших смертью праведных в Ахульго. У всех них отсохли руки. Конец.

---

[1] Этот и последующий рассказы вставлены в сочинение значительно позднее сыном автора Хабибуллахом ал-Карахи.

Шамиль еще ранее заповедал своим людям и семейству сражаться до последних сил, а тот, кто обессилеет от ран, пусть бросается в Койсу, но не сдается в плен.

Когда Шамиль терпеливо перенес гибель за веру своего дяди по отцу Барти-хана, он сказал утешавшим его: „Скажите мне: «Да присоединит тебя аллах всевышний к нему [Барти-хану]»“. Настолько он желал смерти и надоел ему этот земной мир.

Затем ночью они приставили длинную балку к вершине горы для того, чтобы выйти из этого ущелья на просторную землю. А русские войска находились перед ними. Имам долго искал того, кто поднялся бы с его сыном Гази Мухаммедом по этой балке. Он предлагал высокую плату, но никто не захотел. Тогда он посадил сына к себе на спину, привязал его, а обувь его взял в рот. Он поднялся по балке первый, а за ним несколько товарищей. Он сел на гребне вершины и отказался итти дальше, пока не догонят его прочие товарищи — Муса ал-Балагини и др. Он послал за своей семьей около 8 человек, одного за другим. Газияв ал-Анди попросил у Шамиля [разрешения] отойти на ближайшую площадку, так как занимаемое ими место было слишком тесно для поднимающихся. В то время, когда они были на этой площадке, Шамиль увидел что-то черное. Он тихонько спросил Газииява: „Что это такое чернеет, человек или что-либо другое?“ Вдруг раздался по ним залп солдатских ружей. Шамиль сказал: „Нам нужно встать и обрушиться [на них], так как открылось наше дело и прекратилось наше скрывание“. Они бросились на солдат и открыли стрельбу из ружей. Солдаты, преградившие им путь, были обращены в бегство. В этот короткий промежуток времени Шамиль выпустил пять пуль.

Затем ему сказали, что большое войско идет на них спереди. Шамиль приказал своим укрыться за

скалой, пока не отгремят выстрелы ружей русских. Товарищи легли сзади Шамиля, а Султан-бек ад-Дилими перед ним, прикрывая его. Затем они бросились на эти войска. Там пал смертью праведных этот ад-Дилими. Русские были отогнаны в сторону. Шамиль намеревался преследовать врагов, но его искренний и верный товарищ Ахбирдиль Мухаммед удержал его. Он позвал к Шамилю другого товарища и при нем поклялся, что Шамиль не умрет в эту ночь.

После его спросили, почему он дал такую клятву? Он ответил: „Я до этого видел сон, как будто бы великий поток залил Ахульго со всеми, кто там был. А я, Шамиль и немногие из товарищей, не тронутые этим потоком, перелетели на чиркатскую горную дорогу. По этому сну я заключил, что мы спасемся, а те, кто там остались, погибнут". Конец.

В то время когда Шамиль шел с товарищами, кусок твердой земли пролетел у его головы и ударил его в шею. Он упал на землю. Один из товарищей спросил: „Во что тебя ранило?" — „Я не ранен", — ответил Шамиль, вставая и стряхивая с себя землю. Они встретили второе войско и третье, однако аллах всевышний не предопределил этим войскам победу над ними.

Находившиеся между лагерями русских войск наблюдатели [случайно] немного разошлись, образовав проход, и Шамиль с товарищами спустился к воде. Шамиль намеревался оттуда вернуться и разыскать свою семью, но ему запретили это. Его товарищ Юнус встал и сказал: „Я пойду для этого".

Вскоре пришла весть о том, что его сын, Гази Мухаммед, со своей матерью Фатимат спаслись и идут вслед за ними.

Дополнение. Его сын, Гази Мухаммед, ребенок 7 лет, когда они проходили по узкому проходу, [пробитому ими], среди русских войск, сидел у одного мужчины на плечах. Солдат ранил его штыком в ногу.

Тогда он сказал тому, кто его нес: „Брось меня в реку. Брось меня в реку“. Он знал о приказании своего отца и помнил его. Что же касается жены Шамиля Джавхарат и его от нее сына, то они остались там, как уже было сказано выше. А его сестра, она была тяжела телом, в то время когда русские намеревались взять там в плен домочадцев, завернула свое лицо покрывалом и сама бросилась в Койсу. Конец.

Число поднявшихся с Шамилем на хребет было около 30 человек, затем пали смертью праведников из них 6 человек. Они говорили друг другу [с радостью]: „Ну, наконец, мы спаслись от русских“. Шамиль опечалился тогда [видя немногочисленность спасшихся]: он плакал, ругал и порицал их: „Если бы вы меня там не покинули, то я бы сражался до тех пор, пока бы не умер. Куда мы направимся и где поселимся? Нет на свете никого, кроме тех, кто ненавидит и преследует нас“.

Они шли берегом реки походкой баранов, истощенных голодом и изнуренных телом. Когда они, проходя по воде, были вынуждены снять обувь, Шамиль приказал совершить омовение для утренней молитвы. А молитву совершили только когда настало утро. Когда они поравнялись с гимринскими дозорами, вышедшими для сражения с ними и заграждения им пути, то эти дозоры, будучи на другом берегу Койсу, открыли по Шамилю стрельбу. Шамиль узнал всех, кто там был из гимринцев с их главарями. Он вытащил шашку, поднял ее над головой, потряс ею так, чтобы они видели, и закричал: „Эй, вы (тот-то и тот-то)! Истинно эта моя шашка левши не больше чем через три месяца достанет вас, если захочет аллах всевышний“.

Эти слова вселили в сердце гимринцев великий ужас. Их греховодная знать еще до этого намеревалась забрать и отослать к русским всех тех из гимринцев, кто не соглашался с ними в части расстройства дел

шариата. И от этих слов они испугались за самих себя, в случае, если дни изменятся над ними.

Они шли, таким образом, до полуденной жары, пока не попадали в одном месте, изнемогая от усталости, голода и отсутствия сна.

Когда стало известно о том, что Шамиль и его товарищи спаслись, [убежав] с того холма, то вслед за Шамилем, с целью поймать его, вышли Ахмет-хан ас-Сахали и Хаджи Мурад ал-Хунзахи с войсками из отступников. Когда они приблизились к месту расположения Шамиля с товарищами без единого выстрела, то аллах всемудрый и славный закрыл их глаза и отвратил их сердца. Они вернулись обратно.

Затем Шамиль и его товарищи поднялись и пошли, как стадо тощих баранов. Их жажда усилилась настолько, что они пили воду, взятую из следов копыт животных на дороге. Тогда Шамиль нанял за высокую плату 2 человек, которые пошли бы и принесли воды. Они пошли и принесли воду: один из них — для группы, идущей впереди, в которой находился маленький Гази Мухаммед, а второй — для другой группы, в которой находился сам Шамиль. Все напились. Но когда отставшая группа догнала передних, севших для отдыха, то они нашли Гази Мухаммеда сидевшим на возвышенности в стороне от остальных. Шамиль подошел к нему и спросил: „Ну, как ты? Воды напился?“ Гази Мухаммед ответил печальным голосом: „Нет, они меня не напоили“. Шамиль сделал им за это выговор и бранил их. Он принялся утешать и уговаривать Гази Мухаммеда. „Мы скоро дойдем до воды, — говорил он сыну, — напоим и накормим тебя. Пойдем“. Сын встал, у него заплетались ноги, он чуть не упал. Тогда Шамиль посадил его себе на плечи. Голова ребенка билась о голову Шамиля, он сказал отцу: „Моя шея не имеет силы держать голову“. Поистине он был в крайней степени изнеможения, изнуренный полученной им раной и всеми

прочими тяготами и трудностями. Так они шли ночь. Во время второй ночи, когда они поднимались на вершину горы, Гази Мухаммед не вытерпел и пожаловался Шамилю, что он умирает от голода. Его нес на спине не Шамиль, а другой товарищ. Тогда Шамиль показал на вершину горы, видневшуюся в темноте, и сказал: „Вот видишь [эту вершину]? Когда достигнем ее, то накормим тебя хлебом досыта".

Утреннюю молитву совершили до подъема на вершину, куда поднялись вместе с восходом солнца. Здесь они увидели направляющегося к ним всадника. Когда он заметил их, то повернул и поскакал обратно. Шамиль закричал: „Стреляйте в него! Стреляйте в него!" Всадник повернул обратно и, [подъехав], спросил: „Разве вы те?" Когда же узнал их, то обрадовался. „А я думал, что это отряд врагов", — ответил он. Он вез перемет, наполненный хлебом и сыром для того, чтобы встретить и накормить тех, кто спасся с вершины [Ахульго]. Накормили Гази Мухаммеда, поели и все остальные. Имам приказал этому доброжелателю, его звали Иса Хаджияв ал-Чиркави, сойти с лошади и посадить Ахбирдиль Мухаммеда, он был изнурен и слишком утомился. И он повез его. Потом Шамиль приказал Исе посадить другого раненого. Тот также повез. Затем он отправился на далекое пастбище баранты и принес оттуда им муки. Да вознаградит его аллах всевышний добром.

Вот вкратце то, что произошло в Ахульго, а подробности же происходивших там событий наполнят большую книгу, от чтения которой будут сгорать сердца и от просмотра ее глаза наполнятся слезами.

Передают со слов Джавад-хана ад-Дарги, который раньше служил у русских, о том, что он читал в крепости Кизляр ведомости, сообщавшие о гибели, в связи только с одним Ахульго, 33 тысяч русских.

Да и как не погибнуть, когда говорили, что только в один из дней в Ахульго было убито 5 тысяч русских. Рассказывают также, что проклятый Пулло вернулся оттуда только с двумя солдатами из своего войска. Но аллах всевышний более сведущ. Конец.

Пало смертью праведников там свыше 300 человек и первый, кто там пал, это Муртади Али ал-Чиркати. А из руководителей и ученых пали: ученый мухаджир Али-бек ал-Хунзахи; ученый Барти-хан, дядя по отцу Шамиля; ученый мухаджир Сурхай ал-Кулуви; непоколебимый Хази ал-Чиркати; храбрец Баляль Мухаммед ар-Ригуни, про него рассказывают, что он в один из дней убил около сотни врагов и обессиленный остался в их руках, они принялись бранить его, но он не склонился к ним, хотя бы даже на словах; храбрец Мухаммед-султан ар-Ригуни; два брата из Ирганая — Хусейн бен Хирак и Мухаммед бен Хан; молодой ученый Мухаммед, сын сестры первого обновителя ислама, погибшего праведника Гази Мухаммеда, да будет свята душа его; храбрец Осман ал-Балагини; Ибрахим ал-Хусейн ал-Гимри; Усави ал-Харадарихи; Али-хан ал-Хараки; Алигуль Хусейн ал-Урути; Саад ал-Урути; Муртади Ласуль Мухаммед ал-Ургачи; отец юноши проницательного храбреца Муртади, товарища Шамиля и главы его регулярного войска — искренний [советник] Муртади Али ал-Хидали ал-Мачади, который когда-то уединился от народа, находясь в своем крае, наполненном гордецами и непокорными, когда те придерживались обычая [т. е. адата, а не шариата], и не согласился признать их порядки; Мухаммед Амин ал-Худути; чистый и искренний [советник] Омар ал-Касыр ас-Сугури, совершивший пешком паломничество в дом аллаха всевышнего [т. е. в Мекку]; мужественный храбрец Бусайлав ат-Тынди, убивший когда-то много русских начальников, которые разъезжали по окрестностям, выравнивая земли и обмеряя открытые места,

и ряд других, да будет аллах всевышний доволен ими, а они довольны им.

Русские взяли в плен в Ахульго около 600 человек, а говорят даже что 700, мужчин, женщин, детей и ученых. Среди них: кадий Ахульго Силикуль Мухаммед ат-Тануси, он умер в плену; непоколебимый Ибрахим Хаджияв ал-Мехельти, неизвестно о нем никаких следов; Ахмед старший ал-Биги, неизвестно о нем никаких следов; Ахмед младший ал-Биги, убит в заключении [казнен]; Джабраил ал-Биги, неизвестно о нем никаких следов; Хузкиль ал-Харачи, убит при бегстве от русских; Мухаммед Али из Белого селения, неизвестно о нем никаких следов; Нур Мухаммед ал-Ургачи, он до сих пор в руках русских; Мухаммед ал-Хиригури, неизвестно о нем никаких следов; Тальха ал-Буцнави, уже выкуплен; хаджи Булат ал-Янгави, также выкуплен, и ряд других. Да вознаградит аллах всевышний добром их деяния и внушит им и нам слова благочестия и веры.

Дополнение, рассказывающее о милости аллаха всевышнего. С того дня, в который Шамиль спасся от бедствий этой вершины, т. е. Ахульго, мир не переставал увеличивать его возвышение и прославление и в изобилии возливать на него благодеяния и милости вплоть до этих наших дней. И все это от щедрот аллаха всевышнего Шамилю и людям, однако большинство их не знают [этого]. И мы надеемся [что воля] славного и мудрого аллаха [будет такова], что мир продолжит эти благодеяния и милости до тех пор, пока не соединятся [дни] управления и газавата Шамиля через появление Мухаммеда Мессии с последними днями мира. Ведь сказал аллах всевышний: „А что касается того, что полезно людям — оно остается на земле“.[1] Да и как нам не надеяться, если уже распространилась милость

---

[1] Коран, 13_{18}.

его газавата вплоть до Мекки и Медины, Балха и Бухары. Там уже начали шейхи молить аллаха о даровании Шамилю победы, завоевания и долголетия. Рассказывал хаджи Диани Али ал-Чари о том, что когда он спасся из Сибири, из рук неверных, он направился в Бухару. Он видел, как султан бухарский ежедневно после заката солнца совершал паломничество [к могиле] шейха Мухаммеда ан-Накшбенди и молился там за шейха Шамиля, а народ [вслед за султаном] говорил „аминь", даже те, кто находился на базарах. Рассказывают, что то же самое видел Карахан ал-Гулуки ал-Курдистани, спасшийся из Сибири после Диани Али ал-Чари и также проходивший через Бухару. Кроме того, он добавил к этому о том, что он спросил о причинах этих молений. Ему ответили, что когда-то к этому, его присутствию султану, пришли два посланца от его присутствия шейха, Шамиля. Султан спросил их о цели их прибытия — деньги, люди, припасы или вооружения? Они ответили ему: „Единственно, что хочет от вас шейх Шамиль, это вашей молитвы за него". И говорят, что в связи с этим стал султан молиться описанным выше образом. Конец.

Затем Шамиль и бывшие с ним пошли далее. Наконец, они остановились на одном из пастбищ баранты. Здесь они нашли одного юношу, которого они знали, — его отец, бывший среди них в Ахульго, пал смертью праведника. Этот юноша, следуя завещаниям отца, принял их как гостей, зарезал барана и почтил их. Здесь они увидели новолуние месяца раджаба 1255 [IX 1839] г., а время было двухстороннее: и лето и осень. Они двинулись дальше. Затем они услышали шорох направляющихся к ним людей. Они взаимно спросили друг друга: „Кто вы?" — „А вы кто?" Затем узнали друг друга: оказалось, что это были мюриды из селения Артлух, вышедшие для встречи Шамиля. Они обрадовались ему и даже поместили его в своей местности тайком от грехо-

водников своего селения. Затем они явились — один с хлебом, другой с лепешками, третий с сыром, четвертый с мясом и принялись угощать его и оказывать всякие почести.

В это время вдруг Иманкулав ал-Чиркати, будучи на виду у угощающихся и слышим, закричал жителям селения Артлух: „Истинно Шамиль и его товарищи уже прогнаны и разбежались от страха по разным направлениям, подобно племени Саба. Так что уже больше не соберутся. Если у кого-нибудь находится их имущество, то пусть не возвращает обратно". Впоследствии этот крикун за лицемерие был убит по приказу наиба, павшего [впоследствии] за веру Хитына ад-Данухи. И поделом ему это. Конец.

Затем ночью вышли оттуда и шли до тех пор, пока к утру не достигли селения Алмахаль. Муаззин призывал к молитве. Они вышли тайком из селения, не давая никому знать, дабы не было причинено им вреда со стороны преступных соседей больших близлежащих селений за то, что они остановились у них [у жителей Алмахаля]. Они спустились к воде для омовения. Сюда к ним торопливо прибежали кадий Алмахаля, их знать и простой народ. Догнав их, они начали просить вернуться и остановиться в гостях в их селении. Шамиль разъяснил им причину того, что он не остановился в их селении. Тогда они поклялись, что не отпустят их без угощения, так как в противном случае они сгорят от стыда. Тогда Шамиль сказал: „Ну, если уж дело обстоит так, то мы остановимся здесь".

Один пришел с пищей, другой — с другим и так до тех пор, пока не угостили их почетнейшим образом, не накормили их наиболее сладкой и наилучшей пищей, снабдив и про запас с собой, и не заставили их выспаться до полудня. Затем они двинулись дальше.

Рассказ. Однажды во время этого пути Шамиль и его товарищ Юнус ушли вперед от товарищей. Они проходили мимо одного старика из чеченского селения Зандаки. Старик спал на сене. Они сели около него. Старик проснулся. Шамиль спросил у своего товарища: „Нет ли у тебя чего-нибудь дать ему поесть?“ Юнус вытащил переднюю часть жареного барана. Старик осведомился у них о Шамиле. Тогда Шамиль сказал ему, что Шамиль якобы убит, поражен и ограблен. Старик застонал, заплакал и упал как в обмороке. Они ушли от него. Спустя немного времени мимо старика проходили отставшие товарищи — он спросил их о Шамиле. Они откровенно рассказали ему, что Шамиль был одним из двух прошедших мимо него. Старик побежал вслед за ними. Шамиль и Юнус расположились отдохнуть и вот видят какого-то старика, бегущего старческой походкой с непокрытой головой. Это оказался тот старик. Он упал на грудь Шамиля и плакал, плакал и долго горевал, до такой степени опечалило его их сообщение. Конец.

Они вошли в селение Таттахи к вечеру. Жители селения чествовали и угощали их около 3 дней. Один, давший ранее обет, даже зарезал быка в ознаменование спасения Шамиля от зла врагов. Он накормил их и всех прочих. Затем пошли далее и остановились в селении Байян. Жители этого селения также чествовали и угощали их. Хозяин, принявший в гости Шамиля, даже приходил в Таттахи для того, чтобы пригласить его к себе в гости. Там после 20 раджаба родился Мухаммед Шафи, сын Шамиля.[1] На седьмой день его рождения была принесена положенная жертва [зарезан в честь рождения баран]. Затем вышли из Байяна и остановились

---

[1] Глосса: „Между ним и Гази Мухаммедом около 7 лет, а между Гази Мухаммедом и Джемаль ад-Дином около 3 лет (от автора, да помилует его аллах всевышний)“.

в селении Видан. Здесь они увидели новолуние месяца шаабана. Шамиль оставил свою семью в Видане, а сам с товарищами отправился подыскивать место, подходящее для остановки и поселения. Наиболее пригодным местом для этого они нашли селение Гарашкити в округе Шубута. Шамиль остановился гостем у благородного хозяина, который вышел для его встречи еще во время отправления из Видана. Затем этот хозяин, по имени Ша'бан, ушел, и через 10 ночей месяца ша'бана вернулся с семьей Шамиля. Затем вернулись товарищи Шамиля, те, кто хотел вернуться, и поселились с ним 8 человек. Среди них непременный его товарищ Юнус, его слуга Салих, раненый Худакатиль Мухаммед, Билядий ал-Хоцатли, Химмат ал-Хоцатли, раненый Нур Али ал-Харадарихи, Муртади Али ал-Харадарихи и раненый Муса ал-Балагини.

Когда Шамиль проходил по селениям Байян и Видану, с ним встретились известный храбрец Шуайб ац-Цамутури и Джавад-хан ад-Дарги. Во время этой встречи Джавад-хан, опечаленный всем тем, что претерпел Шамиль, сказал имаму: „Не сокрушайся о гибели и рассеянии твоих товарищей и старых соратников. Истинно, вновь соберутся к тебе сюда достойные прежних товарищи-соратники числом более 3 тысяч. Я же — твой преданный раб. Приказывай все, что хочешь и я выполню по твоему указанию". Да вознаградит его добром аллах всевышний. Шамиль поставил их наибами в тех двух округах и приказал им отбирать все, что они найдут у тех, кто приходит из Мааруха, и убивать их, если они будут выдавать себя за мюридов или чтецов, другим же, [т. е. не выдающим себя за мюридов], — освобождать путь.

Они начали отбирать лошадей у тех, кто приходил для поисков продовольствия в Чечню из обществ Андаля, Багуляля и Каралялля. В этом пред-

приятии к ним присоединились некоторые товарищи Шамиля, среди них был и Муртади, еще не созревший юноша, сын павшего за веру Муртади Ласуль Мухаммеда ал-Ургачи и др.

Этим мероприятием были склонены указанные округа к выполнению приказов Шамиля. Конец.

Шамиль пребывал в Гарашкити, как брошенная тряпка; никто не смотрел на него и никто к нему не обращался. Однажды пришла к нему одна женщина из Чиркея, по имени Азиза, и пожаловалась на то, что ее продают здесь в рабство. Шамиль ей объяснил, что у него нет силы освободить ее.

Глава о приближении Шубута и прочей Чечни к Шамилю

Затем в один из последних десяти дней рамадана этого 1255 [XI 1839] г., когда Шамиль читал Коран в худжре, пришел к нему его сын Гази Мухаммед и сказал: „Ту женщину, которая приходила к нам, уводят какие-то мужчины, а она кричит и плачет". Шамиль бросился к двери и увидел ее; она плакала и кричала: „Неужели нет ни одного мусульманина, который бы освободил меня".

Он вошел в дом, обнажил шашку, взял оружие, крикнул своим товарищам, чтобы они вышли и побежали вслед за теми мужчинами, браня и угрожая им, что он не допустит подобных поступков. Но ему преградил путь юноша, знающий аварский язык, по имени Мухаммед Кира. Он уцепился за Шамиля и не дал ему догнать убегавших. Юноша был ранен Шамилем в руку. Когда убегавшие увидели происходившее, они бросились за дерево и отпустили женщину. Она убежала в селение. Затем собрались там мужчины. Произошел спор и длинные препирательства. Хозяин, у которого гостил Шамиль, начал ему что-то говорить. Шамиль спросил переводчика:

„Что он говорит?“ — „Он говорит, — ответил переводчик, — что на нем 15 туманов гарантии за эту женщину и поэтому он хочет, чтобы ты отпустил ее [для продажи]“. Шамиль обругал его и сказал: „Если бы пало на него даже 10 тысяч, то и то я бы не освободил пути для продажи мусульманки“. Он забранил также брата своего хозяина, пытавшегося что-то возразить и даже извлек свое оружие и пригрозил ему им. На этом все разошлись по домам.

С этого дня жители Шубута стали приходить к Шамилю группа за группой, прося у него прощения их проступков и ища его наставлений. Затем пришел Муху ал-Харадарихи, которого Шамиль поставил в одном селении для предстоятельства на ночных молитвах [во время рамадана]. Он смеялся и спрашивал: „Что такое вы с ними сделали, они в великом страхе толпами идут просить прощения в своих проступках и говорят, что Шамиль чуть было не убил своего хозяина и его брата?“

Глава о начале сбора войск Шамилем после того, как он остановился в Шубуте

После этого события жители Нижней Чечни стали приходить группа за группой. Одни из них просили у него разрешения переселиться к нему, но он откладывал их дела в сторону, [надеясь на то, что] авось аллах всевышний после этого заставит случиться какое-либо дело.

Другие просили его переехать к ним, но он отговаривался под тем предлогом, что ему наскучили люди и общение с ними, а также под предлогом малочисленности своих товарищей. Но его отговорки только увеличивали просьбы и приставания. Причина этого была в том, что русские взяли с этих жителей Нижней Чечни деньгами с каждого дома и по ружью с 10 домов еще до прихода Шамиля, и они услышали,

что начальники проклятых [т. е. русских] тайно беседовали и совещались о том, что они впоследствии возьмут по шароварам с каждых 10 женщин. Конец.

Жители Шубута удерживали Шамиля. Они утверждали: „Жители Нижней Чечни — люди злополучия, коварства и измены. Мы не уверены в том, что они не причинят тебе вреда за подарки от русских".

В один из дней пришел один из них и начал говорить с Газиявом ал-Анди. Последний с глазами, полными слез, обратился к Шамилю: „Ты не слышал, что говорит этот человек?" — „Нет, а что?" — спросил Шамиль. — „Он говорит, что если ты не слушаешь зова и упрашиваний наших мужчин, то сейчас придут наши женщины для того, чтобы вернуться только с тобою", — ответил Газияв. Они заплакали и возблагодарили аллаха всевышнего за этот успех после того, как они горевали о том, что не находится никого, кто согласился бы с их намерениями.

Шамиль дал пришедшему обещание о приходе. Затем он послал к Ахбирдиль Мухаммеду ал-Хунзахи, находившемуся в Канхо, сказать: „Поистине, эти, даже вместе с их женщинами, неотступно требуют от меня выступления к ним, явись и ты с теми, кто повинуется тебе, к нам в день такой-то".

Затем Шамиль собрал мужчин Шубута. Он наставлял их и, стараясь расположить к себе, говорил: „Вы, поистине, мои хозяева и мое прибежище, когда мир стал для меня тесен; и вы — моя опора, когда отлучили меня люди. Вы видите, что те зовут меня для исправления их дел, выпрямления их порядков и установления среди них шариата. Я хочу, чтобы вы были возглавляющими это дело и моими помощниками в нем. Если вы согласны на то, что я хочу, — добро вам, идите тогда со мной. Иначе я с ними вернусь к вам и уж тогда мы установим среди вас наше дело насильно". После многочисленных споров между собою они ответили согласием на высту-

пление с Шамилем и сказали: „Мы только хотим просить тебя кое о чем". — „Спрашивайте, — ответил он, — я вам отвечу согласием по мере возможности". Тогда они заявили: „Мы [думаем] пахать и сеять после того, как сойдет в конце зимы этот снег, — лежал большой снег, в котором могла скрыться собака, — так разреши же нам тогда вернуться". Шамиль ответил: „Я разрешу вам вернуться, когда вы об этом попросите".

Затем вернулся Ахбирдиль Мухаммед с 15 товарищами, среди них были известный храбрец Микаил ал-Хавкари и Кадиласуль Мухаммед. Они выступили во имя и по воле аллаха всевышнего. Вышли с ними и шубутовцы, которые охраняли и стерегли Шамиля, как телохранители султана, и не подпускали к нему никого из посторонних даже для приветствия, боясь их коварства и измены. Одни ездили и кружили по вилайетам Нижней Чечни и установили там свое управление.

Жители, даже их знать, охотно и радостно повиновались Шамилю. Бывало так, что каждый из них приносил свои „чины", которыми его наградили русские начальники, и ломал и рвал их на глазах у Шамиля в доказательство послушания и повиновения.

Шамиль приказал жителей больших селений — Чали, Кирмчик и других — перевести с их пожитками и семьями с открытых местностей в недоступные леса. Он приказал также им не прекращать войны, если придет враг, до тех пор, пока с ним не покончат. Они начали переселение. И как только очистили селения и каждый поселился в отведенном ему месте, имам приказал им сжечь те древние обжитые и цветущие селения. Тяжело им это было, но они делали. Конец.

Когда Шамиль с войском вступил в Агдаш-аух, к нему явились туда его ученик, познавший [тарикат], Амир-хан ал-Чиркави, его друг шейх ас-Сафи ал-

Чиркави и др. Они объявили от имени жителей Чиркея покорность и повиновение и просили дать им некоторый срок для того, чтобы выручить свои стада баранты из рук врагов на равнине. Шамиль был доволен и разрешил им это. Конец.

Шамиль разбил Чечню на четыре округа. Над округом Гехи он назначил наибом Ахбирдиль Мухаммеда, над округом Мешки — известного Шуайба, над округом Чали-Кирмчик — Джавад-хана, над округом Ауха и окрестностями — хаджи прямоидущего мухаджира Ташав ал-Индири.

Затем Шамиль вернулся с теми, кто были с ним, и вступил в селение Видан. Здесь никто из жителей к нему не пришел. Затем в селении Харачи сделали остановку на 3 дня. Было убито из жителей около 10 человек, так как они не выполняли распоряжений того, кто был поставлен наибом над ними. Несмотря на то, что наибом был Джавад-хан, человек из их среды, они не подчинялись его управлению. Конец.

В Харачи к Шамилю пришли тиндальцы и багулярьцы, но он, укоряя, выговаривая и порицая их, заявил: „Вы не пришли, когда я призывал вас для дела, касающегося вас же. А сейчас у меня нет нужды в вас. Поворачивайте обратно, не достойные благодарности. Поистине, вы подобны тому, у кого попросил голодный кусок хлеба, а тот его прогнал. А когда голодный насытился наилучшей пищей, то он принес ему кусок хлеба, выпачканный в золе“. Конец.

На обратном пути к нему пришли жители Видана и встали перед ним толпой. Шамиль их прогнал, сказав: „Подлинно, это признак вашего лицемерия. Уходите и нет на вас греха“.

Во время этого славного похода шубутовцы попросили разрешения вернуться по домам для посевов. Он им разрешил. Тогда они собрали тех, кто оставался с Шамилем, и завещали им хорошо относиться к Шамилю. Они сказали: „Истинно, он наш гость. Мы пере-

даем его вам. Мы вручаем его вам как залог — невредимым. Так храните же и стерегите его и верните его нам так же, как мы передали его вам. Если же вы ему измените, то мы вас накажем и отомстим за него". Они вели себя так, как будто бы они были руководители Чечни.

Глава о том, что произошло между Шамилем и тем, кому он приказал выколоть глаза

По возвращении в Шубут Шамиль направился в Хири в надежде завладеть там дорогой русских и перерезать ее. Ему также сообщили, что в этой стороне находится древняя мечеть, а в ней — Коран, благодаря которому никто не может войти в эту мечеть. Он выступил с товарищами. Когда он вошел в Чуамикли, он увещевал его жителей и ласково сказал им: „Мы не возьмем от вас никакого имущества и никого не убьем. Если вы думаете присоединиться к тому, к чему уже присоединился весь народ, — и добро вам. Если же нет, то хоть помогите нам уничтожить и прогнать этих русских, которые угнетают народ, порабощают свободных и обесчещивают женщин". Они согласились. Как раз в то время произошла стычка между жителями одного селения и проходившими по селению войсками. Шамиль вернулся в это селение, успокоил их и примирил. А в этом селении имелся некий злой, сильный и грубый человек по имени Губаш. Он останавливал на дорогах людей, убивал или задерживал их и отбирал у них имущество. Жители требовали, чтобы его убили. Но Шамиль не хотел изменять ранее данному им слову [о том, что никого из них не убьет] и приказал выколоть глаза этому Губашу. Выкололи и бросили его связанного в один из домов. Он был настолько силен, что 7 человек не могли одолеть его и повалить для того, чтобы совершить это наказание, кроме как хитростью, дернув его за ногу. Шамиль с товарищами остановился в доме поблизости от того дома, где был

брошен Губаш. Когда покончили с этим делом, наступило уже утро. Совершили утреннюю молитву, Шамиль приказал страже быть бдительной и осторожной. Одного он поставил у двери того дома. Все улеглись спать. Шамиль спал на возвышении. И вот, когда он находился между дремотой и сном, он услышал какие-то звуки, похожие на лай собаки, когда ее дразнят. Он крикнул расположившимся в глубине жилища товарищам, чтобы они вышли. В это время из двери на них поднялся человек с обнаженным кинжалом в руке. Шамиль бросился на него. Те же, кто был в помещении, разбежались. С Шамилем там не было приближенных товарищей. Шамиль схватил руку с кинжалом и между ними завязалась борьба. У Шамиля не было никакого оружия, а время — перед рассветом. Тогда он закричал товарищам: „Этот враг убьет меня. У меня нет в руках оружия". А напавший прилагал все старания ударить кинжалом, пытаясь сразить Шамиля. Шамиль получил около 12 ран на теле и около 7 порезов на животе под пупком. Кости его груди были поломаны, когда он надавил [грудью] голову врага. К ним бросился хозяин Шамиля Ша'бан аш-Шубути, но был сражен и умер. Тогда Шамиль закричал, зовя по имени своего товарища храбреца Мааша аз-Зунси. Он бросился к ним, но тот сразил и этого. Мааш упал с глубокой внутренней раной. Наконец, Шамиль после длительной борьбы и упорного сопротивления повалил врага. Этот человек вцепился зубами в руку Шамиля, а Шамиль — в его голову, так что его зубы глубоко впились [в кожу головы]. Кроме того, он придавил своей ногой руку с кинжалом. В это время вошел Зирар аш-Шахади. Шамиль приказал ему вырвать из придавленной им руки кинжал. Попытавшись, тот сказал: „Я не могу никак вырвать". — „Отруби ему пальцы, — приказал Шамиль, — и вырвешь". Кинжал отняли, а сам злодей был убит [смертельно ранен] и брошен в завию близ дома. Умирая, тот что-то бормотал. Говорят, что он спросил:

„Ну, каковым ты меня нашел?" Шамиль ответил: „Спросите его, а каковым он меня нашел, несмотря на то, что я был безоружен?" Затем Шамиль спросил своих товарищей: „Кто был этот напавший?" Ему ответили, что это тот, которому выкололи глаза. „Посмотрите, — сказал Шамиль, — действительно ли это он". Оказалось, что это был он самый. Тогда Шамиль сказал: „Если бы я знал во время схватки, что это он, то было бы легче его убить". Затем жители той округи, думая что Шамиль убит этим мужланом, имели намерение напасть на товарищей Шамиля. Тогда Шамиль, несмотря на свои раны, набрался сил и вышел им навстречу. Они оставили свое намерение и вернулись в Шубут.

Глава о нападении на Ишкаталы и другие селения

Из-за полученных ран Шамиль лежал около 20 дней. Но ревностные мюриды, большинство их — чиркеевцы, побуждали его к установлению шариата и газавату против людей вражды. Они говорили: „Если ты не можешь сидеть верхом, то мы понесем тебя в носилках на плечах".

Тогда Шамиль встал, хотя раны его еще не зажили. Он оставил своих домочадцев и семью у благородного хозяина в селении Дашмирза, откуда впоследствии перевез их известный храбрец Шуайб в Анди-юрт, а оттуда в Старое Дарго. Конец.

Когда они достигли селения Цубут, то нашли жителей его приготовившимися для оказания сопротивления и борьбы вкупе с греховодной знатью, пришедшей к ним из Индири и других селений. Шамиль с отрядом двинулся против них с одной стороны, его ученик Амир-хан ал-Чиркави с отрядом — с другой, а Хамад-хан ал-Анди с отрядом — с третьей. Пришедшие со стороны обратились в бегство и разбежались, а жители селения изъявили покорность.

Затем Шамиль остановился на чиркеевской горе. Жители Чиркея долго спорили и препирались между собою. Наконец, один мюрид сказал чиркеевскому кадию: „О, ты, кадий, не следует тебе обманывать аллаха всевышнего, а нам не следует обманывать тебя. Кто хочет подчиниться Шамилю — пусть уезжает отсюда. Кто хочет иного — пусть также уезжает отсюда“. И все направились к Шамилю и изъявили ему покорность. Тогда Шамиль с ними и с другими направился в селение Ишкаталы. Там находились шамхал Абу Муслим-хан и Ахмед-хан со всеми теми, кто был с ними из жителей равнины и русских. Они укрепились в доме одного из их знати — Али-султана. Завязалась битва. Чиркеевская молодежь бросилась со стен на укрепившихся, как птицы на хлебное поле. Поубивали множество из них, а остальные обратились в бегство.

Затем Шамиль отправился в Эрпели, где разрушил и сжег дом Уллубия, и поделом ему это. Этот Уллубий дважды посылал людей с целью отравить Шамиля. Первый раз это было в селении Гимры во времена Хамзата. Он послал глупого человека из Харачи для того, чтобы отравить Хамзата и Шамиля. Посланного поймали гимринские сторожевые. Барти-хан приказал обыскать его одежду. В одежде нашли яд, а посланный утверждал, что это лекарство. Когда же по совету одного еврея, принявшего ислам, попытались дать ему его съесть, то он признался и сообщил откуда этот яд. Второй раз Уллубий послал сына дяди Шамиля — Ибрахима, (сына Барти-хана) и двух близких Шамилю и Ибрахиму товарищей. В то время Уллубий после ухода Шамиля из Ахульго был назначен русскими начальником в Гимрах, а Шамиль находился в чеченском вилайете Видане. Уллубий пообещал посланным от имени русских награды, подарки и полную мерку серебра и сказал: „Русские построят крепость в Анди, крепость в Ботлихе, крепость в округе Хид и будут набирать солдат со всего Дагестана для похода против пади-

шаха ислама, а вас русские освободят от этого похода и вернут вам ваши земли". А до этого говорили, что земли Барти-хана и Шамиля назначены для пашалыка. Они изъявили ему в этом согласие и покорность. Уллубий радовался и веселился. Он приказал только не прикасаться к яду голым телом, когда оно потное. Когда они пришли в Видан, то с Шамилем там не встретились, потому что еще до этого он ушел в Шубут. С этим они и вернулись.

Как же был глуп и наивен этот кадий [Уллубий], думая, что его лживые речи обманут сына дяди Шамиля и его близких, и они отравят Шамиля. Хвала всевышнему аллаху, который любит свой народ, — (все в руке его могущества).

Затем Шамиль отправился в селение Каранай. Жители Чиркея оттуда вернулись к себе для жатвы. В связи с этим уходом жители Андаля вынудили вернуться оттуда и Шамиля. Он тогда отправился с товарищами в Тадбутри и подчинил себе его жителей, затем через селение Ансалда вернулся, а достигнув равнины Тыгыт, уничтожил в Хальалухе посевы Ахмед-хана и других, а Ахмед-хан смотрел на них сверху и не имел возможности воспрепятствовать этому. Затем, когда Шамиль вошел в селение Ихали, к нему явился Тидуриль Мухаммед ал-Мушули, товарищ Ахмед-хана. Он заявил, что убежал от Ахмед-хана, украв у него хорошую лошадь и ружье, которые он дарит Шамилю. Далее он заявил, что хочет подружить с Шамилем, на что Шамиль ему ответил: „Может быть ты пришел по совету Ахмед-хана для того, чтобы изменить нам в нашем правом деле. Какие бы ни были у него эти лошадь и ружье — пусть останутся у тебя, а мы же не сделаем тебя другом до тех пор, пока не удостоверимся в твоей искренности. Если ты потрудишься над причинением вреда нашим врагам и будешь бить из них тех, кого настигнешь, так, чтобы отпало от тебя наше сомне-

ние и подозрение, то мы сделаем тебя самым приближенным моим помощником и ближайшим товарищем". Конец.

Но он не пошел путем, которым бы можно было удовлетвориться, до тех пор, пока не пришел перебежавший к Шамилю Хаджи Мурад. Он сообщил, что этот приход Тидуриль Мухаммеда был сделан так, как подозревал Шамиль. Хаджи Мурад убил его из-за какого-то бывшего между ними дела. Конец.

Затем Шамиль, отправившись дальше, остановился в Гельбоке и Янги-юрте. Он подчинил себе их жителей и послал от них молодежь заложниками в Чиркей. Оставив там пехоту, он с всадниками направился к овечьим кутанам жителей равнины. Он сжег все, что там было, но баранту не захватил. В это время русские двинулись на оставленную пехоту. В их руки попали эти заложники и тот, кто сопровождал их. Пехота вышла из селений навстречу русским — они встретились на открытом месте, затем разошлись [без боя]. Русские вошли в эти два селения. Вернувшийся Шамиль с всадниками соединился с пехотой и отправился дальше. Они стояли 2 или 3 дня на горе Фирауз. Затем вновь повернули против жителей Янги-юрта, но жители разбежались из селения. Они забрали все, что там нашли, перевели жителей Гельбока в укрепленное место, а оба селения сожгли. Затем Шамиль вернулся и послал людей из Караная и Чиркея против жителей Гимр. Те склонили и подчинили их. Вскоре Шамиль с теми, кто был с ними, вышел и, пройдя с остановками Мухит, Тассы и Ашильты, достиг Ахульго. Здесь он похоронил, как было описано выше, свою жену Джавхарат. Отсюда отправился в Гимры. Когда ансальцы узнали об отсутствии Шамиля и его товарищей среди тех, кто находился в Мухите, то они выступили против них. Завязалась битва, несколько человек поранили, захватили часть их лошадей и ушли.

Дополнение. Все зло и мерзости, которые совершали жители Ансаля, делались под руководством и по указанию кадия Шаабана. И хвала аллаху мудрому, устроителю и судье, что он [кадий] не убит мечом имама Шамиля, хвала аллаху всевышнему и могущественному.

Затем русские выступили против Гимр как раз в то время, когда там находился Шамиль. Пока Шамиль находился в мечети, ряд юношей из тех, кто был с ним, вышел из мечети, горя непреодолимым желанием встретиться с врагами. Там пал смертью праведника наш прекрасный брат Тахир ал-Унцукулуви, да помилует его аллах всевышний. Рассказывают, что он остался, прогоняя оттуда врагов, среди них. Когда его нашли, то с него не была снята одежда, только сняли одну сандалию и то она была оставлена рядом с ним, а в кармане его одежды было кое-что из серебра. Рассказывают также, что когда явилась его мать, то она не плакала и не печалилась, а даже проявляла радость. Она сказала, обращаясь к нему; „О сын мой, поистине я довольна тем, что аллах всевышний даровал тебе то, что ты так долго просил у него. Ты этого просил и он тебе даровал". Да будет доволен аллах всевышний ими обоими и нами. Конец.

Мюриды уклонились от битвы, разбежались и перестали охранять имама. К нему пришел [в мечеть] один товарищ и сказал: „Люди вышли и разбежались, и не осталось никого, кроме тех, кто находится здесь". Пришел Муса аль-Балагини и принудил Шамиля уйти. Он вывел его тайком из мечети в то время, когда русские были уже близко от нее.

Они увидели свои войска, которые уже удалились, убегая. Шамиль тогда приказал своим товарищам бежать, чтобы их не опередили враги, в ущелье долины. Когда же они вышли из долины, то пошли спокойно. Затем он остановился на маленьком мо-

стике и в назидание за отступление побросал ружья большинства людей в реку.

Глава о нападении на Саид-юрт

Пока Шамиль находился на этом мосту, к нему пришел сообщивший о том, что русские вошли в Саид-юрт. Тогда он ушел оттуда. Когда он вошел в Кильдиркин, с ним встретился мухаджир Хаджи Мурад. Затем Шамиль и его товарищи встретились с русскими в Саид-юрте. Завязалась битва. Они перебили множество русских, а остальных обратили в бегство. После этого ходили и кружили, подчиняя себе народ, исправляя его и нападая на тех, кто препирался с ними об истинности ислама, так до середины зимы 1256 [1840/41] г.

Затем Шамиль вернулся в Старое Дарго к своей семье и домочадцам. Они поселились там, а оставил он их в конце зимы прошедшего 1255 г. в Шубуте.

Дополнение. Во время этой поездки отряд Ахбирдиль Мухаммеда захватил много пленных, среди которых была Шуаванат, дочь моздокского христианина. Ее захватили в то время, когда она ехала в своей разукрашенной дорогой коляске. Из ее слов узнали, что они переезжали в Ставрополь, опасаясь нападения войск Шамиля. Говорят, что она тогда направлялась под венец с графом, который был начальником русских во время взятия ими Ахульго. Хвала аллаху великому. Как он воздал должное наказание проклятому за его поступок до наступления дня воздаяний. Шуаванат приняла ислам и стала хорошей мусульманкой, и тогда женился на ней имам Шамиль. И хвала аллаху великому.[1]

---

[1] В рукописи *А* это сообщение изложено следующим образом: „Шуаванат приняла ислам и стала хорошей мусульманкой. Тогда имам Шамиль женился на ней. И хвала аллаху всевышнему, как он вознаградил Шамиля еще до дня воздаяния, дав ему хорошую девушку взамен Джавхарат, павшей смертью праведных".

Глава о взятии Гельбока в третий раз и нападении на Насирин

Жители Гельбока после ухода Шамиля вернулись в свое селение, преградили к нему путь и укрепили его. Они сделали завалы на окраинах селения, а по сторонам построили башни. Шамиль собрал против них войско и выступил в конце зимы этого года. Когда его войско достигло их, то напало на них и проникло в селение без промедления и задержки. Там пали смертью праведников несколько человек и было убито множество из жителей Гельбока. Остальные были склонены на сторону Шамиля и подчинились ему.

Затем, вернувшись оттуда, Шамиль двинул войска в Насирин. Когда спустились к ним на равнину, то сожгли некоторые их селения за то, что они обманули имама. Они заключили с ним соглашение, затем затянули дело до тех пор, пока не укрыли свои семьи и пожитки в крепости, а после напали на один из флангов войск Шамиля. Войска побежали. Тогда Шамиль поднялся на бугор и начал призывать бегущих к битве, выкрикивая по именам воина за воином и общество за обществом. Войска вернулись к нему и сражались до тех пор, пока не прогнали насиринцев в крепость.

Глава о приходе русских в Чиркей и постройке там крепости

В начале этого 1256 [1840/41] г. имам узнал, что русские идут в Чиркей и что они остановились на одной горе. Имам призвал наибов с войсками. Пришли русские и повели наступление на Чиркей со стороны Урха. Но русские с этой стороны не могли одолеть чиркеевцев. Тогда один отряд из них вышел для того, чтобы напасть на Чиркей со стороны мельницы Хусейна.

А у имама было намерение сделать завалы как раз в этом месте и завязать там с русскими битву. Но наибы с войсками задержались, и у него не оказалось достаточно войск для сражения в этом месте. Русские вошли в Чиркей и убежал тот, кто смог убежать из мюридов. Имам же гневался и сердился на наибов.

Часть русских начала строить в Чиркее крепость, остальные направлялись против Ауха. И вот, когда имам с возвышенного места смотрел на них в подзорную трубу, он увидел войска Андаля, которые бежали, отступая. Он спросил: „Куда они?“ Ему ответили, что их повернули обратно их наиб Гальбац ал-Карати и Байсулав ал-Анди. Шамиль сильно на них разгневался и даже думал их впоследствии казнить.

Русские в Аух не вошли. Имам вернулся домой. Шамиль сместил наибов, даже Шуайба. Байсулав начал хлопотать по этому поводу и тайно говорил единомышленникам: „Мы потребуем от Шамиля вновь назначения Гальбаца наибом над нами. А если же он нам в этом откажет, то мы самовольно назначим его, сломав палку повиновения“.

С этой целью он отправился к Шамилю. Рамадан ал-Анди и другие, такие же как он, сообщили Шамилю о намерениях и разговорах Байсулава. Когда Байсулав пришел, то был убит. Затем Шамиль отправился в селение Андаль. Жители Андаля намеревались укрепиться и оказать сопротивление, но по дороге Шамиля встретил сын Рамадана и некоторые мюриды. Они провели его в Андаль. Он назначил над ними наибом Газиява ал-Анди. Затем послал хаджи Яхью ал-Чиркави взять казну, которую собрал и завладел ею Гальбац, но тот скрылся от Яхьи, и Яхья не смог встретиться с ним. В доме Гальбаца ничего особенного не нашлось, так как он скрыл свое имущество у знакомых людей в различных селениях.

Рассказывают, что он до этого думал восстать против Шамиля и посылал по этому поводу письма в Канадах и Хид. Но хвала аллаху, преславному и достохвальному.

Пока Шамиль находился в Андале, пришел лазутчик, сообщивший, что русские вошли в Аух. Имам с сотней товарищей птицей полетел туда и к ночи достиг Ауха и расположился в нем.

Когда русские узнали, что имам достиг Ауха, они сильно перепугались и намеревались бежать оттуда ночью, но Джемаль ал-Чиркави задержал их до утра. Утром они убежали. И хвала аллаху, владетелю миров.

Глава о вторичном взятии Ансаля, Гимр и Балагина

В конце осени этого 1256 [X—XI 1840] г. имам был болен. Он послал кадия Абу Бекра ал-Иргани с войсками в Ансаль. Войска вошли туда ночью. Мюриды забрались на крышу мечети и громко начали кричать: „Нет бога, кроме аллаха". Кто смог убежать — убежал, а оставшиеся были покорены и подчинились.

Над ними был назначен наибом и кадием один ученый, а помощником к нему был поставлен Раджабиль Мухаммед ал-Чиркави с товарищами. От них взяли несколько мужчин заложниками, среди них был хаджи Кибид. Жители Гимр и Балагина были также подчинены. Затем этот наиб и его помощник начали грубо и сурово обращаться с жителями, утверждая, что они якобы хотят обнаружить имущество тех, кто убежал. Это стало тяжело жителям, их стремление к шариату пропало, а сердца отвратились от него. Их помыслы по сравнению с прежними ухудшились и появились расхождения, взаимные споры и враждебность.

В конце зимы этого года имам вернул хаджи Кибида к себе домой, подарив ему верховую лошадь.

Найдя своих односельчан в таком состоянии, Кибид это не одобрил и попытался устранить существующее положение дел. И вот в одну из ночей того времени, когда имам был на усмирении жителей Гази-Гумука, был убит дядя по матери Кибида — Хаджияв, который во всем повиновался наибу и его помощнику. Он приходил и сообщал им новости, и они ему доверяли. Кибид приказал через своих глашатаев тем, кто имел у себя постояльцев, задержать их. А товарищи наиба и его помощники были расположены на постой у жителей селения. Затем грубо прикрикнули на наиба-кадия, и тот босиком убежал из мечети, а его товарищей всех пересажали.

Раджабиль Мухаммед еще днем уехал в Гимры. Он вернулся в ту же ночь к хозяину, Султану Абу хаджи Мухаммеду ал-Унцукулуви, у которого он остановился на постой, и тайком убежал с разрешения и по приказу своего хозяина. Раджабиль Мухаммед никому не сообщил об этом [бегстве с разрешения хозяина], боясь, что ансальцы будут причинять вред его хозяину. Имам обменял впоследствии своих товарищей на заложников, взятых из Ансаля. Затем ансальцы позвали к себе русских, сделались их близкими, и русские построили в Ансале крепость.

Глава о взятии Гуваля войсками Джавад-хана

В эту осень пришел Кибид Мухаммед ат-Тилики к имаму в Дарго, прося у него войск для покорения своего края и соседей. Имам снарядил с ним Джавад-хана с его войском. Они пошли. По пути к ним присоединились Нур Мухаммед ал-Инхови со всеми теми, над кем он был поставлен, и жители Андаля. Достигнув округа Куада, они начали сражаться.

Жителей убивали и забирали в плен. Они [войска Джавад-хана] проникли в ряд их селений. Оставшиеся

жители собрались в одном из селений и укрепились в нем. Но пришел благоразумный посредник Омар ал-Мухаммед ал-Карахи, да помилует его аллах всевышний, с товарищами, помирил их и заставил сдаться на суд Джавад-хана. Когда к Джавад-хану пришел умный и благочестивый слепец Ханав ал-Куади, то Джавад спросил его: „Почему ты не пришел до того, как произошла эта межусобица?“ Ханав ему ответил: „Для этой долины были неизбежными эти убийства и наказания“. Джавад-хан освободил на основе этих слов тех, кто был посажен для казни. Юноши из них были отосланы заложниками.

Затем дервиш Нур Мухаммед с товарищами отправился в Карах. Он выбрал из жителей Караха юношей в заложники и отослал их в Караты. И хвала аллаху, владетелю миров.

Глава о первом взятии Гази-Гумука

В конце зимы 1258 [1842/43] г. имам услышал, что русские наступают со стороны селения Чох. Он полетел с намерением задержать их. Он собрал войско, которое перешло реку Хоцатль через имеющийся брод с западной стороны. А русские в это время обстреливали их из пушек со стороны Хунзаха. Но они шли и перешли. Когда узнали эти проклятые о выходе имама и его приближении, то повернули вспять, а имам остановился с войсками в селении Чох. Он взял у жителей Чоха заложников и множество ружей, обязав их бороться с врагами и выполнять предписания шариата. Затем остановился в селении Сугратль и подчинил таким же порядком местных жителей, а Кадий, сын кадия, убежал в Гази-Гумук. Имам повернул обратно и остановился в Тилике. Здесь к нему пришел некий человек рисавурец и сказал, что его послал устаз справедливый Джемаль ад-Дин и, вытащив финики, сказал, что их дарит Джемаль ад-Дин людям

имама взамен письма. Посланец сказал: „Истинно, он говорит, что если у тебя есть намерение в отношении [взятия] Гази-Гумука, то это время — наиболее для тебя подходящий случай для того, чтобы туда проникнуть“.

Имам повернул обратно со своим победоносным войском. Товарищи советовали имаму брать заложников от тех, кто жил на тех дорогах, [по которым они проходили], дабы они не изменили на обратном пути по возвращении. Но имам пресек их речи, сказав: „Истинно, мы идем в Гази-Гумук для того, чтобы пасть там смертью праведников и быть похороненными на находящихся там местах погребения османилитов, а не для того, чтобы вернуться обратно“. Имам остановился в селении Бухти, часть войск уже ушла из селения, часть проходила; другие догоняли.

К имаму, в дом его хозяина, пришел устаз Джемаль ад-Дин и просил его не вводить войска в Гази-Гумук. Имам ему ответил: „Мы повернули сюда по твоему указанию, согласно словам твоего посланца“. — „Я его не посылал и ничего о нем не знаю“, — сказал устаз. Имам вышел, и войска двинулись лавиной на город Гази-Гумук и после сражения вошли в него. Большинство пришедших из далеких сторон для помощи жителям Гази-Гумука разбежалось, остались только главы и знать Гази-Гумука осажденными в крепости этого города.

Войска имама рассеялись по городу. Они грабили имущество, разрушали жилища и осаждали совершеннейшим образом вплоть до утра находящихся в крепости.

Когда наступило утро, находившиеся в крепости сдались на суд имама. Там находились два начальника русских, Яхья, сын Будая Кривого, ал-Джанкоти с его товарищами, Кадий, сын кадия ас-Сугратли, и много других из глав и знати. Имам послал двух русских начальников в Дарго. Казнил около 13 человек муж-

чин, среди которых были Яхья и его товарищи. Некоторых он освободил, среди них: Харун, сын Тахира, вали вилайета Карах, Кадий — сын кадия, который раньше стремился причинять зло имаму по мере своих сил. Имам когда-то о нем говорил: „Попадет его шея под наш топор“. А сейчас он ему сказал: „Ей, Кадий, «скажет человек тогда — где мое убежище»“[1] и назначил его наибом над Сугратлем и прилежащими окрестностями. Некоторых послал заложниками, среди них Омар, брат Тахира, и два сына Тахира — Махмуджан и Джабраил. Сына Тахира Яхью назначил наибом над вилайетом Гази-Гумука. Имам прожил там неделю. Затем он услышал, что русские проникли в Хоцатль. Тогда он послал Кибида Мухаммеда ат-Тилики туда в тот же вечер, а сам вышел туда же на следующий день. Когда они пришли в Хоцатль, то застали там русских. Русские были биты и прогнаны туда, откуда пришли. Затем имам поднялся с теми, кто остался с ним, к Хунзаху: он — с одной стороны, а Хаджи Мурад — с другой. Однако ничего значительного там не произошло.

Глава о вторичном сражении в Гази-Гумуке

Когда имам уходил из Гази-Гумука, он приказал наибу Абд ар-Рахману ал-Карахи оказать помощь хаджи Яхье в установлении дел и управлении [Гази-Гумуком]. Он велел ему, кроме того, поставить своих муртазеков временно у хаджи Яхьи, присоединив к ним также и всадников Абд ар-Рахмана.

Однако, не было правильного порядка в тех вилайетах для отражения врага и борьбы с ним.

И вот пришли русские и расположились в Кибуде и его окрестностях. Наиб хаджи Яхья, те кто был с ним и люди Абд ар-Рахмана убежали. Имам был

---

[1] Коран, 75_{10}.

запрошен о помощи. Говорят, что это [т. е. приход русских] было коварство и обман со стороны врагов, предпринятый для того, чтобы имам отправился туда, а тем временем русские проникли бы к семье имама в Дарго. Конец.

Имам собрал войско, выступил в поход, дошел до реки Хамчукута, перешел ее и вышел по направлению из Гур-Гергебиля. А в это время русские из своего лагеря обстреливали их из пушек. Имам послал к находившемуся с русскими Даниялъ-султану сказать: „Подлинно, тот, кто взялся за что-либо, должен держаться за это крепко обеими руками. Ты оставайся там с ними. А мы, если аллах всевышний захочет, примерно через три дня водрузим наше знамя на краю крыши твоего дома в Элису".

Это была хитрость и обман со стороны имама с целью добиться ухода этих проклятых из этого места [из Кибуда]. Имам остановился в Гуль-хусраге, а русские пришли вслед за ним и остановились в стороне. Произошло сражение, в котором молодежь Сугратля понесла некоторые потери. В ту же ночь пришла к имаму весть о том, что русские ушли из Кибуда со своими пушками и палатками и не осталось там из них никого, кроме небольшого количества солдат в верхней крепости. Имам тогда дал разрешение выйти ночью и расположиться в Гази-Гумуке, укрепить его и совместно с жителями драться там с врагами. Когда войска пришли в движение, [собираясь] уходить, поднялся какой-то глашатай из жителей этого селения и закричал, что войска обратились в бегство. Его убил праводействующий Ахбирдиль Мухаммед. Выступившие уже войска тогда вернулись обратно. Большинство же ополченцев подумало, что это отступление.

Имам заботился и прилагал все старания к тому, чтобы разрушить Шавгарский мост сразу же после перехода через него его войск. Для этого он назначил

и послал людей. Но это сделать не удалось. Остановились в Гази-Гумуке. Затем услышали грохот пушек, идущих вслед за ними русских. Тогда войско убежало и рассеялось, подобно диким ослам. Там остались только те, кто спал. Среди тех, кто там остался, были: хаджи ученый Абд ар-Рахман ас-Сугратли, ученый Шахмандар ал-Чиркави, ученый Шухалав ал-Мафари. Они были взяты в плен, отосланы в Тифлис, где и находились в заключении некоторое время.

Вставка. Затем хаджи ученый Абд ар-Рахман ас-Сугратли послал имаму Шамилю письмо со стихами, из которых вот один стих:

О, если б мне знать — задержка Шамилем выкупа
То ли это желание отвернуться от нас, то ли мешают ему враги.

Когда друзья Абд ар-Рахмана пришли с этим письмом к имаму, то он им сказал: „Подлинно некоторые люди говорят мне: «русские отдадут тебе твоего сына в обмен на этих двух начальников», а другие говорят: «тебе за них дадут много денег», но я люблю ученых за ум. Я не хочу взамен этих двух ни сына, ни денег. Однако же в отношении русских нам будет полезнее выказать сперва наше безразличие к нашим пленным [ученым]". Затем он послал известие об обмене.

Русские ответили, что они отдадут за этих двоих в обмен только одного кого-нибудь. Шамиль им ответил: „Нет для меня вещи наиболее желанной и любимой, чем убийство того, кто не верует. Пусть русские поступают с заключенными, как они хотят. Пусть варят их в котле". Враги склонились и согласились на обмен на тех условиях, которые предлагал Шамиль. И хвала тому, кто подчиняет своей власти кого хочет и в чем хочет. Конец.

Затем были обменены два русских начальника, взятые в плен в первом сражении. Конец.

Имам, Ахбирдиль Мухаммед и товарищи их обоих со всеми припасами и снаряжением, пешие и конные, проходили через селение Ручи. С ними же находился Башир, сын Тахира.

Из селения открыли по ним ружейный огонь. Вдруг Башир заторопился вперед. Тогда имам приказал одному из своих товарищей, так чтобы слышал и Башир: „Скажи ему [Баширу] пусть идет спокойно, пусть присоединится к нашим товарищам и пехоте, иначе же я пущу ему пулю в середину спины". Башир этому подчинился. Немного спустя имам сказал ему: „Крикни тем стреляющим в нас воителям". Он закричал им на их языке. Они успокоились и прекратили стрельбу. Там остался отрезанный Ахбирдиль Мухаммед с его лошадью и солдатами.

Имам остановился в Ручи на горе и заявил жителям: „Мы воюем против врагов. Я не накажу вас и не уйду от вас, если бы даже остался один, при том условии, что вы прогоните врагов и окажете нам помощь в одолении их".

Затем к имаму пришел некто, сообщивший о битве в Кучулике и о том, что русские почти приблизились к Дарго. Тогда они повернули обратно и быстро достигли Дарго, но семьи их были уже в Анди.

Глава о набеге на Кучулик

Когда имам вышел для оказания этой помощи [наибу Гази-Гумука] и направил туда войска, то проклятый граф, начальник неверных, с многочисленным войском и обильным снаряжением отправился к семье имама в Дарго. Он шел со стороны Кучулика между двумя вилайетами храбреца Шуайба и Уллубия, наиба Ауха.

В это время известный храбрец шейх Мирза ад-Дилими направился к наибу Уллубию и нашел его

со склоненными рогами и опечаленного. Его привели в замешательство дела своей семьи и ее охрана. Затем шейх Мирза направился к Шуайбу. Его он нашел подобным льву, приготовившемуся к прыжку. Он уже устроил завалы поперек дороги, по которой направлялись русские, и решил преградить ее. Шейх Мирза спросил его: „Ну, как ты себя чувствуешь?“ — „Я имею твердое намерение оказать сопротивление и не поворачивать вспять перед врагом“, — ответил Шуайб. „А как твои войска?“ — спросил Мирза. „Так как им надлежит быть, — ответил Шуайб. — Русские пройдут здесь через нас только тогда, когда убьют меня, выпустят по капле мою кровь и растопчут мой труп ногами“.

Затем шейх Мирза вернулся к Уллубию, ободрил его и помог собраться с силами. Шуайб, да помилует его аллах всевышний, тайно приказал семье и домочадцам имама переселиться в Анди и забрать с собой туда все пожитки и их имущество и не оставлять в Дарго ничего, даже ломаной ложки. Он приказал также сжечь дома семьи имама в Дарго, если туда приблизятся русские. А публично он во всеуслышание заявлял: „Пока я жив, русские не приблизятся к Дарго“. Затем, когда проклятый начальник двинулся со своими дьявольскими войсками, его удерживал бывший с русскими Хасиль Муса ал-Яхсави. Он говорил ему следующее: „Истинно, в лесах Чечни — львы-наездники. А в вилайетах имама — самые отчаянные храбрецы. Так не ходи же к ним для того, чтобы отдать им одежды солдат и побросать трупы для собак и волков“. Но он не обратил на это внимания и разговаривал с Хасиль Мусой с присущей ему гордостью и надменностью. Русские выступили с их тщеславием и кичливостью.

В течение первого дня они не встретили никого, кто бы предстал пред ними с оружием.

Тогда этот начальник, издеваясь над Хасиль Мусой, спросил его: „Где же те львы и герои?“ — „Подожди до завтра“, — ответил ему Хасиль Муса.

Когда они пошли на следующий день, на них нападали с флангов в лесу. Начальник опять обратился к Хасиль Мусе, издеваясь над ним: „Вот это и есть борьба твоих львов и сопротивление твоих героев?“ — „Подожди до завтра“, — отвечал Хасиль Муса.

На третий день, когда войска графа только что собрались выступить, против них развернули военные действия и спереди, и сзади, и справа и слева войска упомянутых наибов, андальцы и Сухайб, заместитель Джавад-хана. Сам Джавад-хан был ранен до этого в одной битве и [вскоре] умер от полученной раны, да помилует его аллах всевышний.

Джавад-хан, [будучи ранен], кусал свои пальцы от сожаления, что он не мог подняться для этой битвы. Конец.

С ними [с войсками русских] сражались, их убивали и забирали в плен. Когда те приблизились к Бальгиту и Гудару, русские обратились в беспорядочное бегство. Убивали множество и косили их так, что бывало отделят отряд отступающих, напав на них спереди и окружив их, избивают до тех пор, пока полностью не уничтожат. И так продолжалось и продолжалось.

Их даже осаждали в течение 3 дней в таком месте, где не было воды, и они сдирали с деревьев кору и высасывали из этой коры влагу. Их теснили до того, что граф проклятый сказал: „Как быть? Где выход?“ От них забрали обильную добычу и две пушки. Затем, по возвращении в Дарго, имам похвалил Шуайба и наградил его расшитым [золотом] драгоценным знаменем, которое ранее принадлежало Аслан-хану.

Дополнение. После этого сражения послал граф к Шуайбу сказать: „Не превозносись и не гордись тем, что ты убил одного или двух солдат, которые отправились в лес принести дров“. В ответ на это

Шуайб послал сказать: „Поистине, я не присутствовал при этом, однако я слышал, что наши дети, отправившись в лес нарвать «курасы»,[1] перебили солдат“.

Глава о нападении на Ихали

Этот проклятый граф с теми, кто у него остался, после этой битвы ушел в Шуру, а примерно через месяц выступил против селения Ихали. Туда же полетели войска имама. Поубивали их, прогнали и обратили в бегство.

Отступление кое о чем том, что произошло с посланцами имама, которых он послал к его присутствию султану Абд ал-Меджид-хану, побуждая и призывая его к газавату против этих неверных

Это было потому, что народ неоднократно советовал имаму попросить помощи у этого султана. Но имам не хотел помощи ни от кого, кроме владетеля всего сотворенного. Но когда к имаму пришло от хаджи Юсуфа, который пришел от его присутствия Ибрахим-паши, у которого он был „в черкесах“, письмо такого содержания: „Если ты хочешь изложить какое-либо дело султану Абд ал-Меджиду, так посылай ко мне“, то он склонился к этому.

Он позвал своего ученика Амир-хана ал-Чиркави и объявил ему о том, что он хочет послать его. Тот ответил послушанием и повиновением.

Когда вторично вступали в Гази-Гумук, имам позвал Амир-хана, шейха ал-Чиркави, Мусу ал-Балагини и приказал им, чтобы они ни на что не обращали внимания, ни к чему не склонялись и ничего не искали, кроме того, для чего они посланы.

---

[1] Глосса: „Растение, жгущее во рту“. Вероятно, дикий лук или чеснок.

Одновременно он приказал двум товарищам подчиняться Амир-хану так же, как они подчиняются имаму. К ним он присоединил еще хаджи Иджа. Они отправились к своему проводнику в Гехи. Этот проводник был черкесский мухаджир Султан-бек. Там они пробыли около 10 дней, до тех пор, пока не вернулся проводник из какой-то поездки.

В это время русским было доставлено сообщение о том, что 4 посланца имама направляются в их сторону. Они выставили на дороге дозоры. На эти дозоры натолкнулись 4 юноши-черкеса. Их убили. Когда же узнали, кто были эти юноши, то наблюдение прекратили, думая, что сообщение было ложным. Конец.

Указанный проводник вернулся. К нему присоединились другие 2 проводника. Они отправились, идя ночью и скрываясь днем, пока не прошли Губан. Затем пошли дальше и остановились в Абазаке у хаджи Исмаила. Здесь они нашли хаджи Юсуфа и передали ему письмо имама. В письме было сказано: „Посылаю к тебе этих доверенных людей для того, чтобы ты доставил их по месту назначения". Побыв там некоторое время, они отправились с ним.

Хаджи Юсуф стал разглашать при сборищах народа и местах их отдыха содержание письма имама. Амир-хан запретил ему распространять его тайну. Но хаджи Юсуф не обратил на это внимания и грубо сказал, что здесь не бывает измены и разглашения тайн неверным, как это [бывает] среди горцев. Они шли, пока не спустились на морское побережье между крепостью русских в Анафе и крепостью в Сухуми. А между этими двумя крепостями на морском побережье, свободном от лесов, было множество маленьких крепостей. Жители же Черкесии находились в лесах, враждуя и сражаясь [с русскими]. Конец.

Хаджи Юсуф вернулся, а посланцы оставались там три месяца, ожидая посадки не судно, которое

должно было притти из Османлу для торговли. Но какие-то суда окружили это судно. Говорили, что это были суда русских, которые окружили стеной его для того, чтобы не сели на него эти посланцы. Тогда они отправились вверх к другому судну. Когда же добрались до места его стоянки, то нашли это судно уже сожженным и разрушенным пушками русских по той же, что и выше, причине.

Когда они находились там, у Амир-хана остановился гостем молодой человек, сын одного из знатных людей Крыма. Он рассказал, что он был среди русских в качестве заложника 10 лет. Он читал русские книги и в одной из них он нашел сообщение о том, что в некой небольшой области организуется такой строй, который сломит могущество русских в такое-то время.

Амир-хан спросил его. „Когда же наступит это время?" — „Примерно через 7 месяцев", — ответил тот. Конец.

Когда они вернулись к имаму, примерно через 7 месяцев, то нашли его уже принявшимся за установление такого строя. Он назначал наибов над сотнями и десятками. И хвала аллаху, владетелю щедрот и милостей.

Затем посланцы пошли вверх к другому судну. Когда они остановились в селении поблизости от этого судна, вдруг ночью раздался шум. Народ вышел. Когда настало утро, им сообщили, что это судно было сожжено русскими дозорами. Затем им сообщили и о том, что осталось еще повыше этого некое судно, находящееся на „опасном пути".[1] Амир-хан пошел туда. Он остановился у верного гостеприимца, которого звали Хасан-бей. Он заявил ему, что хочет сесть на судно для поездки в хадж. Тот ответил ему согласием и обещал устроить эту по-

---

[1] Очевидно, пришедшее нелегально, привезшее контрабанду.

садку. Тогда Амир-хан послал к товарищам сказать, чтобы они явились.

В один из дней ушел этот хозяин в крепость русских по делу одного из заключенных. По возвращении он сказал: „Начальник русских спросил меня: «Не у тебя ли посланцы Шамиля? скажи им пусть живут там [т. е. у себя в Дагестане] спокойно»“. Затем он спросил: „А вы — не эти посланцы?“ Они признались ему.

Затем пришел моряк и заявил: „Я не могу везти вас. Если русские захватят меня с вами, то они живьем сожгут меня и заберут мое имущество. А если же они захватят меня без вас, то, по обычаю, существующему между ними и нами, заберут мое имущество и отпустят меня самого“.

Когда они не были в состоянии избавиться от русских соглядатаев, они стали совещаться — как им поступить.

Согласились на том, что шейх пойдет с посланиями, а Амир-хан и Муса вернутся, показав для народа, что они якобы рассорились между собой. Затем на собраниях народа они начали говорить меж собой: „Если не дают нам дороги, так вернемтесь же обратно“. Но шейх им возражал и, [притворно] препираясь с ними, заявил: „Я — вам не товарищ. Я хочу видеть Каабу и с вами не вернусь“. Так они продолжали спорить и препираться.

Шейх и хаджи Иджа остались там, а Амир-хан и Муса вернулись, тайно договорясь между собою о том, что раз это произошло по вине хаджи Юсуфа, то они возьмут его с собою в обратный путь и убьют по дороге.

Когда они пришли к хаджи Юсуфу, то уговорили и побудили его перейти [на службу] к имаму. Однако они его не убили вследствие нужды в нем в дороге. Они вернулись, [идя по пути] среди русских, пробираясь с боязнью и опасениями. Этот хаджи Юсуф

даже неоднократно говорил: „Разве после этих трудностей может быть какая-либо утеха“.

Что же касается шейха, то он оставался там до второй осени. Затем сел на корабль и добрался до султана. Он вручил ему письма и получил ответ: „Я тебе отвечу через 7 месяцев“. Затем он отправился в хадж и умер на обратном пути оттуда. Да помилует его аллах всевышний, и да примет его хадж.

Глава о начале отливки пушки, при помощи которой усилилась мощь имама и было взято много крепостей из рук неверных

Опытный кузнец Джабраил ал-Унцукулуви отправился в хадж из Чирката без разрешения имама. Когда он находился в Египте, по возращении из хаджа, он увидел во сне, что как будто бы ему было сказано: „Вернись в Дагестан и помоги Шамилю“. Он уехал из Египта, остановился в Стамбуле и оставался там, а про свой сон совсем забыл. Тогда он опять увидел во сне, что его укоряли и ему было сказано: „А разве тебе не было сказано «иди», так почему же ты не идешь? Иди!“ Он отправился и поселился у имама.

Затем он посоветовал им отлить пушку. А у них были осколки от разбитой большой пушки, которую они забрали при нападении на Кучулик. Народу эта мысль понравилась, и он захотел ее осуществления, однако имам отговаривался под тем предлогом, что „Мы не сможем ее использовать из-за недостатка пороху и снарядов“. Но все-таки принялись за отливку. Когда кончилась отливка и начали стрелять из нее для пробы ядрами, то она разорвалась и разрушилась.

Тогда имам поклялся: „Клянусь, мы отольем-таки ее, хотя бы пришлось мне продать свою лошадь и ружье, дабы не посмели сказать отступники: «Шамиль взялся сделать дело и не смог завершить его»“.

На этот раз отлили хорошую славную пушку. Легко ее передвижение и велико от нее поражение. Определил аллах всевышний к этой пушке солдат и заставил их служить имаму. Они приводили эту пушку в действие и выполняли иные дела, кроме этого. Имам собрал для пушки порох и велел собрать ядра на местах сражений у Ашильты, Ахульго и др.

Глава о нападении на Тадбутри

Когда уклонились в сторону и возгордились жители Гази-Гумука и Ансаля и вышли из-под покровительства имама, то жители Тадбутри захотели поступить так же и насаждать на земле порок и безвластие. Они прислали сказать имаму, насмехаясь над шариатом, чтобы он пришел к ним и забрал от них обратно его шариат.

Имам послал к ним образумить их и уговорить добрым словом и наставлением и призвать их к повиновению и подчинению. Точно так же он посылал и второй раз и третий. Но это только увеличивало их гордость и неповиновение. Тогда он послал четвертый раз для того, чтобы заявить им: „Истинно, мы не оставим вас до тех пор, пока не усмирим и не приведем к повиновению. Так не принуждайте же нас к походу против вас и к трате нашего снаряжения, приготовленного для сражения с неверными, в сражениях против вас“.

Но они не обращали внимания и не прекращали своих поступков. Они издевались до того, что даже заявили: „Мы сложили его шариат в кувшин и крепко заткнули горло кувшина. Так пусть же Шамиль придет и заберет его“.

Тогда имам выступил с пушкой и снаряжением и собрал против них войско. Жители Тадбутри вышли для битвы на равнину. Два отряда их напали с двух сторон на войска имама темной ночью с целью

обратить их в бегство. Но аллах укрепил тех, кто верует, и сражение обратилось против напавших. Они были прогнаны в свои укрепления. „И они думали, что их защитят от аллаха их укрепления, но аллах настиг их оттуда, откуда они не ожидали, и поверг в страх их сердца“.[1] Укрепления их были разрушены, а их жилища преданы погибели. А наиб, совершенный Микаил ал-Хавкари, даже целиком истребил жителей одного селения. „И были они покорены там и превращены в униженных“,[2] покоренных и сговорчивых. Это сражение было в начале весны 1259 [1843] г.

Глава о взятии крепости Ансаль

Когда народ увидел благоприятствование времени и содействие всемилосердного в борьбе против людей непослушания и во взыскании с братьев шайтана,[3] то усилились их желания к джихаду — встрече с врагами — и стремление разжечь против врагов огонь битвы.

Народ просил имама о выступлении в поход и неотступно требовал этого похода. Имам же отговаривался многочисленностью врагов и малочисленностью своего снаряжения. Ведь у них было орудийных снарядов только около тысячи и пороху соразмерно снарядам. И вот как раз в это время пришло письмо от Хаджи Мурада. А он был наибом селения Чох и принадлежащих этому селению местностей. В письме сообщалось,что обильными дождевыми ливнями снесено большинство мостов и остался только один какой-то мост.

Тогда имам сказал: „Не осталось для нас из обстоятельств успеха и содействия ничего, кроме

[1] Коран, 59_2.
[2] Коран, 7_{116}.
[3] В рукописи *А*: „Против отошедших от правил ислама и мусульман“.

как принять руку [помощи аллаха]". И он приказал Амир-хану погадать на Коране. Амир-хан сказал: „Я видел во сне, что я как будто бы поднялся на Эльбрус — гору в Черкесии, говорят, что нет в мире горы выше этой. И вот, когда я думал, что я взобрался на самую вершину, передо мной появилась другая гора, выше того места, где я находился, и у меня нет сил взобраться на нее. Я думаю, что мы овладеем, кроме этой большой крепости в Аварии [другими крепостями]". Конец.

Они выступили. Имам послал гонцов для сбора ополчения по дороге [следования]. Они шли и днем и ночью, обгоняя даже вести [о их приближении]. Когда они остановились на равнине Ихали, к имаму пришел один из доверенных осведомителей хунзахцев. Он просил имама подняться прежде всего к ним. Имам ответил: „Невозможно начинать какое-либо дело со средины, надо начинать с краю".

Когда войска Багуляля и те, кто был с ними из мухаджиров Чиркея, достигли долины Ансаля, а аллах отвел глаза ансальских дозоров от этого войска, и узнали об этом приближении войск те, кто находился в селении, то выступили из ансальцев около сотни тех, кто славился среди народа храбростью и отважностью. Когда эта сотня встретилась [с войсками Багуляля], то они были биты сильным боем. Те из них, кто остался в живых, а их было около 20 человек, собрались там на одном хуторе. В это время передовые части войск имама уже вышли из Харачи. Они закричали находившимся на хуторе: „Выходите и сдавайтесь и не будет вам причинено вреда" и что это передовые части войск имама. Но те этому не поверили, они думали, что это пришла к ним помощь от русских. Они были биты так же, как и в первый раз, от их же рук не произошло никакого вреда. Ансаль остался с подрезанными крыльями. Имам остановился в долине. Войска расположились в дру-

гих долинах, поджидая пока не прибудут снаряжение, пушки и остальные войска.

Постоянно идущие дожди были настолько обильны, что стали наносить вред войску. И вот в одну из ночей имам, бодрствуя, находился в своей палатке. Его товарищ Амир-хан спал рядом с ним. Имам вышел из палатки. Не было видно никого, кроме спящих, включая даже и выставленные дозоры. Имам был озабочен и скорбел о положении войск, страдающих от обилия дождей. Он тогда вспомнил предание о городе Газне. Вот это предание.[1]

„Есть поблизости от города Газны источник. Если бросить в него что-либо из нечистот или грязи, то тотчас изменяется погода. Становится холодно, поднимается сильный ветер, дождь и снег. И так продолжается до тех пор, пока не извлекут из источника эти нечистоты. Рассказывали, что когда султан Махмуд, да покроет его аллах своим милосердием, хотел взять Газну, то при каждой его попытке жители Газны бросали в тот источник что-либо из нечистот. Поднималось целое смятение вследствие сильного ветра, холода и дождя. Махмуд возвращался со своими войсками как разбитый. И вот в одну из ночей он начал молиться и взывать к аллаху. Он сказал: «О, аллах, если мое намерение взять эту страну суть приобретение только здешнего мира, то отклони мои помыслы от этого и направь меня к добру, если же мое намерение взять эту страну суть воздаяние, награда и укрепление могущества ислама, то укажи мне путь к завоеванию этого города и дай покой сражающимся за веру на твоем пути». Затем сделал земной поклон и спал преклоненным, а лицо его было на земле. И вот [во сне] пришел к нему пришедший и беседовал с ним, ясной речью говоря: «О сын Себук-тегина, если ты хочешь избавиться от этого

---

1 Последующий рассказ имеется только в рукописи *А*. Он дан вставкой на отдельном листе.

бедствия, то пошли охранять этот источник от нечистот. И если ты его охранишь, то твое старание будет вознаграждено, твои грехи — прощены, а твое дело — одобрено». Он проснулся и послал охранять источник. Затем пошел на Газну и взял ее во мгновение ока".[1] Тогда имам склонился щекой на ладонь и поведал аллаху всевышнему свои тайные помыслы. Он сказал: „О господи, поистине, мы видим тех приносящими зло, творящими пороки, несправедливыми и угнетателями. Если это так, то даруй же нам победу над ними и облегчи для нас наше дело. Если же ты не хочешь их унижения и оставления без помощи, то верни нас сохранными без позора и сожаления". И вдруг были прочтены над ним, — а он бодрствующий еще даже не успел задремать, — с левой стороны к правой слова всевышнего: „И сколько селений погубили мы в то время, когда они были злочестивыми".[2] Имам был обрадован. Он разбудил Амир-хана и рассказал ему об этом слышанном им чтении. Амир-хан истолковал это как [предсказание] завоевания и победы. Конец.

Явились остатки войск. Пушки и снаряжение были доставлены. Имам построил войска и назначил для каждого место битвы.

В один из дней выступили против них жители Хирига. Вслед за ними для помощи выступили их братья-отступники. Но они были прогнаны и обращены в бегство.

Однажды ночью со стороны Харачи спустилось около 600 человек русских. Они остановились на вершине горы напротив войск имама. Когда настало утро и войска имама увидели русских, то имам приказал выступить против них. Войска двинулись к русским сомкнутыми рядами. Русские начали отходить обратно туда, откуда пришли. Тогда хаджи

---

[1] Глосса — из „Сокровищницы чудес".

[2] Коран, 22_{44}.

Муса ал-Унцукулуви пошел с отрядом [в обход] и заставил их вернуться обратно. Русские были биты и начали отступать, а войска имама уже брали верх над ними. Имам смотрел на них в подзорную трубу. Вдруг облако на короткое время скрыло войска от взора имама, и в это как раз время началось отступление войск имама. Но прошло облако и имам увидел войска в таком же положении, как они были до наступления русских и отступления его войск. Русские были перебиты до последнего. Из них не спасся никто, кроме одного солдата, вплавь перебравшегося через реку. Говорят, что он также был убит. На второй день русские выступили против Гальбаца, наиба Каляляля. Они были в селении Харачи. С ними сражались, били их жестоким боем и прогнали позорнейшим образом. Затем войска имама повели битву против тех, кто находился в этом селении. Они его взяли. Те, кто боялся за себя и свое имущество, убежали со своими семьями и имуществом в крепость и смешались там с солдатами. Тогда разожгли битву против крепости некоторые люди. Они бросились в крепость. Но находившиеся там дали им отпор из своих укреплений. Бросившиеся на крепость отступили.

Народ с некоторыми наибами отклонился было от битвы, но имам встретил их с выговорами и угрозами, а он находился вблизи крепости, и они вернулись вновь к битве и сражались. Когда усилилась против врагов битва и осада и стал многочисленным среди них урон, они сдались и вышли на суд имама во главе с Кибидом Хаджиявом ал-Унцукулуви.

Имам забрал то, что находилось в крепости из пороха, снарядов и пушек, разделил на пять частей солдат и прочих людей и распределил их, [как было установлено]. Начальник их был сохранен. В крепости находилось множество больших бревен. Их свезли

туда, по приказу русских, жители Ансаля и Гимр для постройки крепости в Цатанахе. Бревна были сожжены. Пали смертью праведных в этом сражении около 120 человек и было ранено около 1520 человек.

Глава о взятии крепостей Балагин, Моксох, Цатанах, Агалич и Хоцатль

Когда было завершено покорение и подчинение Ансаля, а это был тот третий раз, о котором предсказывал его жителям павший смертью праведника Гази Мухаммед, да будет свята его душа, о чем было сказано выше, то войска имама выступили против крепости Балагин.

Находившиеся в крепости сражались немного, а затем скоро сдались. Имам преклонил голову перед аллахом в благодарность [за победу]. Находившееся в крепости снаряжение было забрано. Начальник их был сохранен, а остальных распределили [положенным порядком]. Затем отправились в крепость Моксох и завершили ее дело таким же образом. Затем пошли в Цатанах. Русские до этого строили там большую крепость, но им так и не удалось завершить эту постройку.

Завязалась сильная битва. Сражались и те, кто был в крепости, и те, кто находился в соседних с крепостью домах. Они не сдавались, пока их не взяли силой, поведя сильную атаку на них и на места расположения их пушек. Они были перебиты от первого до последнего, не осталось ни одного. Крепость сожгли.

Низамом имама было установлено, что если кого брали силой и победой над ним, то не оставляли в живых ни начальника, ни подчиненного. Если же кто сдавался добровольно, повинуясь [имаму], то их оставляли в живых.

Рассказывают, что в Цатахане тогда находился один „мужлан“, пришедший для наблюдения за крепостями. Когда осажденные задумали сдаться, то он им заявил: „По закону царя нельзя отдавать эти великие вещи без боя“. Он был убит и осажденные перебиты. Там нашли большой погреб, наполненный порохом и ружьями, и склады, наполненные ячменем, который собрали и хранили там русские для снабжения рабочих при постройке крепостей в Анди и Ботлихе и для содержания гарнизонов этих крепостей.

Имам прославил и возблагодарил всевышнего аллаха за то, что он даровал ему это снаряжение. Патроны распределили среди войск, а остальное снаряжение было увезено про запас для последующих битв и бедствий.

Рассказывают, что когда имам послал в Цитин сказать, чтобы жители отделились от неверных и сражались против них: „Если повинуетесь мне [то будет хорошо], если же нет, то приготовляйтесь для битвы и сражения со мной“, то они, т. е. жители Цитина и русские, смирились и вернули обратно в Цитин то, что было у каждого [спрятано] в разных краях — женщин, детей и имущество. Затем укрепили Цитин со всех сторон завалами и преградами для битвы с посторонними. Так было, пока не пришел имам. И хвала аллаху, владетелю щедрот. Конец.

Затем имам со своим победоносным войском остановился в Танусе. Отсюда он послал войска к укреплениям в Агалич и Хоцатль. Что касается [защитников] крепости Агалич, то они постреляли из пушек для того, чтобы говорили, что они сражались, и сдались. Защитники же крепости Хоцатль сражались до тех пор, пока их пушка не была разрушена снарядами пушки имама, только тогда они сдались. Солдаты и снаряжение были разделены на 5 частей и распределены [по положенному порядку].

Цена солдат упала настолько низко, что их даже не покупали за 10 шахов человека.

Затем имам послал к жителям Аварии сказать: „Если вы отделитесь от неверных, то будет вам уважение и слава“. Но они этого не послушались.

Дополнение. После того, как аллах всевышний помог прогнать неверных из этой страны [Аварии] и очистить от них эту землю,[1] имам неоднократно совещался со своими помощниками, с каждым отдельно, о том, чтобы разрушить эту страну и расселить по разным местам ее жителей. Когда он посоветовался с ученым Заголовом ал-Хараши, тот сказал: „О сын мой, я раньше отговаривал тебя от выселения прочих жителей Хунзаха[2] из их родных мест, но дело вышло противоположно тому, что я думал, оно совпало с твоим мнением. Да ты ведь и создан для этого дела,[3] опытен и искренен в нем. Делай как думаешь, ведь аллах всевышний сказал: «Если они оба захотят[4] примирения, то аллах помирит их между собою»“.[5]

Затем имам созвал по этому поводу широкое совещание ученых и умных людей. В конце концов дело дошло до выселения аварцев из этих злополучных мест и достойных порицания сборищ путем разрушения их жилищ и удаления их поселений для пресечения источников пороков и рассеяния их в разные стороны от рудников расколов и сопротивлений. Они начали разрушать свои жилища своими собственными руками и руками правоверных. И не осталось в этой стране крова, под которым можно

---

[1] Глосса: „Т. е. после взятия крепости Гергебиль и прихода имама на плоскость равнины. От автора“.

[2] Глосса: „О чем речь пойдет в дальнейшем. От автора“.

[3] Глосса: „Т. е. для управления имаматом“.

[4] Глосса: „Сказал Ибн Аббас, да будет доволен аллах обоими [т. е. Аббасом и его сыном]: «Они два судьи — помирит аллах их между собою» — точно так же для каждого стремящегося к миру способствует аллах в правде и справедливости [Асна ал-маталиб]“.

[5] Коран, 4_{39}.

было бы укрыться, кроме часовни шейха Абу Муслима, да будет свята его душа, и хвала аллаху, владетелю мира.

Глава о переселении жителей аварских селений путем разрушения их родных мест и жилищ

Причина этого следующая. Когда имам узнал о приходе начальника русских Аргута с войсками для поддержки и помощи находившимся в большой крепости в Хунзахе, которые не могли выйти из крепости, то он послал отряд войск для сражения и дачи отпора войскам Аргута в Чальды, местность Хоцатля.

Войска там встретились. Посланный отряд бился, но вернуть войска Аргута и оказать им сопротивление не смог. Тогда они уклонились от битвы и окружным путем вернулись к имаму. Имам собрал затем мюридов и наибов и стал советоваться с ними о том, что делать, так как русские с Аргутом уже проникли на земли Хоцатля. Собранные порешили на том, что „нужно нам вернуться с этими великими трофеями и благородной добычей, ибо обычай наших отрядов — не встречаться в битве с врагом после того, как в руки отряда попала какая-либо добыча". Тогда имам сказал: „Я не вернусь таким образом, дабы не было сказано, что «вот они убежали в страхе перед каким-то христианином с грязным сиденьем и оставили ему свои завоевания после того, как аллах всевышний даровал им славную победу, великие завоевания, многочисленную добычу и большие сокровища». Так давайте же потерпим до тех пор, пока не пожнем одно из двух наилучших благ — победу над врагом, или смерть праведников за веру".

Тогда они, устыдясь, отказались от своего мнения и, признавая справедливость мнения имама, согласились с ним. Имам приказал сделать завалы

на окраинах селения Танус, укрепить его хорошими преградами, расположить в должном порядке наибов с их регулярными частями и ополчениями и приготовить места для установки пушек. Когда показался конный авангард Аргута, состоящий из отступников, то известный Шуайб ал-Чечени попросил у имама разрешения вступить в бой против них со своими чеченскими всадниками и отразить врага по их чеченскому обычаю. Когда Шуайб вышел, то навстречу ему двинулись всадники Аргута, а затем русские отступили, и Шуайб с товарищами вернулся обратно. Аргут со своим войском поднялся на плато Хунзаха. Из крепости вышел один отряд и присоединился к его войскам. Они направились против войск имама, находившихся в Танусе, [идя такими местами], где их никто не встречал и не оказывал никакого сопротивления. Когда они приблизились к Танусу, то оттуда открыли по ним стрельбу пушечными ядрами, которые нанесли им многочисленный урон. Они остановились и не могли продвигаться вперед, по ним стреляли и спереди и с правого фланга. Укрепиться там они не могли, поэтому отступили и удалились. Они остановились в безопасном месте рядом с селением Гинчук.

Затем имам спросил мнения великого ученого Заголова о том, чтобы переселить жителей селений Хунзаха и сжечь их жилища. Но тот удержал его. Он заявил: „В таком случае здесь обоснуются русские войска". Тогда имам собрал руководителей и почитаемых людей Хунзаха и спросил их совета — что сейчас делать? Среди собравшихся находился умный храбрец Тана Мухаммед ал-Хацалухи, который вплоть до этого дня шел вместе с русскими в борьбе против имама. Он сказал: „Ты управитель над всеми людьми этого округа вплоть до Гехи и знаешь что наиболее правильно". Но когда он понял, что имам ищет у них ответа, то сказал: „Мы

думаем, что в интересах дела нужно разрушить наши жилища, сжечь наш сжатый хлеб, [находившийся еще в снопах], а нам переселиться туда, откуда мы не вернемся до тех пор, пока русские не будут изгнаны из этой земли". Имам был доволен этими мнением и речью и назначил для выполнения этого дела Хаджи Мурада с конными войсками. И они пошли, сжигая и разрушая. Когда же они приблизились к крепости, то навстречу им вышли русские. Произошло сражение. Затем имам выслал войска навстречу отряду русских в Хоцатль для того, чтобы отрезать им дорогу к плато Хунзаха, а сам с товарищами остановился в Алладе — это край полей Буцуна, возвышающийся над Хоцатлем. Он и его товарищи оставались там, соблюдая строгую тишину. Враги вышли вслед за войсками, посланными для упомянутой цели [отрезать путь русским на плато Хунзаха], но эти войска разошлись по своим родным местам и рассеялись по своим селениям, не захотев там встретиться в битве с врагами. Они бежали, обгоняя один другого. Имам вернулся на утро, после того как провел в посте более 10 дней рамадана, невредимым, унося с собой добычу в виде хорошего обильного снаряжения и больших и малых пушек. Хаджи Мурад со своими мухаджирами и пушкой остался в селении Сиух, защищенном завалами и преградами. Он заявил: „Я не оставлю это селение, пока не будет победа над нами".

Глава о ночном походе известного храбреца Шуайба для захвата баранты у жителей равнины

В то время, когда имам был в этом славном походе на плато Хунзаха, вышел Шуайб с теми, кто был с ним, спустился на поля жителей равнины и пригнал оттуда множество баранты. Говорили даже, что ее было около 16 тысяч голов. Они вернулись невредимыми. В связи с этим улетели сердца жите-

лей равнины, и земля стала тесной для них, вопреки ее просторам. С этих времен расширились области, [подчиненные] шариату. Те, кто раньше отрицал шариат, начали сейчас даже опережать мюридов в его выполнении, оказании помощи его руководителям и поддержке их, с серьезностью и усердием, оказанием услуг и помощью. Надели их аллах всевышний искренностью намерений во вратах добродеяний. И хвала аллаху, владетелю миров.

Глава о взятии крепости Гергебиль, осаде крепости Темир-хан-шура и прочем

После того, как имам вернулся из этого славного похода, он оставался [дома] для того, чтобы разговелись и несколько дней шавваля. Затем выступил и остановился у крепости Гергебиль. Он сражался с теми, кто был осажден в крепости около недели. Затем аллах всевышний открыл ее перед ним, вопреки желаниям в ней находившихся. Были перебиты находившиеся в крепости все до последнего и захвачено все, что там было найдено.

В Гергебиль к имаму явился послом Аслан, кадий Цадакара. А кадий Акуши прислал послом покорного человека Кадиласуль Мухаммеда. Сын этого Мухаммеда, хаджи Абакар, с отрядом из жителей Акуши отправился для грабежа имущества неверных, стараясь первым достигнуть разрыва того, что было между жителями Акуши и русскими. Но большинство его отряда вернулось с дороги, боясь того, что хаджи Абакар выступил, не попросив разрешения у своего отца. Осталось с ним только 18 человек. Они пришли на пастбище Манасу и захватили там с морского берега около 300 голов скота.

Затем собрался народ из Акуши, Тарго, Гарабудага и других селений и напал на судно русских, называвшееся „Макар“, груженое разными дорогими

вещами и большими богатствами. Судно было разгружено на берегу моря в стороне Тарго. Они забрали с судна то, чем обогатилось большинство из них. Затем имам вышел, остановился в Джанкоте и сжег жилище Ахмед-хана. Здесь к нему пришел кадий Акуши, а также пришли акушинские войска. Затем имам остановился в доме шамхала в Казанищах, а войска расположил в селениях вблизи крепости Темир-хан-шура.

Отсюда имам послал отряды и экспедиции на равнину собрать баранту для провианта. Здесь они съели их баранты до 40 тысяч голов, из них 11 тысяч, принадлежавших жителям Чахаля, и немного — жителям Сугратля. Они осаждали тех, кто находился в крепости Темир-хан-шура. Имам послал отсюда к крепости Тарго войско вместе с жителями Акуши. Они взяли там некую русскую крепость и забрали из нее многочисленное имущество. Когда же была уже близка победа над этой крепостью в Тарго, пришла к русским помощь извне. Тогда находившиеся в крепости вышли на открытое место, рассыпавшись без строя, для битвы с войсками имама. Когда оба войска встретились, то новые акушинские войска уклонились от сражения. Пришедшие к русским на помощь вошли в крепость, а затем вышли со всеми, кто там был, забрав все там находившееся и убежали к морю на судно. Конец.

Затем имам послал войско в крепость Бурандиб, расположенную вблизи могилы шейха Асильдара. Находившиеся там сдались, и крепость была взята.

Глава об изгнании русских из Хунзаха и осада их в укреплении Зырани

Когда имам взял крепость Гергебиль и оставался со своим победным войском на просторах равнины, заколебалось дело неверных в крепости Хунзах и

стала узкой для них земля, несмотря на ее просторы. Тогда начальник русских начал требовать от аварского населения заложников за заложниками. Когда же население проявило в этом полное повиновение, то он возвратил им всех заложников, которые были в крепости и сообщил им о том, что они хотят уйти из крепости. Он плакал и увещевал их, чтобы они не изменили им и не ударили им в тыл после их ухода. Он сообщил также им, что при уходе они оставят огонь в пороховом погребе для взрыва, чтобы не приближались к этому погребу. Затем они уничтожили то, что не могли взять с собою из пушек, а то, что не могли уничтожить, сбросили в ущелье Арук. Когда русские собрались уходить, слепой Алибек ибн-Хусейн советовал аварцам: „Не завязывайте с ними битвы, пока они не начнут спускаться с горы Алах, чтобы они не вернулись в крепость, так как тогда дело усложнится. Кроме того, дайте знать жителям шамхальства об этом отступлении русских для того, чтобы они присоединились к вам. Поистине среди них также есть герои".

Когда русские начали спускаться с Алаха, аварцы напали на них с тыла и причинили им многочисленный урон. Когда имам узнал об уходе русских из Хунзаха и остановке их в крепости Зырани, то он послал войска для осады их в этой крепости. Осада в этой крепости была тяжела для русских; у них истощился провиант, они голодали до того, что даже ели конину. Когда имам приказал дать им дорогу [к отступлению из крепости], они вышли оттуда после того, как побросали в Большую реку [Койсу] то, что не могли взять с собой из пушек, пороха и снарядов. Конец.

Имам сидел в Казанищах около 23 дней. В это время к нему пришло посольство из Чиркея, состоящее из кадия Тахмаз-хана и Джемаля с товарищами. Они пришли лишь после того, как чиркеевцы объявили войну русским, которые находились у них в крепости

за рекой. Они отпустили к русским солдат, находившихся в укреплении в верхнем конце их селения. Они отослали этих солдат невредимыми. Затем они разрушили: это укрепление; укрепление, бывшее на их полях; укрепление, стоявшее в стороне моста, за рекой; укрепление у теснины реки; укрепление, стоявшее там на чистом месте, и церковь, находившуюся между одним из укреплений и большой крепостью. Таким же образом явились к имаму в Казанищи жители Гимр, после того как дали дорогу тем, кто находился у них в крепости, отослав их, а крепость разрушили. Жители равнины стали приходить в Тарго усмиренные и покорные имаму, кроме тех, кто убежал в крепость Темир-ханшура, как, например, шамхал Абу Муслим и ему подобные из знати. От жителей долины имам взял и отослал множество заложников, среди них были: кривой Будай ал-Джанкоти, сын кадия Айюба и им подобные. Он отослал также заложниками семейства тех жителей Чафара, которые убежали в крепость.

Затем имам послал хаджи Кибида ал-Унцукулуви с товарищами для перенесения из Тарго останков павшего смертью праведника Гази Мухаммеда. А Кибид знал место его погребения. Они вырыли и перенесли останки в Гимры, как было описано выше.

Те, кто подчинился имаму, неоднократно его просили оставить войска там у них, так как они боялись врагов, за себя и за свои семьи, в случае, если уйдут от них войска имама и оставят их; так продолжалось до тех пор, пока не пришла к русским помощь со стороны. А было время сильных холодов. Войска имама уклонились от битвы. Они еще до этого были изнурены пребыванием там на одном месте. Тогда имам и его товарищи вернулись в Эрпели. Отсюда имам послал освободить путь тем, кто был осажден в крепости Зырани, и разрушить и уничтожить ее после ухода из нее осажденных. И да прославится аллах всевышний славой без начала и конца.

Глава о взятии крепостей Янги-юрт, Цубут, Миатлы и Гельбок

Когда имам спустился на равнину, то находившиеся в крепостях Янги-юрт и Гельбок ушли, оставив в крепостях массу разного имущества, военных припасов и поделок из железа — столько, что не сочтешь и не определишь. Уходившие приказали жителям Янги-юрта и Гельбока не брать и не дотрагиваться ни до чего того, что было оставлено в крепостях до тех пор, пока не придут мюриды Шамиля и не заберут эти крепости.

Весть об этом дошла до Хаджиява, сына Шахмандара, наиба Салатау. Он отправился с салатавцами в эти крепости и увез то, что было, погрузив на арбы, взятые у жителей Янги-юрта. Рассказывают, что там имелось 14 полных арб сукна. Все захваченное доставили в селение Дилим. А большие пушки, которые не могли утащить, сбросили в Большую реку [Койсу]. Затем салатавцы направились в крепость Цубут. Жители Цубута попросили 3 дня отсрочки для приготовления к борьбе с врагами, после чего они сами [обещали] начать сражение и прогнать врагов. Салатавцы дали им эту отсрочку. И когда ночью пришел отряд русских из Темир-хан-шуры и уже был близок от входа в селение, цубутовцы повели против них сражение и обратили их в бегство. Пришедшие убежали за реку с теми, кто находился в вышеуказанной крепости. Затем после 3 дней цубутовцы начали сражаться против тех, кто был в двух крепостях, находившихся в селении. Они сдались и вышли на суд наиба. Наиб судил их по низаму Шамиля. Затем салатавцы осадили крепость Миатлы. И уже почти была близка победа над ней, как вдруг ночью выступили против салатавцев русские, пришедшие со стороны на подмогу к осажденным. Салатавцы замешкались, а в это время пришедшие

на помощь присоединились к находившимся в крепости и ушли с ними, захватив то, что было в крепости и побросав в реку свои пушки, которые они не смогли утащить с собою. Когда русские ушли, салатавцы вошли в крепость и разрушили ее до основания, забрав то, что там еще оставалось.

Глава о набеге Эфенди на Хайдак и Табасаран

Омар ал-Хайдаки находился при имаме как мухаджир [т. е. перебежчик из области, не подчиненной Шамилю]. Он попросил у имама после возвращения из Казанищ дать ему войска для покорения той округи [из которой он был родом] и подчинения ее имаму. Имам послал мухаджира кривого Мухаммеда Эфенди ал-Хуми, а Хуми — селение поблизости от Гази-Гумука, — с отрядами 4 наибов, в конце зимы этого 1260 [1844] года. Он приказал Эфенди присоединить к этим войскам войска из вилайета наиба Аслана ац-Цадакари и вилайетов кадия Мухаммеда, наиба Акуши. Эфенди отправился с ними. По дороге его встретил некий ученик с письмом от кадия Акуши. И вот в этом письме сообщение для Эфенди: „Поистине, эти наши жители не будут выполнять твои приказы, пока у них хватит на это сил“.

На это письмо Эфенди послал ответ: „Поистине, мы не вернемся, кроме как по приказу возвращающего“. Они шли до тех пор, пока не остановились в Цадакаре у кадия Аслана. Забрали у него ополчение, двинулись дальше и остановились у кадия Мухаммеда в Акуши, вопреки желанию его жителей. Они пребывали там, набирая войско из жителей Акуши, которые втайне охотно соглашались на это. После всякого всего акушинцы послали с Эфенди свое войско во главе с хаджи Абакаром. Затем остановились в Кишабе и подчинили его жителей, назначив

над ними наибом мухаджира Омара ал-Хайдаки. Затем остановились в Маджалисе. Чамал-хан убежал к русским. Они пригласили в Маджалис около 60 человек знати из вилайетов Хайдака. Эта знать воспротивилась тому, чтобы войска останавливались в их селениях, и повернула обратно. Но войска пошли вслед за ними с двух сторон, и эти вилайеты не имели возможности оказать им сопротивление. Их подчинили, поставили над ними наибов, кадиев и начальников и взяли от них обязательство и обещание о повиновении имаму. Затем пригласили в Хайдак около 60 человек знати из Табасарана. Они изъявили покорность, но противились приходу и остановке у них войска до тех пор, пока они не соберут у себя общий сход. Знать повернула обратно, а войска пошли по их следам. Остановились в Табасаране, подчинили его жителей и назначили над ними наибов, кадиев и начальников и взяли с них обязательство и обещание о повиновении имаму. В итоге у них собралось многочисленное большое войско. А Аргут проклятый стоял в стороне Кура, охраняя вверенный ему вилайет. Затем пришло письмо от кадия Акуши Мухаммеда; он писал: „В интересах дела нужно разрушить и сжечь селение Даракама, а жителей оттуда переселить в наши владения". Тогда войска направились в эти селения с намерением осуществить предложение кадия.

Когда же они остановились в этих селениях, то 4 наиба [отправленные Шамилем с Эфенди] начали упрашивать Эфенди не жечь эти селения, и он согласился с ними. Затем пошли в город Баршалы. Жители Баршалы пришли к ним и стали просить не останавливаться в их городе. Они обещали выполнить все, что им будет приказано. Им было приказано доставить 600 арб провианта. Затем они пробыли в Уртамыше около 10 дней и вернулись обратно. И хвала аллаху, владетелю миров.

Глава о набеге Амир-хана в Эрпели и Каранай

Когда имам проходил через Эрпели и Каранай во время своего возвращения из Казанищ, то он приказал их жителям переселиться в места, недоступные для врагов. Они попросили у него отсрочки до тех пор, пока не настанет хорошая погода. В то время стояли холода. Имам дал им отсрочку. Когда же имам ушел, то они укрепили окраины двух селений, переселили жителей селения Ишкит в Эрпели и сделали завалы в этих селениях с намерением сражаться против имама. В начале весны 1260[1844] г. имам послал Амир-хана ал-Чиркави против них с отрядами 4 наибов. Сам имам находился в Чиркате. Амир-хан условился с войсками о том, чтобы спуститься на равнину Эрпели рано утром в такой-то день. Он сам вышел с 2 наибами и спустился в нижний край селения Эрпели немного раньше наступления утра. Другие 2 наиба также выступили для того, чтобы спуститься в верхний край селения. Вдруг 2 лошади лазутчиков этих 2 наибов (чего-то испугавшись) убежали и промчались мимо дозоров, выставленных жителями Эрпели. Дозоры вышли узнать, чьи это лошади, и увидели войска. Они подняли тревогу, и жители Эрпели выступили навстречу войскам. Они вывели свои семьи из нижней части селения для того, чтобы спасти их в крепости. Амир-хан и те, кто были с ним, с нижнего конца проникли в селение. Жители Эрпели не имели возможности вести одновременно битву с двумя отрядами и были вынуждены уйти из селения со своими семьями и пожитками, кроме небольшой группы, укрывшейся в одном из домов. Они укрепились там и сражались. От их рук пал смертью праведника один человек. Их дома были сожжены. К Амир-хану явился посланец из Караная, [прося его] не выступать против них. Но Амир-хан вернул посланца обратно, приказав

передать, что „истинно эти вот жители Эрпели уже сдались нам. Если и вы сделаете то же самое, то добро вам, иначе же мы непременно придем к вам". Тогда жители Караная приготовились для битвы. Затем войска отправились к каранаевцам, но их на пути встретили те, кто был послан [с известием] о сдаче. Войска вошли в селение. А жители до этого приготовились уже для битвы, они разрушили крыши домов для устройства завалов и преград на улицах. Жителей с их имуществом заставили покинуть селение. Вместе с жителями был брат наиба Чечни Уллубия, его семья и жена его другого брата. Жителям Эрпели было приказано поселиться в Ургу, а жителям Караная было приказано остановиться в селении Гимры. Когда со всем этим было покончено, пришел отряд русских из крепости Темир-хан-шура для оказания помощи жителям Эрпели и Караная. Произошло сражение. Затем русские вернулись обратно.

Глава об уходе жителей Чиркея из своих родных мест

Жители Чиркея непрерывно враждовали с находящимися в их селении русскими в течение 7 месяцев, т. е. с того времени, когда они объявили войну еще до своего прихода к имаму в Казанищи, как уже выше было описано. Чиркеевцам был нанесен большой ущерб и в имуществе и в людях пушечной стрельбой по ним и ночью и днем из находящейся за рекой крепости русских.

Враги им причиняли также много бедствий, не давая брать воду из реки, а других источников воды, кроме реки, у них не было. В начале лета этого 1260 [1844] г. против чиркеевцев выступил проклятый генерал.[1] Тогда имам переселил чиркеевцев и тех, кто находился вокруг них, жителей Салатау и Эрпели,

---

[1] Имеется в виду генерал Клюки-фон-Клюгенау.

в Цантаракан и сделал завалы на подступах к местности, носящей название „мельница Хусейна". Русские вступили с двух сторон в селение Чиркей только лишь после того, как им со стороны чиркеевцев было оказано упорнейшее сопротивление. Чиркеевцы ушли из битвы к своим семьям. Русские сожгли селение и разрушили его так, что не осталось в нем ни возвышающейся стены, ни стоящего дерева. Затем жители Чиркея рассеялись по различным местам.

Добавление об одном хорошем сражении, проведенном жителями Чиркея в дни бедствий. Это было тогда, когда русские по возвращении из Ахульго направились против чиркеевцев в связи с тем, что им стало известно о том, что чиркеевцы помогали находившимся в Ахульго и снабжали их тем, чем могли, из припасов, снаряжения, провианта и пр.

Когда чиркеевцы увидели направляющихся в их сторону русских, они увели свои семьи, захватив все, что можно было взять им с собой, в недоступные места густых лесов. Чиркеевская молодежь думала сражаться с врагами, но чиркеевская знать просила их выйти из селения и дать русским дорогу в Чиркей. Они говорили: „Русские не причинят нам вреда. Они уйдут отсюда в Индири". Молодежь согласилась и вышла за пределы селения. Генерал Клюки-фон-Клюгенау выслал вперед 3 тысячи солдат под командой Османа ал-Чиркави. Когда первый из этих солдат вступил на край селения, то молодежь открыла по нему ружейный огонь и убила его. Вдруг этот предводитель [русских] Осман сам начал сражаться против русских солдат, сказав: „Неужели же я не подвергнусь смерти в то время, когда враги овладевают родиной отцов". Он убил из них офицера и сержанта и сам был убит. Тогда молодежь перекликнулась между собой и набросилась на солдат наскоком волков, находящихся среди стада

баранов. Они убивали и косили их и прогнали туда, где не даст убежища один другому.

Когда отступающие достигли моста, то там на мосту сгрудились те, кто бежал и те, кто возвращался; в связи с этим множество из них попадало в реку и утонуло. Один отряд русских бросился в реку, сбившись с дороги и целиком утонул. И несмотря на это, из чиркеевской молодежи пали смертью праведников только двое и один был убит по ошибке кого-то из них же самих. Чиркеевцы захватили большую добычу, ружья, порох и пушку с лошадьми. Неверные остановились на открытом месте, думая, что чиркеевцы вновь нападут на них со стороны мельницы Хусейна.

В один из дней группа из этой чиркеевской молодежи выступила для нападений на тех русских, которые двигаются по дороге в Темир-хан-шуру. Они сражались с теми, кто там находился. Они убили около 30 солдат и взяли в плен некоего начальника и 4 его товарищей. Тогда русские послали к ним сказать: „Если вернете нам пушку и этого начальника, то вам от нас будет спокойствие и безопасность и между нами будет мир и согласие".

Все жители Чиркея упрашивали эту молодежь отдать жителям этого начальника. И они отдали его чиркеевцам, которые вернули русским и пушку, и начальника и заключили с ними мир. Неверные повернули обратно, обманувшись в своих надеждах и прежних намерениях покорить жителей Чиркея.

Рассказывали, что этот начальник был чаландар царя. Он повстречался с чиркеевцами во время возвращения с вершины [т. е. из Ахульго]. Рассказывают также, что жители Чиркея для того, чтобы посмотреть его, толпились вокруг него в каждом месте, [где только он появлялся]. Проклятый же подумал, что каждая пядь земли в Чиркее наполнена мужчинами и молодыми людьми, и сообщил об этом

своим братьям, среди которых еще больше увеличились страх и опасения.

Из-за этой битвы неверные уничтожили из скота чиркеевцев 50 тысяч голов баранты, 4 тысячи коров, 500 ослов и множество мелкого скота. В это время, когда чаша весов отступников перевесила чашу сражающихся против них, жители Чиркея оказывали приют мюридам и были прибежищем для опасающихся измены. Да поселит их аллах всевышний на их родных местах безопасными и победителями над врагами.

Глава о выступлении имама в Акуши

Когда в Чиркее произошло в начале лета 1260 [1844] г. то,[1] что предопределил аллах всевышний, имам находился там до тех пор, пока не ушел оттуда проклятый генерал и остались там только небольшие остатки неверных. Когда же имам узнал, что этот проклятый направляется в Акуши, то он оставил пехоту для наблюдения за этими остатками неверных, а сам со всей своей конницей выступил, опережая русских путем пересечения горных хребтов, в Ишкаталы, для подчинения себе жителей Акуши и укрепления их для борьбы с врагами и стойкости в битвах.

Конница шла [без остановки] до тех пор, пока не остановилась в Акуши. Русские также достигли равнины, принадлежавшей жителям Акуши.

Когда имам узнал о приходе русских, то он вышел с теми, кто был с ним, и расположился на одной горе. Жители Акуши пытались обмануть имама, [согласившись притворно] на переселение с ним в одно неприступное место и оставление своих родных мест. Однако переселились с ним только немно-

[1] В рукописи *А* глосса: „Т. е. их уход и оставление своих родных мест"

гие из них. Затем имам ушел с этой горы и остановился в селении Баршалы. Здесь он провел ночь. Утром русские догнали войска имама. Завязалась битва. Затем имам и его войска отступили, и было так, что каждый камень или стена сражались против них. Когда достигли Цадакара, имам остановился там для того, чтобы забрать с собой тех, кто из жителей Цадакара собирался уходить, и помочь им [сделать это]. Русские в это время шли вслед за войсками имама, а там, где последние проходили, с ними сражались те из отступников, кто встречал их.

Достигнув селения Каркадан, имам здесь нашел свою пушку, которую оставил и бросил один из убежавших его наибов. Имам остановился у пушки и сказал: „Я не уйду с этого места иначе, как с этой пушкой". Его товарищи поневоле потащили эту пушку, они впряглись в нее по принуждению. К вечеру они вступили в Салатау, а враг не переставал гнаться за ними следом. Затем пошли дальше, пока не перешли через мост в селении Куруда на сторону Хоцатля, там они остановились. Они разрушили этот мост, сделали завалы и укрепили то место, где стояли. Притащив из Хоцатля пушку, они открыли стрельбу по русским, которые расположились выше поля, называемого Бири.

Имам еще раньше послал письмо, призывая пехоту, оставленную им в Акуши. Пехота пришла со стороны Хунзаха с барабанным боем и с пушкой. Сражались с русскими при помощи 2 пушек. Русским был причинен этими 2 пушками многочисленный урон. Были убиты среди русских даже некий начальник и дежурный генерала снарядом, пробившим генеральскую палатку, в связи с чем улетело сердце генерала, и он не успокоился до тех пор, пока русские на заре не обратились в бегство. А войска и имам шли с боем по их следам. Сражались и убивали. В этой битве пал смертью правед-

ника ученый Хасаниль Мухаммед ал-Иллуви, он был один из числа тех людей,[1] которые были для имама в Хунзахе „вместилищем и бурдюком“ [т. е. доверенными людьми и источником помощи и опоры]. Там впервые присоединился к имаму Данияль-султан, сделавшись мухаджиром. И хвала аллаху от начала до конца [мира].

Глава о походе Данияль-султана для взятия селения Чох и о сожжении этого селения

Когда имам вторично вернулся из Гази-Гумука, то жители Чоха сражались против него и убили одного из бывших с ним людей. Они возгордились и начали творить беззакония. Когда же имам поднялся в Тадбутри, то он приказал своему наибу Кибиду Мухаммеду ат-Тилики выступить против Чахаля с войсками сопредельных с Кибидом наибов для покорения жителей Чахаля и устройства среди них управления по шариату. Когда Кибид с войском пришел туда, то чахальцы не повиновались введению у них шариата и установлению управления имама. Они начали сражаться. Кибид ушел от них обратно. Затем пришел в Чахаль Аргут, обманщик и соблазнитель народа, он восхвалил жителей Чахаля, роздал им многочисленные подарки и, приказав им быть твердыми и устойчивыми, назначил над ними начальником Ибрахима Мухаммеда ал-Чохи. Последний начал усилять раскол и укреплять отступничество. Жители Чахаля построили по сторонам своего селения 10 башен. Они поддерживали неверных и их главу Аглар-хана и враждовали с мюридами и праведными. И не было у них других намерений, кроме того, чтобы русские овладели этим краем. Вот поэтому то

---

[1] В рукописи *К* глосса: „И другие — они: ученый Мухаммед, сын Муртади Али ал-Кулуви; ученый Мухаммед ат-Тануси и его сын; ученый Химмат ал-Убуди, расположенный к имаму. От автора“.

и послал имам Данияль-султана ал-Элисуви с войсками горных наибов, назначив Данияля начальником над этими наибами.

В конце зимы 1261 [1845] г. Данияль расположил войско на горе Хутуб[1] и оставался там 5 ночей. Он послал к жителям Чахаля призвать их к повиновению имаму, введению судов ислама и выдаче в этом заложников. Жители Чахаля тогда послали гонцов с просьбой о помощи к Аглар-хану, в Гази-Гумук, Акуши и Цадакар. Запрошенные о помощи замешкались с ответом. Тогда жители Чахаля сделали вид, что они согласны на мир. Но когда появился Аглар-хан, с одной стороны, а цадакарцы и акушинцы — с другой, то чахальцы прогнали из селения тех, кто пришел для переговоров о мире. Они кичливо отвернулись, возгордились и стали надменны в обращении. Тогда Данияль-султан вышел с войском и расположился в нижней части селения.

В селении в это время были осажденными наиб хаджи ал-Асами с товарищами, а хаджи Муса с товарищами укрепились в одном из домов и защищали проход, через который могли бы войти войска Данияля. Данияль проник с войсками в нижнюю часть селения и послал помощь к хаджи Мусе. В селение вошло около 300 кудальцев для помощи отступникам. Аглар-хан с его войсками остановился в стороне кладбища, а акушинцы и цадакарцы расположились рядом с войсками Аглар-хана. И битва между ними пылала 8 дней с их ночами.

К Данияль-султану пришел от имама посланец с письмом. Имам писал: „Не возвращайся от них до тех пор, пока не покоришь и не подчинишь их, или пока не будут перебиты все до одного те, кто находится с тобою". И тут как раз собрались к нему

---

[1] В рукописи *А* глосса: „Название горы, принадлежащей Чахалю и расположенной ниже селения".

наибы и начали его уговаривать отступить. Они считали их дело крайне затруднительным. Данияль ответил им грубыми словами и сурово обошелся с ними. Он сказал: „Я не отступлю от приказа имама, если даже останусь один со своими товарищами“.

На девятый день Данияль отдал распоряжение 4 наибам оставаться в селении, приказав им не покидать своих позиций, если даже он сам вынужден будет отступить. Затем он вывел остальных наибов с их отрядами на такое место, откуда они были видны находившимся в селении Аглар-хану и отступникам.

Он построил отдельными рядами всадников и пехоту и, приказав им не ломать строя, двинул их против лагеря Аглар-хана, всадников с одной стороны, пехоту — с другой. А до этого он послал к наибам, расположившимся на полях Чахаля, приказ о том, чтобы они двинулись против лагеря акушинцев и цадакарцев. Акушинцы и цадакарцы обратились в бегство. Побежал и Аглар-хан. Они даже оставили знамя Аглар-хана, его постель, ковры и походную утварь.

Войска Данияля шли вслед за ними, раздевая и убивая. Данияль еще ранее приказал своим войскам не убивать никого из отрядов Аглар-хана, кроме тех, кто является другом или товарищем Аглара, а только раздевать их, но убивать всех, кого захватят из жителей Акуши и Цадакара. Когда отступающие были рассеяны, войска Данияля повернули против находившихся в селении. Последние собрались в некоторых домах верхней части селения. Здесь войска Данияля начали захватывать и отбирать из имущества чахальцев украшения из золота и серебра и прочие драгоценности, одежду и домашнюю утварь, и какое множество и насколько красивого и драгоценного [имущества] имелось в этом селении!

Затем, при наступлении темноты,Данияль приказал посылать сотню за сотней по очереди от каждого наиба для пресечения пути к бегству тем, кто укрепился в домах [верхней части селения]. Но эти сотни от каждого наиба не собрались, так как увлеклись сбором имущества, и те на рассвете убежали с семьями, захватив с собою то, что могли взять из имущества. На завтра, в день пятницы, селение было сожжено.

Рассказ. Рассказывалось среди жителей Чахаля от старшего к старшему, со слов ученого Махада ал-Чохи, о том, что известный ученый Мухаммед, уроженец Кудуки, а родом происходивший из Ругжа, да помилует его аллах всевышний, поднялся однажды на крышу мечети в день пятницы и, смотря на селение Чох, сказал: „Истинно, оно будет сожжено в день пятницы". И вот оправдалось его предсказание. И хвала аллаху, владетелю щедрот и милостей. Данияль оставался там 4 дня. Захваченное имущество было разделено на 5 частей и были подсчитаны павшие смертью праведников в этой битве и раненые. Павших оказалось около 200 человек, раненых — около 1025 человек.

Глава о великом сражении в 1261 [1845] г., в котором был бит Воронцов[1] и обратился в бегство с позором и огорчением[2]

Когда имам узнал о намерениях русских, то первое, с чего он начал, был его приказ об уничтожении русской знати, которую он раньше забрал в плен во взятых им крепостях. Они были перебиты и сброшены в Даргинское ущелье. Затем имам выступил

---

1 Глосса: „Имя генерала, живущего в Тифлисе".

2 В рукописи *А* иначе: „Глава о великом сражении, которое произошло между имамом и Воронцовым, а был он начальником русских, т. е. генералом, живущим в Тифлисе, и было это сражение в 1261 г."

со своими товарищами и пушками и расположился на равнине Алмахаля. Здесь он узнал, что русские двигаются от горы Хих к Ханчи. Тогда он быстро вернулся к своей семье в Дарго, а они уже приготовили свои пожитки к переселению, совершил у них полуденную молитву и приказал им переселиться в селение Сальбари. В тот же день он сам ушел в селение Анди.

Имам еще ранее взял с наиба Анди Рамадана и его мюридов клятву в том, что они выполнят любой его приказ или его запрещение. Сейчас он [придя в Анди] приказал им сжечь их селения, начав прежде всего со своих собственных жилищ, дабы облегчить это дело для прочих ополченцев. Конец.

Он остановился в местности Бусрах, а русские остановились в местности Харкабур. Здесь к имаму пришел прекрасный храбрец, проницательный Хитын ад-Данухи, и спросил: „Каковы ваши намерения?" — „Наши намерения — газават и джихад", — ответил имам. Тогда Хитын сказал: „Я не думаю, чтобы им [русским] можно было противостоять и сопротивляться из-за их силы и неприступности и многочисленности их снаряжения и вооружения". Русские оставались там больше недели. Выпал большой снег, подул сильный ветер, а время было — начало лета, лошади у русских погибли, провианту стало мало.

А имам до этого вернулся в Анди.[1] Здесь опять к нему пришел этот совершенный Хитын и сказал: „Поистине, уже исчезла неприступность русских и погасла их мощь".

---

[1] Глосса: „Говорят, что когда имам был в Анди, его посетил Ахбирдиль ал-Хунзахи, отец верного праводействующего, павшего за веру Гази Мухаммеда, и сказал имаму: «Да устранит аллах всевышний скорбь». Имам ответил ему следующее: «Верно, устранит ее от того, кто действительно опечален». От автора, да помилует его аллах всевышний".

Когда русские направлялись в Бусрах, то андальцы и прочий народ просили у имама разрешения оказать им там сопротивление, но имам им не разрешил, и они вернулись для того, чтобы продолжать жечь свои селения. Имам послал наиба Саида ал-Инхови в селение Зилли, наиба Гальбаца ал-Хунзахи — в селение Ригун, третьего — в другое селение и т. д., а сам с теми, кто остался с ним из багуляльцев и других, направился в селение Анди. Жители Анди оказали войскам, выступавшим вместе с имамом, сопротивление и сражались с ними. Затем они сдались. И вот, когда имам находился в доме Рамадана, пришел к нему наиб Саид и сказал: „Жители этого селения [Зилли] нам не подчиняются и не дают жечь селение. А некоторые из них засели в укрепление для того, чтобы от да оказать нам сопротивление".

Имам потребовал к себе Рамадана и сказал ему; „Что это за вести? А? Рамадан?" Рамадан надел оружие, сел на лошадь и поехал один. Когда он приблизился к ополченцам Саида, то он закричал на них, злобно ругаясь, понося и препираясь с ними: „Вы угнетаете мой вилайет, притесняете моих подданных". Затем он приказал жителям Зилли собраться на одном гумне и позвать тех, кто был в укреплении, для того, чтобы они сообщили ему, за что они порицают этих пришельцев и изложили бы ему свои жалобы на них. Пришли и те двое, которые были в укреплении. Рамадан на коне все время ездил вокруг сидящих на гумне. Когда он проезжал мимо одного из тех, кто был до этого в укреплении, он вдруг ударил шашкой по его шее — тот тотчас скончался. Ударил другого — тот также упал. Затем он приказал Саиду быть настойчивее и суровее обращаться с жителями, жечь и разрушать, а сам вернулся обратно.

Глава об уходе имама из селения Анди после его сожжения и о том, что произошло после

Когда русские приблизились к Бусраху, селения были уже сожжены. Русские вошли в Анди, а имам с некоторыми войсками вышел оттуда по дороге в противоположной части селения — к горе. Большинство войск рассеялось; убегали испуганные и устрашенные, не обращая ни на кого внимания и не разбирая пути, не остерегаясь ни реки, ни падения в ущелье. Имам прилагал все усилия остановить и собрать их, но не смог. Имам ранее был уверен в том, что те, кто находились с ними на этой горе, его не оставят, однако они убежали и оставили его там с каким-нибудь десятком товарищей.

На этой горе один из наибов сказал артиллеристу, опытному стрелку хаджи Яхье ал-Чиркави: „Доставь пушку в Хиган-Биган“, но тот ответил ему грубым словом. Он ему заявил: „Я не нахожусь под твоим началом [букв. твоей заботой] и подчиняюсь только приказу имама и воздерживаюсь только от того, что он запрещает“. На этой горе сказал имам следующее: „Это сражение — моровая язва для отступников, думающих, что уже рассыпалась соединенность ислама. Проявляются их тайные помыслы, а их руки тянутся к мечам насилия и секирам мести“. И было так, как он сказал. Конец.

Имам направлялся в Тадбутри. Некоторые наибы и их отряды вернулись по своим домам, а другие расположились лагерями.

В это время великий ученый Заголов ал-Хусдади посылал к их наибу, храбрецу Микаилу, неоднократно письма, прося его вернуться с его ополченцами. Он писал: „Что вы стоите там? Русские уже засели в Анди. Так возвращайтесь же к себе на родину для того, чтобы мы могли посоветоваться о том,

что нужно предпринять в это время, и мы сделаем то, что сделают жители Дагестана". Конец.

Затем вернулся имам на эту гору и послал письма, призывая ополчение. Собрались наибы и их ополчения. А русские уже расположились лагерем в Харкабуре и лагерем между селением Сахаль и Бусрахом. Отряд русских во главе с проклятым Воронцовым расположился между Гагалем и Андалем.

Русские начали там предпринимать трудные и большие дела. Говорили, что они там строят крепость для того, чтобы склонить и подчинить себе народ. Когда же затянулось пребывание русских в таком положении, имам направился к чеченским войскам, наибы которых находились в Дарго, для того, чтобы посоветоваться с ними, дать им наставление, уговорить их и расположить к себе их сердца. Имама встретили два чеченца Хан-мирза и Урсуби. Их послал проклятый Воронцов сказать: „Пусть приходит Шамиль или для мира, или для сражения". Имам ответил: „Если бы он требовал от меня мира, находясь у себя на родине, то я ответил бы ему по этому поводу речью, соответствующей и месту, и положению. Ну, а в данное время уже не будет между мною и им ничего, кроме меча и битвы. Я готов сражаться с ним в любое время и днем и ночью. Пусть приготовляет любое количество людей и их снаряжение после вашего возвращения". С этими словами он вернул посланцев обратно. Конец.

Когда имам достиг чеченцев, то нашел их жаждущими видеть его и соскучившимися в его отсутствие. Они до слез обрадовались его приходу. Они сказали: „Нет ничего над нами [страшного] после того, как мы увидели тебя и ты завел с нами дружбу. Мы до этого думали, что ты вовсе нас оставил и променял нас на других". Когда имам увидел искренность их намерений и прекрасность стремлений, то заявил им о том, что он останется у них,

и поклялся им на Коране, что он не заключит с русскими мира, кроме как на основе того, что предписывает этот Коран. Точно так же поклялись и наибы и их ополчения. Он поселился там у них и призвал к себе своих товарищей. А все отряды других наибов, кроме чеченских, находились в горах Андаля.

В одно из времен к имаму явились посланцы от великих наибов, прося у него мира с этим проклятым Воронцовым, чтобы последний вернулся к себе. Они боялись, что другое русское войско уже достигло моста на реке в округе Хид. Имам забранил их, сделал им выговор, пригрозил им и, назвав их глупцами, сказал: „Истинно, этот проклятый Воронцов не будет возвращен обратно нашей к нему мягкостью. Он вернется только при условии получения того, что он хочет из заложников и договоров“, и он снова поносил их и говорил по их адресу грубые слова за их слабость и бессилие.

Однажды к имаму пришел некто, сообщивший о том, что некоторые мужчины Андаля ходят тайно к русским. Имам призвал их наиба Рамадана, находившегося в Элисанджи, сообщил ему об этом и послал его отсечь головы тем, кто будет найден совершающим подобные поступки, и отправить эти головы к русским.

Рамадан пошел, сделал среди них розыск и узнал, что трое мужчин носили бурки Воронцову. Он их убил, отсек их головы и, насадив их на колья, выставил на пути русских к водопою. На лоб одной из голов привесили записку с надписью: „Это — воздаяние тем, кто ходил к вам. До сих пор мы вами не занимались. Но отныне вы увидите, что произойдет между нами и вами“. Когда весть об этом случае дошла до Воронцова, он был огорчен и не смог этого перенести. Он ругал отступника Мусу ал-Анди, который ранее призывал русских и обольщал их пустыми надеждами. Он заявил Мусе: „Поистине, ты, шайтан, раньше говорил о том, что Нахбагаль, Багуляль и Андаль придут к нам

покорные и подчинятся нам, когда мы спустимся на их равнины. Где же те приходящие? Да и кто придет, если они делают такие вещи?"

С этого дня исчезла неприступность Воронцова и сломалась его сила и суровость. Затем один из наибов напал с тыла ночью на вышедшую оказию русских. Рассеяли, разграбили и уничтожили ее, а те, кто был с нею, были прогнаны туда, откуда пришли. Затем преградили эту дорогу завалами и перерезали ее [для движения]. А начальник этой оказии сидел в Темир-хан-шуре запертый, растерявшийся и беспомощный. Проклятый Воронцов был вынужден отступить и уйти обратно.

Говорили, что его приход в Дарго был предпринят только с целью сокращения и облегчения пути для своего спасения.

Глава о приходе русских в Старое Дарго и о начале борьбы против них

Эти проклятые русские оставались на равнине Ансаля около месяца. В конце этого [месяца] имам узнал, что его жена Фатимат сильно больна. Он вышел из Дарго, чтобы навестить ее в Сальбари. Когда он остановился в Дарго Джавад-хана [т. е. Новом Дарго], к нему пришел сообщивший о том, что русские завтра спустятся в Старое Дарго.

Наибы Чечни и их отряды уже разошлись по своим родным местам. Тогда имам, находясь в Новом Дарго, написал письма, созывая ополчение, и разослал их в ту же ночь. К жене своей он послал одного своего товарища, а сам вернулся назад, дабы не сказали, что он убежал от наступающих русских. Когда он достиг Старого Дарго, русские показались на вершинах гор со стороны Ансаля. Небольшой отряд товарищей имама полетел навстречу русским и из леса завязал с ними сражение.

Имам еще ранее приказал наибам, находившимся на равнине Андаля, спешно выйти в Дарго, в случае если туда направятся русские, с таким расчетом, чтобы они попали в Дарго раньше русских. Наибы пришли к имаму со своими отрядами, предводительствуемые Микаилом. Дома Дарго были сожжены, а войска имама вышли в его окрестности. Русские расположились на равнине Дарго и поставили свои палатки. Имам в ту же ночь послал один отряд извлечь спрятанные там пушки и притащить их. Их притащили.

На второй день русские, партия за партией, отправились к тому месту, куда были сброшены трупы их знати, перебитой в Дарго, о чем было упомянуто в начале главы [о Дарго], и возвращались обратно. Рассказывали, что направившихся туда с этим проклятым Воронцовым было 30 тысяч человек. Когда русские расположились в Дарго, имам послал забрать оттуда его семью и больную жену и перевести их в Элисанджи.

Рассказ. Родственник хозяина дома, где остановилась семья имама в Сальбари, находился среди русских. Он тайно пришел к семье домохозяина и приказал им привести в условленное место сына имама Мухаммеда Шафи, который был еще маленьким мальчиком. Он сказал: „Нам за это будет полная мерка серебра и золота“. В один из дней пошли их дети [родственников хозяина] с детьми мухаджиров, а с ними был и Мухаммед Шафи, с намерением собирать зелень. Когда они зашли далеко, Мухаммед Шафи намеревался вернуться обратно, но дети хозяина не пустили его. Тогда он сказал своим товарищам [детям мухаджиров]: „Моя бабушка не оставляет меня и не позволяет мне уходить далеко, а эти ведут меня в далекое место“. Тогда его товарищи закричали и начали звать на помощь. Затем эти товарищи поспешно вернулись и стали кричать издалека, снова зовя на помощь.

Этот крик услышал наш брат набожный Мухаммед ал-Инхови. Он также закричал и позвал на помощь. Вышли люди и взяли Мухаммеда Шафи, он уже был близко подведен к месту, где были привязаны лошади на неровном узком спуске. И хвала аллаху, владетелю миров.

Глава о сражении в Бальгите

В один из дней имам вывел из Бальгита на смотр своих солдат с барабаном и трубами, на которых они играли и забавлялись. Против них вышли русские войска. Завязалась сильная битва. Большинство русских и два их офицера были убиты, в связи с чем истощилась их решимость и увеличилась их скорбь. В этой битве пал смертью праведника юноша-храбрец проницательный Хитын ад-Данухи, да будет свята его душа. Затем вышли русские войска на дорогу в Анди для сбора провианта. Имам послал вслед за ними наибов с их войсками. Эти войска перебили русских. Их валили, как сжатые снопы и срубленные деревья, одного на другого и забрали у них пушку. На второй день вышла оказия русских. Войска имама напали на нее и сражались с русскими и с фронта, и с тыла, и справа и слева до тех пор, пока не перебили их, как в первый день. От них забрали другую пушку, лошадей и множество различных вещей. Русским досталось провианта только небольшое количество.

Во время этого сражения Сухайб, чеченский наиб, пошел обмыться в лощину, куда никто из войск имама не спускался и нашел там около 300 русских, зарезанных и брошенных. И хвала аллаху, владетелю миров.

Глава об отступлении русских из Дарго

Русские пребывали там несколько дней, терпя сильный голод и большие трудности до того, что

проклятый Воронцов беспрестанно плакал и, удрученный горем и скорбью, просил аллаха всевышнего о своем спасении. Когда увидел его в таком состоянии Илия ал-Курчи ал-Иригляви, то он обнял его и сказал: „О ты, отец. Не печалься и не огорчай своих детей при трудностях. Истинно, я, сын твой, спасу тебя от этих, вынеся на своей спине". Благодаря этому стала великой мощь Илии среди русских а Воронцов сделал его приближенным к себе, так как он прекратил его скорбь и укрепил бодрость его войск. Затем в один из дней, рано утром, русские на глазах у всех принялись сжигать свои палатки. Осталось из их палаток только около 27 штук. Затем они поднялись для бегства. Войска имама в лесу напали на них с четырех сторон. Убивали их и валили, как сжатые снопы и срубленные деревья. Бывало так — окружат отряд из них, напав спереди, и избивают его до тех пор, пока не уничтожат весь и не заберут то, что есть у них из лошадей, мулов и прочего имущества. Бывало так: кто-либо из войск имама нападет на какого-нибудь русского и забирает от него то, что ему понравится. Один даже взял из рук русских повод мула, на котором везли „казну", и увел его с собой, и русские не могли помешать этому. Ночью русские расположились на холме Цамутар. На второй день они продолжали отступление, а войска имама делали с ними то же, что и в первый день. Ночевали русские на холме между Шуном и Алири. На третий день они пошли таким же образом: их избивали, косили и раздевали до тех пор, пока они не спустились в селение Шамхаль-Бирди.

В этой битве пали смертью праведников прямоидущий наиб Сухайб и передовой храбрец Ильдар. Рассказывают, что Воронцова несли в железном сундуке и рассказывают, что нес его Илия ал-Курчи на своей спине.

Глава о сражении в Шамхаль-Бирди

Когда русские остановились в Шамхаль-Бирди, то войска имама окружили их и держали несколько дней в осаде. Русские зарыли в землю там и по дороге все тяжелые и дорогие вещи, как то: пушки и пр. Войска имама непрерывно нападали на них со всех сторон, они же уже не оказывали им сопротивления и не были в состоянии защитить самих себя. Там выстрелом из пушки был убит один их начальник в своей палатке. Воронцов опять там плакал, а Илия утешал его как и прежде, так как он уже плакал три раза. Русские испытывали голод и сильную жажду. Голод и жажда их едва не погубили. Они высасывали влагу из деревьев. Рассказывают о том, что один бывший среди них отступник предложил солдату 15 куршей [рублей?] за початок кукурузы. Солдат ответил: „А что я сделаю с этими 15 рублями после моей смерти?“

Рассказ. Рассказывают, что у Воронцова была молочная корова, его кормили ее молоком. И вот украл эту корову, вследствие сильного голода, Джавад-хан, сын Мустафы-хана аш-Ширвани. Он при выступлении взял с собой в поход почти сотню слуг. Корову сварили и съели ночью, а кости зарыли под палаткой Джавад-хана. Когда настало утро, стали искать корову для дойки. Когда ее не оказалось, принялись обыскивать вещи и всякие места, вызывающие подозрение. Наконец, наткнулись на зарытые кости. Когда об этом сообщили Воронцову, то он разжаловал в чинах Джавад-хана и приказал прогнать его от них. Изгнанный Джавад-хан нанял за 100 мискалей [золотых монет] в проводники одного чеченца, и тот повел их [Джавад-хана с его слугами] трудной, неровной и опасной дорогой в Темир-ханшуру, куда он, наконец, доставил его после многочисленной гибели среди его слуг. Конец.

Когда имам, таким образом, осаждал русских, к нему пришла весть о смерти его жены Фатимат, да помилует ее аллах всевышний. Он послал людей для похорон, а сам попрежнему остался при осаде. Затем пришли к нему наибы и начали упрашивать его вернуться к себе домой. Они говорили, что их одних [без имама] достаточно для [окончания] дела этих осажденных врагов. Имам вернулся домой. Наибы и их ополчения были изнурены войной; она приносила им большой урон, и они терпели от нее несчастья. Они голодали до того, что даже жарили мясо павших лошадей и ели его.

Когда русским стало известно об уходе имама, они радостно возвестили об этом барабанным боем и [игрой] на трубах. На завтра пришла к ним помощь с провиантом из крепости Гурзали. Путь между ними был очищен и подкрепление прорвалось к осажденным. В их тылу неподвижно стояло около тысячи солдат в строю, чтобы не напали на них с тыла. Они не двинулись с занимаемого ими места, хотя и были перебиты все до последнего. Рассказывают и передают, что русские, если бы остались в той осаде еще хоть день, то из-за сильного голода и трудностей все бы сдались имаму. Рассказывают также, что Воронцов, когда спасся, подсчитал павших из своего регулярного войска и других людей. Оказалось, что из войска недостает 13 тысяч человек. Он заплакал и сказал: „Грозил мне шайтан Шамиль и дело вышло так, как он сказал".

Один, бывший тогда с русскими, христианин, который затем принял ислам и стал хорошим мусульманином, сказал: „Истинно, я не совершил бы клятвопреступления, если бы поклялся в том, что с Воронцовым было 300 тысяч человек". Он сообщил также: „После возвращения Воронцова было сообщено в тех вилайетах, откуда было набрано его ополчение, о том, что из числа взятых в ополчение вернулась только

одна четверть". И хвала аллаху, владетелю миров. Ученый, познавший [тарикат], хаджи, знающий наизусть [Коран], Абд ар-Рахман ас-Сугратли сочинил в ознаменование этой битвы и в память некоторых тех, кто пал в ней смертью праведников, касыду, и вот она:

Хвала за милости. Благодарность за благодеяния.
Терпение при испытаниях во всех обстоятельствах.

Затем молитва над светом ясным для нас,
Избранным сеидом — лучшим из всех сотворенных,

Над семьей его вместе с сподвижниками — людьми благочестия
И чистоты и их последователями — владетелями совершенств.

Истинно, когда стала прелестной доблесть имама,
То свет его объял род человеческий. О ты, владетель молодечества!

Люди несправедливости оказались в вечном сокрушении.
Разве в чаще лесов ты не видел этого сокрушения?

Трупы их опозорены, одежды их захвачены
С помощью и по решению владыки прямых путей.

Взоры их остекленели от страха и ужаса,
Когда распространилось и вышло за пределы противоположное их желаниям.

Благодарите Хитына[1] и просите от милости его сотоварищей,
Ибо в раю они направляются к самому высокому месту стояния.

Помни Сухайба[2] с его последователями — нашими молодцами,
Вот они воевали и поэтому отправились в райские сады.

---

[1] Хитын ад-Данухи — наиб Шамиля. Пал в сражении при Бальгите См. стр. 188.

[2] Сухайб — наиб в Чечне. Пал в погоне за русскими при их отступлении из Дарго. См. стр. 189.

Проси заступничества у Ильдара[1] и его сотоварищей.
Несомненно, они уже собрали счастье наград.

Нанижи на их нитку жемчуга Хаджи-бека ад-Дилими,
Ведь все братья его получили смерть за веру.[2]

Они пали смертью праведников на пути аллаха — нашего творца.
Вы лицезрели настоящую стойкость с их стороны в обстоятельствах битв.

Взамен своих жен, при помощи газавата и джихада
Они в раю получили гурий и слуг — гулямов.[3]

Они отправили душу в лучшее из мест ее пребывания —
В светлицу, очищенную от всякого запаха земной скверны.

Он, податель знаний, дал мученикам благость и милость
Во время их предсмертной агонии.

О храбрость, дарующая победу напавшему мужу!
О влечение к битве, дополняющееся пылом радости!

Народ джихада стрелял из пушек и нападал так, что любовь
К нанесению поражений заставляла забывать все несчастья.

От уклонявшегося в сторону они прежде его отклонялись.
Они дополняли стрельбу отталкиванием различных бедствий.

Наши герои били справедливыми мечами
Тела обреченных на гибель, владетелей заблуждений.

Наши храбрецы сражались за правду, только ее они сильно желали,
Они не стремились к иному при встречах с врагом.

Они очистили сердце от злобы и зависти.
Это [верное] средство от смешения [доблестей] с ложной славой.

---

[1] Ильдар — наиб Шамиля. Пал в погоне за русскими при их отступлении из Дарго. См. стр. 189.

[2] Глосса: „Действительно, его старший брат Даци пал смертью праведника во времена Гази Мухаммеда, да будет свята душа его. Младший его брат Султан-бек пал смертью праведника во время выхода из Ахульго, о чем было сказано выше. Да помилует их аллах всевышний. От автора“.

[3] Гулям — мальчик, слуга, паж, раб.

Доказательство сказанному мною — победа, дарованная от простирающего [т. е. аллаха].
Оставь юношу: его мысли — несбыточное воображение.

Обязанность братьев моих — удаление душ своих
От заблуждений порока при несчастьях.

Где львы нападающие, ведущие и господствующие?
Ведь в могилах для них — благо жизни.

О владыко, дай нам в делах наших истинное направление,
Направь наши устремления на самые лучшие подвижничества.

Владетели положений прямого пути находятся в благоденствии,
Однако оно затруднилось запрещением нашим юношам хватать бешеных.[1]

И сколько храбрецов, когда устремляются к нападению из рвения,
То щедрость завоеваний заставляет их забыть свои трудности.

Удачи победы даруют тебе их сокровища в лесу,
Где уже собрана вся совокупность добыч.

Если ты был совершившим грех и ослушание, то
Надейся на покрытие прегрешений хранителем.

Дополнение. Рассказывают, что проклятый Воронцов, когда вернулся с таким позором и скорбью и сел на свое место в Тифлисе, то было брошено в почтовый ящик[2] его канцелярии письмо следующего содержания: „Эй, ты, собака Воронцов! Да переломает аллах ноги твои, отсечет руки твои, ослепит глаза твои и сделает немым язык твой. Ты навлек на нас несчастье.

---

1 Смысл стиха неясен. Взамен „бешеных“ в рукописи *А* поставлено „сборища“. О ком идет речь — пока установить не удалось.

2 В рукописи *К* глосса: „Согласно установлений их [русских] закона ставят ящик в канцелярии рядом с открытым отверстием в стене на улицу для бросания в него бумаг о том, что хотят изложить этому вали для того, чтобы он рассмотрел это дело и исполнил в соответствии с их законом. От автора“.

Из-за твоего злополучия пали на нас пять бедствий. Ты погубил большинство наших мужчин, загнав их в место гибели. На нас напала холера. Налетели на нас тучи саранчи и навлекли на нас голод. Произошло сильное землетрясение, которым разрушены дома и некоторые селения. И все это из-за твоего злополучия. Нас обрадовали твоим прибытием и мы, радуясь тебе, зря истратили три миллиона". Конец.

То землетрясение, которое произошло там в том году, разрушило [много] высоких домов и даже одно из селений Эривани, в котором было около 500 домов. На это селение утром в день землетрясения упала скала с самой высокой горы. Из этого селения никто не спасся, кроме 2 мужчин, находившихся в городе Эривани и ночевавших там в ту ночь. Пыль на месте разрушенного селения не прекращалась около недели, а тот, кто приближался к селению, слышал грохот. Рассказывали также, что жители этого селения кызылбаши [т. е. шииты] и христиане были людьми порока и прелюбодеяния до того, что даже брат жил со своей сестрой. Конец.

Когда прочитали проклятому Воронцову это письмо, он огорчился и не мог этого перенести. Он собрал начальников и глав, пытаясь обнаружить бросившего это письмо. Но он обнаружен не был. Весть об этом там распространилась. У Воронцова не было возможности уклониться от помещения этого письма в их газетах: газеты по их обычаю пустили его в оборот на его посрамление. Аллах всевышний — судья мудрый.

Глава о приходе русских в Карах

Когда проклятый Воронцов пошел в Анди, то Аргут, проклятый генерал, выступил в поход со своим регулярным войском, людьми и различным сбродом из отступников Чахаля, спасшихся во время взятия их селения, Цадакара, Тумаля, Гази-Гумука

и отступников других селений. Они направлялись из Мукарура в округ Мукраты, а оттуда, воспользовавшись оплошностью жителей, проникли в округ Караха.

Часть жителей Караха убежала в ущелья, горы и округ Киль, другая же часть осталась, намереваясь заключить мир с Аргутом. Когда русские остановились в Карахе, они уничтожили и забрали имущество части жителей. Тяжесть этого пала на тех, кто до этого был в безопасности от их вреда. Были сожжены некоторые селения. Аргут проклятый назначил над ними из их же среды чтеца для выполнения его [Аргута] приказов. Затем Аргут пошел против Кибида Мухаммеда ат-Тилики, который находился у себя дома. Аргут остановился на горе Кахит против Тиккаля. Большинство караляльцев вернулось по своим домам. Аргут потребовал от Караляля, Мукрата и округа Кинсыр помощи людьми. Тогда искренне преданные аллаху убежали в Тилик. Наиб имама с некоторыми ополченцами остался в селении Киль, а остальные послали требуемое Аргутом. Некоторые из тех, кто был послан, были ранены, а некоторые убиты руками мюридов. Эта посылка помощи Аргуту явилась причиной отвращения сердец ополченцев от неверных. Они еще до этого были раздражены посылкой [их] в войска ислама и сбором [среди них] ополчения [Шамилем]. Жители думали, что если они заключат мир с русскими, то последние оставят их пахать и жать, пить и есть. Конец.

Аргут проклятый оставался там. Он еще до этого устроил большой мост [по дороге] из Чоха, т. е. по нему приходил приходящий и уходил возвращающийся со стороны Чоха. На этом мосту неоднократно происходили сражения с совершавшими набеги мюридами. И вот в один из дней Аргут с некоторыми своими войсками направился в округ Хид для того, чтобы подняться на этот мост и соблазнить своим

приходом некоторых из греховодной знати этого округа. Но когда он нашел мост сожженным, то вернулся обратно.

Аргут оставался в таком положении на горе Кахит до тех пор, пока не пришло к нему [сообщение] о провале дела Воронцова и изменении его намерений. Тогда проклятый Аргут отступил оттуда, а мюриды преследовали его с тыла. Некоторые из мюридов пали там смертью праведников, среди них — наш брат, подлинный ученый и непреклонный мухаджир Мухаммед ал-Хунави, да покроет его аллах всевышний небесными щедротами. Некоторые из отступников забрали в плен моего устаза хаджи Дибира ал-Карахи ал-Мамуна. Но Аргут, стараясь снискать расположение народа к русским, освободил его с возвеличением и почестями. И хвала аллаху, владетелю щедрот и славы.

Глава о поселении в Новом Дарго

Когда аллах всевышний отстранил от них это великое бедствие, имам и его товарищи стали совещаться в отношении места, в котором они могли бы поселиться; некоторые из них указали на Старое Дарго, но имам этого не захотел. Затем они ездили и кружили по лесам и ущельям Элисанджи, но не нашли ничего подходящего. Когда они проезжали по равнине Видана, имам увидел хорошее и наиболее пригодное для поселения место, которое сейчас уже заселено. Тогда имам остановился в Старом Дарго и послал в Видан к владельцам этого участка двух своих товарищей, чтобы они посоветовались по этому поводу с ними. Те выказали удовлетворение и радость этому и продали намеченный участок имаму за наличные деньги. Тогда они расположились там со своими семьями и всем, что было с ними, и заселили этот участок. Затем в зуль-хиджа

этого года имам женился на госпоже Захидат, дочери шейха, наставника Джемаль ад-Дина, да помилует его аллах всевышний.

Глава о сборе имамом войск для похода в Черкесию

Это было потому, что черкесы беспрерывно присылали одно за другим письма имаму, прося его придти к ним для укрепления их строя и усиления борьбы с врагами и их противниками. Имаму говорили, что черкесы — народ порядка, режима и дисциплины. Тогда имам двинулся в 1262 [1846] г. с семью большими пушками, их снаряжением, лошадьми и солдатами, и пешим и конным войском, перед которым не устоять врагу, не встретиться и не выйти навстречу из страха.

Они шли так, пока не пересекли реку Терек. Имам думал сделать здесь остановку на некоторое время для того, чтобы испытать хваленые качества черкесов. Но когда он нашел их землю гладкой и ровной, на которой не видно ни лесов, в которых можно было бы укрыться черкесам, ни ущелий, в которых можно было бы их поселить, то пропало его стремление, и он пожалел о своем приходе. Он расположился на равнине Кабарды. Черкесы посылали к нему посольство за посольством. Свои семьи они переселили в леса. Имам назначил над ними наибов из их же среды. И вот через несколько дней, в то время когда они уже намеревались повернуть и уйти обратно, пришел к имаму один из их наибольших хитрецов. Он привел превосходную лошадь для имама и посоветовал ему в интересах дела вернуться обратно. Имам не показал ему вида, что он принимает его совет. Сразу же после его ухода они двинулись в путь. И тогда только имам послал к этому советчику сообщить ему об этом. Они шли до тех пор, пока поздним утром не достигли берега реки Терека.

Там находились русские войска, [пришедшие] для того, чтобы отрезать им путь. Войска имама напали на них, сражались и прогнали русских в сторону. После этого сразу же они начали переходить реку вброд, но прежде чем вышли из реки, враг открыл по ним стрельбу из пушек. Когда они перешли реку, то остановились на одном месте пообедать. Здесь к имаму пришел наиб Бута и сказал: „А разве ты не видишь этих [врагов]?“ В это время русские войска уже приблизились к их тылу. Имам его спросил: „Что мы будем сейчас делать?“ „Я думаю, — ответил Бута, — что нужно поторопить конницу в поход, а пехоту спрятать вот в этом лесу“. Имам отверг его мнение и сказал: „Мы не бросим отставших и не оставим ослабевших, но пойдем сомкнутыми рядами. Того же, кто пойдет вслед за нами, будем бить и давать отпор. На тех же, кто нападет на нас спереди, будем наступать сами и заставим отступить“. Они выступили и быстро двигались, идя днем и ночью до третьего дня, а русские шли вслед за ними без боя в боязни и страхе. Народ — и всадники, и пехота — падали от одолевающего их сна, а к имаму не приходила даже и дремота из-за одолевающих его забот об ополченцах и слабых. Когда стал тяжел для них этот быстрый безостановочный поход, имам с товарищами направился на находившуюся поблизости вершину горы и оставался там до тех пор, пока отставшие не догнали передних. Товарищи имама там спали, но к имаму не шел сон из-за одолевающих его забот.

Там мимо него проходил его наиб Халид. Имам спросил его: „О Халид, что ты сейчас больше всего хочешь?“ — „Больше всего хочу спать“, — ответил Халид. „А я больше всего хочу изношенную шубу“,[1] — ответил имам. Затем поднялись и пересекли реку.

---

[1] Что подразумевается под этим ответом Шамиля — для нас неясно.

Пришли русские солдаты с намерением перерезать дорогу отставшим войскам имама. Тогда им навстречу с этой стороны [т. е. со стороны передовых частей] выступил хаджи Яхья с пушкой. Со стороны реки он выпустил по ним снаряд, который упал в гущу русских войск. Они рассеялись и не смогли выполнить свое намерение. И хвала аллаху, владетелю миров.

Глава о сражении в Кутиши

В начале осени этого текущего года, о котором уже упоминалось [1262 г.], имам выступил для нападения на вилайеты султана Данияль-бека, предварительно посоветовавшись с ним. Когда же они встретились в Карахе, то решили, что в интересах дела победы нужно выступить против Цадакара и Акуши. Имам направился туда и напал на жителей Цадакара. Войска забрали у цадакарцев имущество и отправили его в Салатау. Цадакар изъявил покорность и повиновение. Затем пошли на равнину Акуши. Имам послал мудира Кибида Мухаммеда и тех, кто находился под его мудирством, Гази Мухаммеда ат-Тилики, наиба округа Хид и других для нападения на Кутиши. С ними он послал свою пушку со снаряжением и приставленными к ней солдатами. А сам и те, кто был с ним, расположились в „Длинном Селении“ [1] для того, чтобы на следующий день отправиться в селение Акуши. Здесь к вечеру пришел к имаму один мюрид из жителей этого селения и сказал, что русские уже приблизились к селению и что это селение непригодно для сражения с ними. Тогда имам вышел из этого селения и расположился в другом. Он собрал мудиров и наибов и совещался с ними. Согласились на том, чтобы итти в Кутиши.

---

1 В рукописи *К*: „в селении Хуляль Айа“.

Когда они остановились в Кутиши поздней ночью, к имаму пришли Кибид Мухаммед и Гази Мухаммед. Имам спросил Кибид Мухаммеда: „А укрепил ли ты завалы на окраинах этого селения высылкой дозоров и приготовлением места стрельбы для пушки?“ — „Да, все это мы сделали“, — ответил Кибид. Кибид встал, и имам вновь наказал ему об укреплениях. После утренней молитвы Кибид Мухаммед опять пришел к имаму. Имам послал его для построения и расстановки войск и отведения каждому наибу определенного участка обороны окраин. Затем пришел к имаму сообщивший, что русские уже близко. Имам вывел тех, кто был при нем из наибов, для того чтобы каждый из них со своими ополченцами приготовился к битве. И только что имам сделал два раката утренней молитвы, как русские всадники проникли на улицы селения. Войска имама вышли из селения. Осталась там пушка, часть лошадей, одежда и прочие вещи. Остались также осажденными в одном доме около 6 человек из округа Хид. Солдаты три раза пытались приступом взять их, но не смогли их одолеть. С наступлением темноты русские повернули обратно, а эта шестерка вышла, сняла одежду со своих убитых и присоединилась к имаму в Салатау. Имам обласкал и похвалил их. Поистине „храбрость — это терпение на час“. Конец.

Так было, а всевышний аллах сказал в ясной книге откровения его великому посланцу и благородному любимцу, нашему господину и пророку Мухаммеду, да будет над ним молитва аллаха всевышнего и мир: „И те дни мы заставляли чередоваться среди людей“.[1]

Я сочинил касыду с окончанием на „т“ об этом отступлении с целью утешения имама и поучения благородных наибов. Вот она:

---

[1] Коран, 3_{134}.

Радуйся — успех уже выполнил то, что из радостных вестей
Обещали стихи истины — „А разве мы не раскрыли".[1]

Хвала тому, кто испытывает праведных, по мере их убеждений,
Бедствиями, в противоположность милостям.

Благодарность за его воскрешение исчезнувших было учений Мухаммеда
При посредстве одного за другим [идущих] по высоким путям тариката.

Терпенье нужно в том, чем он нас испытывает в соответствии
С его мудростью, такое же как терпенье благородных при любых трудностях.

Хвала принадлежит ему, ибо мы ему исповедуем,
Потому что он — достойный прославления — податель милостей.

Благодарность ему — обязательна, ибо за нее от него будет больше.
Если вы его благодарите, то его ответ за это придет.

Терпенье неизбежно для нас по его предрешениям,
А это терпенье бывает не иначе как только с помощью его, так же как и повиновение.[2]

Молитва аллаха над тем, кто был первым из них,[3]
Когда начиналось творение всего, он — печать для пророчеств,

Молитва его над ним и мир за то, что он испытал
В апостольстве вкус трудностей всяких.

Над его семьей, сподвижниками, затем — посланцами и всеми
Их последователями в добрых делах и бодрствовании [на молитве].

---

[1] Имеется в виду 94-я сура Корана: „А разве мы не раскрыли твоего сердца, не сняли ли мы с тебя твоего бремени, которое тяготило твою спину? Не увеличили ли мы тебе славу твою?.." и т. д.

[2] В рукописи *А* глосса; „Т. е. так же как не бывает повиновения, кроме как при его содействии и помощи. От сына автора".

[3] В рукописи *А* глосса; „Т. е. из тварей сотворенных".

А затем. Любое дело есть решение аллаха.
Он его выполняет по воле своей. Он — деятель соизволений.

Он устраивает каждое дело[1] среди тварей своим могуществом
И не лишит его сил все то, что есть во всем сотворенном.

Он вращает это дело превратностями[2] по своему желанию.
По мудрости он не отсутствует во всех правильностях.

Что бы вас ни постигло,[3] это — из его даров.
Что за бедствие, поразившее неожиданно! Оно принесло радости.

Если вы были крайне стеснены этим испытанием,
То в его сокровищницах есть и исправление переломов.

Если от вас ушло вооружение, то у него есть помощь.
Если от вас ушли молодцы, то ведь падением за веру.

Если вас постигла тягость, то после нее — две радости,
Ибо аллах милосерднее, чем матерей милосердие.

Истинно, бедствия — мы забываем о их трудностях,
Вспоминая о величайшем. Смотри на соотношения.[4]

Разлука с нашим сеидом и похороны нашего избавителя
Мухаммеда по милости [аллаха] — самое губительное несчастье.

Смерть ал-Яраги, друга аллаха, тяжелее того,
Что мы испытали от некоторых поражений.

Также смерть за веру Гази Мухаммеда,
Объявителя шариата, после его исчезновения.

Тезка дяди пророка — Хамзат был убит несправедливо.
Разве может быть горе после этих несчастий.

---

[1] В рукописи *А* глосса: „Например, помощь, победу и пр. От сына автора".

[2] В рукописи *А* глосса: „Т. е. путем перевертывания раз так и раз по-другому. От сына автора".

[3] В рукописи *А* глосса: „из испытаний".

[4] В рукописи *А* глосса: „Т. е. соотношение того, что вы перенесли, к тому, что я указываю ниже. От сына автора".

Сколько, сколько милостью аллаха отвращался ущерб,
И сколько, сколько помощью его забирались добычи.

По обилию этих милостей мы забывали кислоту наших неприятностей.
Что за кислота, коль за ней идет надежда на сады рая.

А может быть эти испытания суть покаяние,
Восходящее по ступеням, которые устраиваются только при помощи бедствий.

А может быть это — наказание за злополучие
Смешавшегося с порочностью поступков или любовью к величию?

А может быть это — предзнаменование
О внезапном нападении врагов, ведущее к осторожности перед ними?

Это то, ради чего необходимо бодрствование управителя и
Его управляемого без рассеивания внимания.

Истинно, порядок — у него совершенство такое, как множество камешков.
Не надлежит оставлять его ни при каких обстоятельствах.

Ведающий каким-либо делом — на нем обязательство
Соблюдать это дело со старанием, избегая падения и не слушая разных слов.

Поистине, охранение — приготовил его пророк так же, как и разведывание,
И придерживайтесь его (о вы, наибы) в соответствии с шариатом.

Постигайте дела, преодолевайте страсти, не будьте,
(О вы, наибы), беспечны в необдуманных решениях, поднимайтесь к искомому.

На вас — решимость и осторожность. Оставьте нерадение,
Ибо оно только посеребренное украшение, рассейте вероломства.

Этого вот, что я сказал, не смогут отвергнуть
Владетели ума даже из народа вражды.

О владыко, помоги над врагами нашему Шамилю,
Нашему имаму ислама, самому усердному из сотворенных.

Охрани его войска от поражения и падения
И от обращения вспять при встрече с врагами.

Это — Мухаммед Тахир, подвергшийся искушению страсти,
Надежда его — хотя бы пылинка от владетеля заступничества.

Глава о сражении в крепости Салатау

В конце весны 1263 [1846/47] г. к имаму пришло от Идриса, наиба Гергебиля, тайное, с просьбой о помощи, сообщение о том, что русские идут против их крепости. Имам выступил с вооружением и снаряжением. Когда он достиг плато Хунзаха, его встретили Кибид Мухаммед ат-Тилики и Гази Мухаммед ат-Тилики. Они сказали имаму: „Здесь нет сведений об этом". Имам пошел дальше и остановился на равнине селения Куруда и здесь услышал грохот пушек. Имам полетел птицей и когда поднялся на гору Ифут, то увидел русских, отступающих от крепости после нападения на нее с осадными лестницами и разрушения из пушек одной ее части.

Воронцов проклятый отступил оттуда с большим уроном среди своего войска. Когда Воронцов увидел, что смерть от холеры по причине жары в той местности стала многочисленной, то отступил от крепости. Он ушел с войсками и остановился на горе Дурчали.

Затем дошла до имама [весть] о том, что Воронцов проклятый направился против крепости Салатау. Имам поднялся со своими товарищами и остановился в стороне Дарада, а наибы с их ополчениями

вернулись по своим местам. Проклятый оставался там около месяца, затем выступил против крепости Салатау. Имам призвал на помощь наибов с их войсками.

Затем он поставил в крепости двух наибов, каждого из них с половиной его регулярных войск, а остальных выставил снаружи для охраны дороги от выходящих из крепости и направляющихся в нее и для сражения с врагами с тыла и флангов. Неверные повели наступление на крепость с флангов, а также сверху снарядами, которые разрушали крыши и взрывали землю. Осажденные сделали вылазку из крепости. Они завязали битву и множили среди русских урон убитыми и ранеными, даже среди офицеров и глав.

Те, кто находились с проклятым Воронцовым из христиан и прочих, неоднократно беседовали между собою о том, что пули солдат не поражают цели, даже одна из сотни, между тем как те [т. е. войска имама] не сделают ошибки, у них ни одна пуля не упадет на землю. И это — помощь аллаха всевышнего. Конец.

Рассказ. В Салатау к Воронцову пришло письмо от царя: „Я посылаю к тебе молодого человека, одного из искреннейших моих приятелей и любимейших друзей для того, чтобы он приобрел у вас большой чин и высокое звание. Почти его прибытие и сохрани его достоинство“.

Воронцов послал для встречи и сопровождения этого молодого человека 3 тысячи лучших всадников. Они встретили его у Кизляра и повернули обратно с ним и его слугами, радуясь и развлекаясь до тех пор, пока не приблизились к равнине Салатау. Несмотря на то, что сопровождавшие окружали его с четырех сторон и поместили его в середину, пролетела маленькая слабая пуля и со звуком „зирт“ поразила этого молодого человека позади уха. Он

упал, его принесли к Воронцову, и он умер. Из него вынули внутренности, положили ему в нутро лекарства и отослали его труп туда, откуда он пришел. И хвала аллаху, владетелю миров.

Когда проклятый Воронцов увидел силу находившихся в крепости и многочисленность урона среди своих войск, то он погнал свои войска перерезать дорогу в крепость. Эти войска после сильной борьбы взяли дорогу. Дело стало таковым, что не осталось никакого пути для входа в крепость или выхода из нее, кроме как только посредством прорыва преград и рядов войск неверных. А на ряду с этим осажденные все множили урон среди неверных до того, что они отсылали оказии с ранеными через каждые три дня.

Проклятый Аргут был ранен пулей в лицо. И сколько, сколько раненых и убитых из их больших и великих [начальников]! Три раза плакал проклятый Воронцов и рвал на голове волосы от раскаяния. Он гонял войска на штурм крепости около 16 раз. В то время была среди обеих сторон сильная холера. Затем наверные пошли на хитрость. Они построили рядом с крепостью с наружной ее стороны укрепленную башню, возвышающуюся над теми, кто находился в крепости. Они сделали под крепостью подкопы, заложили в них порох и подожгли его для того, чтобы взорвать и расколоть [стены] крепости. Когда же это не ослабило осажденных, то русские, да оставит их без помощи аллах всевышний, начали портить воду и осквернять ее, бросая туда трупы и помет животных. Таково было дело.

Имам ранее приказал тем, кто находился вне крепости, наносить ущерб неверным со всех сторон и не давать им ни покоя, ни досуга в их лагерях с целью вызвать досаду и раздражение врага до того, чтобы враги озлобились на этих [нападающих извне] и сердца их наполнились гневом и яростью.

Когда осада находящихся в крепости и [лишения] различного порядка затянулись до 3 месяцев, то они ночью покинули крепость без разрешения имама. А имам уже в ту же ночь послал к ним помощь со снаряжением и провиантом. На следующий день имам при сборе наибов и ополчений сказал следующее: „Что касается этого проклятого Воронцова, то не он одержал победу над нами, а мы над ним. И этого никто не знает, кроме как я и он". Конец.

А подтверждение слов имама состоит в том, что рассказывается о войсках русских, находившихся в селении Ухлыб. Когда эти войска приготовились к стрельбе из пушек по установлению их закона при прибытии к ним Воронцова и уже выстрелили один раз, то к ним быстро побежал адъютант Воронцова и [издали] знаками показал им, чтобы они этого не делали. Подойдя же к стрелявшим он сказал, что Воронцов запретил это. Будучи спрошен о причинах подобного запрета, он ответил: „Чему ему [Воронцову] радоваться и веселиться? Разве вы не видите вон тех?" И он показал на оказию, везущую раненых. Один конец этой оказии уже достиг селения Ухлыб, а другой еще не вышел из Цадакара.[1]

Затем он сказал: „Поистине, эти мюриды вышли из крепости Салатау не из-за нашей победы над ними. Они оставили ее по причине осквернения воды, которой они пользовались, и из-за отсутствия мест, где ее можно достать для [нужд] их религии". Передают также о том, что убыль в их регулярных войсках убитыми в Салатау [составляла] 17 тысяч человек, кроме убитых из числа находившихся с ними жителей различных вилайетов и кроме тех, кто умер от холеры. И хвала тому, царству которого нет ни ущерба, ни конца.

---

[1] В рукописи *А*: „а другой конец ее был на далеком расстоянии от Ухлыба".

Глава о сражении в крепости Гергебиль

В начале лета 1264 [1847/48] г. имаму сообщили [прося о помощи] о том, что русские идут против крепости Гергебиль. Имам выступил с вооружением и снаряжением и остановился на горе Ифут, а его войска спустились на равнину Гергебиль. Затем в один из дней эти войска выступили против громадных русских войск и бились сильным боем до тех пор, пока не прогнали русских обратно в их основной лагерь. Затем пришли русские издалека. Они пересекли горы сзади крепости и постепенно окружили ее со всех сторон. На местах, возвышающихся над крепостью, они построили башни. Затем они прервали дорогу для входа и выхода из крепости. Когда усилилась осада находившихся в крепости, то они ночью ушли из нее.

Дополнение. Эта крепость была построена там без одобрения имама. И после ее постройки он не обращал на нее много внимания и в то же время не хотел, чтобы ее совершенно оставили. Конец.

Русские принялись разрушать крепость, жечь селение и срубать деревья. Жителям Гергебиля и мухаджирам из той стороны имам приказал поселиться на обширной местности Ули. Обе стороны [войска имама и русские] стояли без движения некоторое время, ведя пушечную перестрелку.

Некоторые ополченцы из войска имама пошли и, укрывшись в садах Гергебиля, наносили поражения тем, кто отделялся от основных сил русских войск. Когда же русские начали отступать, то эти, укрывшиеся в садах, с боем напали на них с тыла. Когда же битва усилилась против отступавших, то они повернули обратно, атакуя и нападая. Там у мюридов были некоторые потери. В этой схватке пали смертью праведников ученый (довольный милостью аллаха) наш брат Абу Бекр ал-Чиркави, наиб и ученый Хад-

жар ал-Хихали, ученый Шихша, муфтий Аварии, ученый Хаджияв, сын ученого Мухаммеда ат-Тануси, Химмат ад-Убуди и ряд других. Да наделит их и нас аллах всевышний благоденствием рая, и хвала аллаху, владетелю миров, царю, судье и владыке.

Глава о нападении на Ахди

Осенью этого года имам выслал под предводительством мудира Данияль-султана войска и пушки со снаряжением и солдатами. Данияль-султан взял крепость Ничик и забрал там в плен около 300 человек из отступников и их глав. Когда имам догнал войска, то он освободил этих пленных, а их глав отослал в крепость Ыриб. Войска спустились в Ахди и нашли местных жителей обрадованными приходу имама, горящими желанием встретиться с ним. Были рады даже женщины и дети. Войска имама осадили крепость, бывшую в Ахди, и сражались против нее. Жители Ахди наиболее сильно [по сравнению с другими войсками имама] сражались и атаковали крепость, в связи с чем множество из них было убито. Некоторые же из жителей Ахди, отступники, находились в крепости среди русских.

В один из дней хаджи Яхья ал-Чиркави попал начиненным пушечным ядром в пороховой погреб крепости. Огонь зажег погреб, и он взорвался. Стена со стороны этого погреба рухнула. И не осталось никаких препятствий для проникновения в крепость, кроме промедления самих же наибов и их нерасторопности. Но никто не бросился на штурм крепости, кроме Мисигулава ал-Анди. Но эту брешь уже заградили и укрепили мешками с провиантом. Находившиеся в крепости в связи с осадой страдали от сильной жажды. Затем от рук самих же осажденных попал огонь на хранившиеся у них в башне начиненные пушечные ядра, отчего сгорели некоторые их солдаты.

Имам приказал подложить под стену в одной из сторон их крепости порох. Порох подожгли, стена раскололась на две половины, внутренняя половина стены продолжала стоять, а наружная рухнула. Дело находившихся в крепости пришло в расстройство, они убежали с места битвы в дома, расположенные внутри крепости. И [опять] никто не бросился на штурм крепости, кроме одного только наиба Кадия ал-Ишичали. И вот, в то время когда войска имама были заняты осадой и битвой, вдруг на горе, со стороны Ширахаля, показался проклятый Аргут с многочисленным войском. Они начали спускаться [с горы] к войскам имама. Изменился цвет лица народа, заколотились их сердца, высохли их рты и притихли их голоса и речи. Враг же после спуска открыл стрельбу из пушек. Те, кто был занят осадой крепости, вернулись обратно в селение. Осажденные вышли из крепости, они даже сами бросались в воду от сильно мучившей их жажды. Осаждавшим ничего не осталось, кроме бегства.

Как раз в это же время к имаму пришли с радостной вестью два посланца от наиба, которого имам поставил с всадниками числом, не превышающим 500 человек, для наблюдения за округом Хазра. Посланцы сказали: „Мы встретили там [в округе Хазра] некое войско, мы их обратили в бегство, поубивали, забрали в плен и раздели“. Конец.

Рассказ. Рассказал его один христианин, взятый в плен в этой битве [в округе Хазра], принявший затем ислам и ставший хорошим мусульманином. Он сказал, что их [т. е. войск, разбитых наибом] было около 500 всадников, они пришли из Куба, области отступников и христиан, и расположились в том месте [где напал на них наиб]. Они ожидали холостого выстрела в воздух, который должен был сделать [как условный знак] Аргут для совместного наступления с двух сторон на войска имама. Они пили и ели, не представляя себе никакого нападения на

них ни с земли, ни с неба. Их верховые животные были пущены на пастьбу. Часть солдат была в воде, некоторые спали, другие же сидели, не обращая внимания на оружие. Сперва на них подул мягкий приятный ветер, затем их окружили какие-то всадники. Они увидели их, как будто бы они покрыли все лицо земли, среди них было множество расшитых и белых знамен. Напавшие некоторых из них взяли в плен, некоторых раздели, а остальные спаслись. Их оружие и верховые животные остались в руках напавших. Конец.

Когда пришли эти два посланца, успокоилось волнение войск, их души наполнились мужеством, пришли в движение их желания [борьбы] и повысились их голоса.

Имам приказал кривому Мухаммеду Эфенди ал-Хуми направиться к тем спускавшимся [русским] с 20 товарищами имама для битвы с ними и отражения их. И народ пошел против тех, даже женщины и дети. Они сражались, убивали и прогнали русских. Русские стали подниматься [на гору], отступая, а сзади них войска имама сражались с ними, наступая, до тех пор, пока те не поднялись на вершину горы. Тогда вышедшие из крепости вернулись обратно, укрепились в ней и опять были осаждены как раньше. В один из дней начальник крепости отправил находившихся там отступников из Ахди обратно в их селение, поклявшись им, что эта крепость будет завтра взята. Когда же они пришли в Ахди то имам послал их и некоторых из тех, кто находился в селении, в крепость селения Ыриб в качестве заложников. Среди них был их ученый, поэт Мирза Али. На следующий день со стороны Хазра пришел проклятый Аргут. Войска имама для сражения вышли на обширную равнину и там сражались.

Пали смертью праведных Осман наиб Ири, муфтий Ири, ученый Мухаммед, сын Маруфа ан-Нукуши, два

ученых, мухаджир Хаджияв, сын Цитави ал-Хучути, и Мухаммед, сын Абд ал-Латыфа ал-Элисуви, оба товарищи Данияль-султана, и ряд других. Затем войска имама отступили, а враги нападали на них сзади, раздевали, брали в плен и убивали. Все войска имама отступили, и он сам вернулся. Однако люди селения Ахди не нападали на них сзади, подобно всем прочим отступникам. Имам поставил наблюдателей из своих товарищей в теснине дороги для того, чтобы они отобрали у ополченцев все то, что последние взяли у жителей этих селений, и возвратили обратно владельцам. Конец.

Затем из числа тех, кто был забран в плен в этом сражении, некоторые умерли в руках русских, некоторые были обменены на тех, кто был взят оттуда заложниками, и на начальников крепости Ничик. Большинство из тех, кто был там взят в плен или убит, были люди Данияль-султана.[1] По его возвращении, утешая его, я написал ему письмо, в нем вот эти два стиха:

Стоит ли печалиться, когда есть уже предрешения.[2]
Мы стремимся, поистине, к достижению только того, что
предрешено.

Владыка решает, а рабы — на них долг быть довольными.
Ведь каждый из них [будет] вознагражден.

Заключение. Сочинил этот поэт Мирза Али, будучи огорчен заключением его здесь и гневаясь.[3]

---

[1] В рукописи *А* глосса: „Т. е. из округов Караха и Кынсыра, правителем которых был Данияль-султан. От сына автора".

[2] В рукописи А глосса: „Которые исходят от творца земли. От сына автора".

[3] В рукописи *К* глосса: „Эта касыда из сборника произведений поэта [Мирзы Али] ал-Ахди. Когда он попал в заключение к имаму и Данияль-султану, то Данияль пообещал ему ответить на это его письмо [в котором заключалась касыда], но промедлил несколько дней, желая исполнить данное обещание и забыв вследствие того, что постигло его из событий и печалей при разлуке с ним [Мирзой Али?]. От автора".

Поистине, я — чужеземец. Моя книга — мой друг.
Поистине, я — одинок. Горе мое — мой собеседник.

Я был поражен заботой и скорбью настолько, что
Где же мне равный? где мне подобный?

Я удален от всего, что у меня было.
Где же мое дешевое? где мое дорогое?

Пришли уж в расстройство моя мысль, мой ум и мое понимание.
Ну, как я буду беседовать с плохим размышлением?

Я не мог понять того, что прошло надо мной,
Будь то в четверг или среду.

Не было для меня приятным то, чем я питался,
И горькой мне была прохладительность чаши.

Я жалуюсь аллаху на мое огорчение и мою трудность,
Я стал слабым, презренным не имея покровов [защиты].

Спроса на меня не осталось ни у какого народа,
Мои чистые деньги для них стали как мелочь копеек.

Надеялся я на пользу от людей этого времени,
Но они оказались общиной людей злосчастий.

Я встал перед ними, чтобы их возвысить,
А мое стояние им показалось подобно сидению.

Я служил им, дабы были они благодарны.
Любой из них возглавляемый был надо мной возглавляющим.

А они погубили справедливости и благодарны не были.
Искомое нами они заменили обратным ему.

Для каждого мужа, который хранит обещания,
Уединенность сердец — лекарство для душ.

Веселость лица — доказательство верности,
Нет пользы от грозного и угрюмого.

Содействия моего владыки заставляют распускаться узлы
И отсекают бедствия так же, как отсекают секиры.

Аллах! тяжелое сделай легким для нас.
Обрадуй, милосердный, мои несчастия-беды.

О истина! Приведи меня к истине, о мой владыка.
К истине того, кто не шел как эти язычники.

В 1264 [году] я был посажен в тюрьму глубокую,
Заключен был в темницу темную.

Посылай же молитву и мир преславному,
Пока тянутся строки и длится бумага.

И Мирза Али взывает к своему владыке:
О владыка, будь для меня [защитником] и уничтожь творящего против меня козни.

В параллель стихам Мирзы Али я сочинил стихи в утешение путем назидания и с призывом благословения для тех, кто остался там из пленников. Мои слова:

Я прославляю владыку главного посланника,
Молитва над ним и сладостный мир.

Что за удивление — жалоба сотворенного
На того, кто перед людьми стоит на молитве,[1]

Объединив все условия и выполнив все основания
Словом и делом, молится с возглавляющим сердцем,[2]

С умыванием и омовением, с обращением молитвы в сторону „кыблы“,[3]
С сохранением времени [молитвы] и покрытием покровами.

У него — и еда и питье, но он хотя бы похлебки или воды
[Всегда] недостаточной тронул.

---

[1] Т. е. на имама, главная обязанность которого стоять на молитве впереди всей общины, представительствовать перед аллахом от молящихся.

[2] Т. е. молится от чистого сердца, соблюдая все правила моления.

[3] „Кыбла“ — сторона по направлению к Мекке, куда поворачиваются лицом мусульмане во время совершения молитвы.

Нет, он обязательно дождется утешения трудностей,
Посредством милости тайной, или дорогого подарка.

Беседует о ним тайно сердце сокрушения,
Отсекая примеры людей, имеющих позорные мысли.

Нет пользы, которую бы мог принести любой возглавляющий из них,
И нет вреда, который могла бы оттолкнуть мощь их возглавителя.

Хвала за то, что мечеть — место твоего испытания,
И за то, что ты не был испытан ни в какой церкви.[1]

Когда бы ни захотел устроитель всего какое-либо дело,
[Он совершает его], вырывая насаждения человека.

Да, и я жалуюсь, [прося] аллаха о братьях в религии,
Которые остаются в оковах, пленниками у русских.

Разве они могут совершать молитву, [находясь]
В заключении у противника — сурового врага.

Над ними надзиратель сердитый, упорный,
С неприятной речью и злоперечащим нравом.

Какое уж там омовение, какое уж обращение к кыбле
И соблюдение времени молитвы для этого узника.

Откуда им питье и пища,
Чистые и очищающие в тюрьме „аруса".[2]

О владыко, владыко, владыко, ты — избавление от
Заботы опечаленного и от скорби в тюрьму заключенного.

Ты — освобождение каждого беспорочного пленника
Для исповедания веры и благодеяний вопреки злу.

---

[1] Т. е. что ты был наказан в мусульманской среде, а не среди христиан.

[2] Значение слова „арус" в данном контексте непонятно, обычное его значение — жених. М. б. автор ошибочно употребил его в значении „русский".

Этим утешает Карахский в горе сердце ахдийца,[1]
Сведущего в стихах, и „корону голов".[2]

Я подражаю стихам безупречным, декламацией их
В возвышенном их расплавлении, как свет солнц.

В 1264 [году] мы восхваляем аллаха, нашего владыку, за то,
Что он наградил нас оставлением заблуждений.

Да благословит он и ниспошлет молитву над преславным,
Вестником радости, предостерегающим и стирающим всякие мерзости.

Глава о сражении в крепости Чох

В 1265 [1848/49] г., когда проклятый Аргут направился против крепости Чох и начал расширять к ней дорогу, имам собрал войско на поле Хутуб и устроил там совещание с наибами, пригласив и хаджи Мусу, наиба крепости Чох. А до этого сообщили этому наибу тайную весть о том, что намерение врагов — взять две горы: первая гора — Сугур и вторая — Али Мамад, находящаяся справа от первой. Имам приказал наибам приготовить завалы на подступах к этим горам и укрепить их посредством земляных работ и построек. Наибы вышли до наступления рассвета и начали в темноте укреплять эти горы, а имам, придя туда, расположился между этими двумя горами, [наблюдая, чтобы] не было упущений в этом деле.

На следующий день он назначил каждому наибу место его битвы и пребывания. Наибы приготовили [к битве] надлежащим образом отведенные им места.

На третий день после этого пришел проклятый (Аргут) с его шайтанами. На битву с ним вышли некоторые люди и сражались. Затем проклятый приблизил большие пушки, поставив их у крепости на

[1] Т. е. сердце Мирзы Али ал-Ахди.
[2] „Корона голов" — вероятно, прозвище Мирзы Али ал-Ахди.

расстояние полета стрелы, выкопав рвы и соорудив навесы над этими пушками. Русские открыли из этих пушек стрельбу по крепости. Они стреляли большими снарядами по крепости и всем войскам, расположенным вокруг нее. Эти снаряды причиняли такой урон, что даже палатку имама из предосторожности перед этим ущербом передвигали три раза на разные места. Затем неверные, да оставит их без помощи аллах всевышний, взяли гору перед крепостью и гору сзади крепости и стреляли, и стреляли без конца до тех пор, пока не разрушили большую часть стен крепости, находившихся внутри строений, и башню, которая возвышалась над крепостью.

Враги заставили тех, кто был в крепости, скрываться в подземных норах, сделав их, таким образом, не имеющими даже возможности стрелять по русским.

Когда дело пришло к такому положению, то склонились рога наибов, твердость оставила ополченцев, а их мужество и храбрость ослабели. Тогда имам собрал всех наибов, включая и наиба крепости. Он делал им выговоры и ободрял их. Он им сказал: „Истинно, вот те, начальники русских, работают и день и ночь над усилением их положения и возвышением их дела. Они держатся за свой закон и руками, и ногами, и коленями и зубами по приказу какого-то христианина. А вы не придерживаетесь религии аллаха всевышнего, который есть ваш владетель и создатель, кроме как двумя сторонами вот этих — мизинца и большого пальца“, и он обвел вокруг этих двух пальцев.

Затем он поклялся наибам: „Поистине, я не оставлю желтой чалмы на ваших головах, если вы задумаете отступить, оставив эту крепость в руках этого проклятого. Лучше и не мечтайте об этом“. Затем он сказал хаджи Мусе: „Чтобы ты у меня берег и укреплял со своими товарищами место той башни

на вершине крепости! Если ты только сойдешь с нее, то я непременно пробью твою голову до мозга и набью ее солью". На этом и разошлись.

Хаджи Муса укрепил это место, наполнив множество мешков землей и сделав из них стену, за которой они скрывались. Весь народ принялся носить на плечах бревна из далекоотстоящего леса во время летней жары, и это в то время, когда они постились. Они заваливали этими бревнами и землей бреши в стенах крепости, чтобы сделать такие стены, за которыми можно было укрыться.

Люди хаджи Мусы и отряды прочих наибов, таким образом, получили возможность защищать крепость. Зашивался рот каждого, кто говорил о том, что неверные возьмут эту крепость. Как-то ночью неверные захватили находившийся вне крепости источник воды, [которым пользовались осажденные]. Когда об этом узнал имам, он послал одного своего товарища из людей хаджи Мусы с сотней людей последнего и сотней людей Сугратля для того, чтобы напасть и прогнать неверных с этого места и не дать им возможности отрезать [от крепости] этот источник. Посланные напали на русских, поубивали их и обратили в бегство так, что они даже оставили одну из своих пушек. Затем русские вернули свою пушку и отошли от источника.

Затем неверные начали применять разные хитрости для того, чтобы поджечь деревянные завалы стрельбой из пушек зажигательными снарядами. Тогда имам для тушения возникающих пожаров приказал наполнить большой пруд в крепости водой, наносив ее извне [крепости]. Когда увидал Аргут проклятый, что он не ослабит осажденных любой хитростью и не сможет взять крепости любым коварством, то принялись неверные однажды ночью стрелять из каждого „просверленного и выдолбленного" [т. е. из всех орудий и ружей] до тех пор, пока не отступили в конце той же ночи.

Когда утром осажденные узнали об отступлении русских, то пошли вслед за ними, сражаясь и убивая их. Пришло облако. Оно окутывало преследующих до тех пор, пока последний из врагов не поднялся на гору Чальда-Раала. Когда же облако рассеялось, преследующие вернулись обратно. В яме было найдено около 13 мер пороха, оставленного русскими.

Когда имам увидел произведенные в крепости разрушения, он сжалился над теми, кто находился в ней. Это даже заставило его заплакать. Проклятый Аргут оставался там [на горе Чальда-Раала] несколько дней. Имам приказал всем наибам построить стены крепости, так же как они были до прихода проклятого, дабы рассердить и разгневать Аргута. Эта битва длилась около 2 месяцев.

Когда я получил радостную весть об отступлении этих неверных, я сочинил касыду, и вот она:

О как прекрасны радостные вести приходящего брата.
Уста его как будто бы меда изливают.

Хвала аллаху, разливающему радостные вести потоком.
Благодарность моему владыке за удаление варваров.

Молитва над идущим с мечом истинной веры.
И мир над защитником достойных защиты.

Над его семьей и сподвижниками — львами его общины,
Мечами его доказательства, стирающими заблуждения,

И над следующими по их пути и в войне и в мире,
Продающими свои жизни, домогаясь благоволения.

А затем. Аллах он — владетель содействия и помощи
В победе и избавлении, устранитель забот.

Пришел враг со снаряжением и вооружением —
Аргут с главарями людей отступничества.

Намерение их — одолеть укрепление в [селении] Чох
И поселиться в нем, путем изгнания оттуда людей шариата.

Старания их подкреплялись их подкопами и ухищрениями,
Такими, что множество их не мог счесть созерцающий.

Всем тем, что важно и всем тем, что ничтожно
Они усилили битву выше всякого разумения.

Затем имам, повелитель правоверных, возвысил
Руководство свое над намерением гордого кафира.[1]

Шамиль ополчил свои великие войска и
Управлял своими наибами наиблестящим порядком.

Тогда стал обратным исход дела неверных.
Стремления их улетели по путям потерь и погибели.

Ночью они все разбежались, повернули обратно и отступили
Туда, откуда они уж не уповают вернуться впоследствии.

Спроси проклятого, спроси у солдат: „Каковым вы нашли
Имама пред лицом битвы при встрече?"

Как будто бы он — скала, нет, даже — горная вершина,
Пик которой вонзен в глаз нападающих.

Спроси наибов, спроси ополченцев, сообразно желанию —
Как среди них проходило его руководство?

Как он поражал!? И какое благоразумие и решимость
В его заботах об охранении мест, вызывающих опасения!?

И сколько, сколько его слова противоречили стремлениям разным,
Но исход этих слов приходил сообразно желаемым целям.

И сколько, сколько раз помыслы его бывали совпадающими
С тем, что аллах желал в сокровенном.

О вы, наибы и управители, все вместе, усвойте себе
Качества наисовершенного в джихаде халифа.

Послушно и покорно трудитесь для споспешествуемого
И тогда в делах достигнете желаемых целей.

---

[1] Т. е. неверного.

Соблюдайте его слово, опасайтесь его действий,
Выполняйте его приказания, воздерживайтесь от противоречий.

О владыко, продли жизнь Шамиля, ибо им обрадовано время,
Он — укрепляющий нашу религию, оживляющий наши пределы.

Он — пасущий людей истины всех в совокупности
Долготой его жизни на самом высоком месте стояния.

Даруй победу его наибам, исправь его управителей
В устройстве войск и исправлении подданных.

Содействуй их ополчениям, убереги их всех
От нарушений шариата на путях его искажения.

В день цветущий шаваля 1265 года наш подарок и
Лучшее приветствие преславному пророку.

Это — Мухаммед Тахир, выправленный в своем изломлении
Словами для всякого дела во всяком благе.

О владыко, хвала тебе за ислам, за его истинность,
Дай нам жить и дай умереть при чистоте устремлений.

(Своими словами „выправленный в своем изломлении словами для всякого дела" [Мухаммед Тахир] хотел сказать, что он был расслаблен и сломан для „вершины горба", т. е. для лучшей из форм служения исламу [священной войны] в виду слабости и болезни в суставах так, что трудно было ходить и стоять, и аллах всевышний выправит его в день воскрешения путем сотоварищества с совершавшими газават. Ведь сказал наш сеиид Мухаммед, да будет над ним молитва аллаха всевышнего и мир: „человек — с тем, кого он любит").

Глава о первом сражении в Шали

В начале зимы 1266 [1849/50] г. пришли русские с многочисленным вооружением и обильным снаряжением для рубки просек в Шали. Имам собрал войско

и выступил со своими пушками и снаряжением и солдатами при них. Русские рубили [лес] и жгли каждый день с утра до вечера, а войска имама сражались с ними. Они шли по их следам и при отступлении и при наступлении, сражаясь с ними при помощи пушек и ружей по мере своих сил. Русские были там в таком положении до приближения окончания зимы. Затем они ушли, понеся многочисленный урон. Вернулись и войска имама. Пали смертью праведных из войск имама [несколько] человек. Среди них наиб, ученый Турач ал-Карати, наиб храбрец Муртади Али ал-Урути, да вознаградит их добром аллах всевышний. В этом году был устроен завод [для изготовления] пороха, который толкли при помощи воды, и был установлен порядок сбора и покупки материалов для изготовления пороха.

Глава о назначении Гази Мухаммеда, сына имама, наибом

Когда пал смертью праведника Турач, наиб Каралаля, имам стал советоваться с учеными и приближенными о том, чтобы назначить над каралальцами наибом своего сына Гази Мухаммеда.[1]

[1] В рукописи *К* глосса: „В эту зиму впервые началось житье бедного писца у имама в Дарго. Ему дали имя Мухаммед Тахир. Когда имам и его войско вернулись из Шали, то имам приказал ученым и тем, кто считался суфиями, погадать на Коране. Писец увидел, что смысл стиха Корана, прочитанного при гадании, указывает на то, что наибство предназначено ему, т. е. Гази Мухаммеду. Я жил у него в Дарго после этого много лет и зим, раз за разом, до тех пор, пока не умер мой отец между возвращением сына имама Джемаль ад-Дина и приходом русских в Буртанай для закладки там крепости. Да соединит нас аллах в доме ислама. От автора, да помилует его аллах всевышний“. — В рукописи *А* в тексте: „Имам приказал ученым и людям тариката погадать на Коране, и небрежный сей передатчик увидел, что в книге написано о том, что наибство предназначено ему [т. е. Гази Мухаммеду, сыну имама]. В эту зиму впервые началось мое житье у имама в Дарго. Во время этого житья меня назвали Мухаммед Тахир, а раньше было мое имя — Мухаммед Тылав. Я жил у имама после этого одно время года за другим до тех пор, пока умер мой отец во время между возвращением сына имама Джемаль ад-Дина и приходом русских в Буртанай для закладки там крепости. Конец“.

Ученые это одобрили после некоторого обдумывания и размышления. Его назначили наибом, а он, сын, 18-летний мальчик, еще не достиг зрелости. И он сидел там, т. е. в Каратах с учителями — одним за другим, и управлял каралялыцами наилучшим управлением и наказывал их как самый мягкий начальник. И с того времени, как он занял эту должность, он не перестал вплоть до этих наших дней отличаться благоразумием и мудростью и быть восхваляемым за сострадание, милости, почитание и уважение к народу, отсутствие гордости и кичливости и за прочее то, что приличествует достоинству правителя и наиба в части религиозности, соблюдения [порядков и законов], твердости, мужества, джигитства и превосходства. И да пусть это не перестанет быть таким же образом до появления Махди перед страшным судом и пусть будет он [Гази Мухаммед] увеличивать совершенство в науке и справедливости и доброе стремление к праведности и совершенству. И не отвлечет его обилие благоденствия от благодарности благодетельствующему [ему аллаху].

Глава о втором, третьем и четвертом сражениях в Шали

В начале зимы 1267 [1850/51] г. неверные с более многочисленным [чем раньше] снаряжением и большей силой пришли опять в Шали для рубки леса. Имам выступил с войском, как и первый раз. Войска имама сражались с русскими таким же образом до окончания зимы, перенося большие затруднения и совершая переходы в трудных и тяжелых обстоятельствах. Они выступали с мест своих ночевок каждый день рано утром в сильные зимние холода и по обильной чеченской грязи шли к далеким местам сражений и возвращались обратно после захода солнца. И при этих условиях наносили урон русским и сами терпели

урон от русских. И хвала аллаху, владетелю миров, это и есть великое сражение в Шали. Произошло оно и произошло еще два, кроме него, в восьмом и девятом годах.

Глава о втором, третьем и четвертом набегах на Хайдак и Табасаран

Когда стали многочисленными от жителей Хайдака и Табасарана к имаму различные послания и посланцы один за другим с просьбами — послать какого-либо наиба с войском к ним для того, чтобы этот наиб установил среди них управление по шариату и объединил их в регулярную армию ислама, дабы они действовали, как единая рука против достойных злополучия русских, то имам выступил в начале лета этого седьмого года со своим снаряжением и вооружением и расположился лагерем на горе Ругж. Он послал наиба Омара ас-Салати с другими двумя наибами Кади ал-Ишичали и Нур Мухаммедом ал-Карахи с их ополчениями и ополчениями других наибов всего числом до 3 тысяч. Омар вернулся с дороги. Имам дал ему и его двум товарищам [наибам] отставку.

Тогда Хаджи Мурад ал-Хунзахи попросил имама послать его с пятьюстами всадников при условии, что среди этих всадников будут наиб Хусейн ал-Гергебили, Шан Гирей, заместитель наиба Ибрахима ал-Гимри и наиб Батир ал-Мехельти со всеми их товарищами. Затем имам с его войском пошел и остановился в селении Бухти. Затем пошел [дальше] и остановился на горе Дурчали. Против них вышли русские, и они сражались. Пали смертью праведников некоторые люди, среди них новый наиб ученый Мухаммед из селения Уради округа Хидали. В то время, когда народ убежал, свежий юноша и неокрепший мальчик Гази Мухаммед, сын имама, выказывал превосходную стойкость, со своими товарищами числом около 6 че-

ловек. Благодаря этой стойкости получили спасение множество бегущих при непосредственной помощи самого Гази Мухаммеда, сражавшегося против тех, кто преследовал сзади убегавших. Это было первое его сражение после назначения его наибом, и хвала аллаху всевышнему за дарование ему успеха и направление его по верному пути. Конец.

Хаджи Мурад с тем, кто был с ним, пошел и напал в селении Буинаксе на дом Шахвали-хана, брата отца шамхала Муслим-хана. Они убили его и забрали в плен его детей и жену, сестру Джамава ал-Хайдаки и захватили все то, что было в его доме из оружия, женских драгоценностей и пр. Там был ранен наиб храбрец Батир ал-Мехельти. Он умер в Табасаране. Затем они отправились дальше, забрав с собой этих пленников и имущество. Когда они достигли селения Хайдак, то жители Хайдака попросили их освободить ради них этих членов семьи [взятых в плен], обещая за это склонить ее брата [т. е. брата жены Шахвали] Джамава к миру и соглашению. Но Хаджи Мурад не захотел послушаться этого и [даже] не обратил внимания.

Имам послал их [Хаджи Мурада и его войско] для того, чтобы они поселились там в каком-нибудь укрепленном месте, построили там неприступную крепость и установили бы свое управление среди жителей тех вилайетов, а также, чтобы они согласились на борьбу с врагами и подчинялись имаму. Однако Хаджи Мурад не намеревался это сделать. Он шел по своему пути и обыкновению в отношении грабежа и похищения, отсюда туда, оттуда сюда.

Они таскали за собою тех пленных туда, куда сами шли, подобно кошке, перетаскивающей своих котят туда же, куда она переселяется сама. Так они пребывали там некоторое время. Народ тех вилайетов не согласился с ним [Хаджи Мурадом] и не объединилась их разрозненность вокруг него. Тогда они вернулись

обратно, убегая и обгоняя друг друга. Та женщина спаслась, убежав в дороге во время происшедшей в пути схватки. Пали смертью праведников этот храбрец, совершенный мухаджир Шан Гирей и ряд других. Когда вернулся Хаджи Мурад, то вернулся и имам и дал ему отставку.

Дополнение. Когда Хаджи Мурад получил отставку, то это стало тяжело для него, он был огорчен и совершенно подавлен. Тогда он и те, кто шли вместе с ним, принялись опорачивать перед жителями Хунзаха хунзахского наиба и имама так, что даже побудили большинство их знати к выполнению приказов Хаджи Мурада, [заставив их пойти] путем неповиновения имаму и нарушения договора с наибом. Когда это неповиновение их имаму обнаружилось, то вышли против них некоторые войска имама. Те же собрались и объединились в селении Балахичи для оказания сопротивления и борьбы. После всякого всего народ, наконец, отделился от Хаджи Мурада, и он попал под суд имама. Но имам простил его. После этого ни в каком жилище не мог найти себе Хаджи Мурад приюта и ни в каком доме — покоя; он уничтожил большую часть имущества своего дома — и все это из-за плохих качеств своего характера. Рассказывают, что его устрашила клевета. Он убежал к русским, забрав с собой некоторую сумму наличных денег. Осталась здесь его семья и дети, и раскрылось большинство потайных мест хранения его сокровищ. Затем, когда имам был занят сражением в Шали в восьмом году, Хаджи Мурад находился в крепости Сундж. Он послал к имаму просить отпустить его семью к нему. Имам ему не ответил. Тогда он послал вторично. Имам послал ему ответ следующего содержания: „О глупец! Поистине ты отступил от ислама. Я не глупец, подобно тебе, чтобы послать твою семью для того, чтобы они отпали, подобно тебе“.

Тогда Хаджи Мурад отправился в крепость Чар. Говорили, что он раскаивался в своем бегстве.

Сообщил мне это, а я передатчик — Мухаммед Тахир, достоверный человек, который был вместе с ним в крепости Чар. Он сообщил также о том, что Хаджи Мурад не ел и не пил вместе с русскими. Затем он отправился в крепость Нуха. Здесь между ним и одним из начальников крепости, в то время, когда они совершали прогулку по равнине, произошел спор. Хаджи Мурад убил этого начальника и большинство его товарищей. Затем он убежал с 7 товарищами в сторону Элису и был там убит. И хвала аллаху, творцу и владетелю.

Глава о набеге Бук Мухаммеда

Так как поток писем и посланцев из Хайдака и Табасарана не прекращался, а их жители уцепились даже за подол устаза Джемаль ад-Дина и последний в свою очередь неотступно приставал к имаму, то имам ответил Джемаль ад-Дину, сказав: „Истинно, этот поход — твой. И то, что будет результатом его — твое детище, будь то мальчик или девочка“.

И он послал мухаджира, храбреца Бук Мухаммеда ал-Гумуки, наиба Мукарура с людьми из его наибства и мухаджиров Гази Гумука и Ахди. Они выступили числом около 200 человек в начале зимы восьмого года и начали устанавливать среди жителей Хайдака и Табасарана свое управление и порядки, назначая наибов, кадиев и начальников сотен.

Примерно через 20 дней против них выступили войска русских вместе с множеством отступников из Баршалы, Даракама, Табасарана, Дербенда, Кура, Куба и Ахди. Бук Мухаммед со своими товарищами и те, кто имел с ними соглашение из людей той округи, укрепились в селении Шилахи в стороне Хайдака. Они преградили туда дороги и укрепили все проходы в селение. И вот как-то ранним утром, в день пятницы, враги проникли к ним из-за беспечности

встречных, вышедших на битву против них, и защитников. Когда умножилось убиение, то уменьшилась численность товарищей Бук Мухаммеда. Осталось только около 200 человек, [засевших] в 5 домах, и [вновь] запылал огонь битвы между ними и врагами. Враги зажгли огонь своих пушек против домов, в которых находились товарищи Бук Мухаммеда, до того, что большинство этих домов разрушили. Враги бросались на них в атаку множество раз, но товарищи Бук Мухаммеда косили их раз за разом. Враги поднимались раз за разом на крыши их домов, но они сбрасывали их при помощи шашек и в рукопашную. Враги бросали на них через окна огонь и приближались к ним так близко, что они даже ухватились через окно за одно из ружей врагов, и [враги были вынуждены] силой тянуть это ружье от них. Таким образом они давали отпор врагу до тех пор, пока не наполнились их трупами занятые ими дворы и улицы. Когда наступила ночь, враги отступили от них и выставили караулы на всех дорогах и проходах в селении для того, чтобы сражаться с ними при их выходе. При выходе был ранен двумя пулями павший [впоследствии] смертью праведника храбрец Бук Мухаммед. Его товарищи не могли его нести и оставили там в одном из тех домов, [в которых они защищались]. Враги нашли его еще живым и отправили в Дербенд с почтением и возвеличением. Он там умер и был с почетом похоронен на кладбище Киркляр. Да почтит его и нас аллах всевышний в раю. Там пали смертью праведников около 20 товарищей Бук Мухаммеда и некоторые люди из тех вилайетов.

Что же касается того, что произошло там из урона у врагов, то рассказывали, что было убито из неверных около 2500 человек и около сотни отступников. Были ранены [среди отступников]: Джабраил, брат Юсуфа, начиненным снарядом; Саид, сын его брата [т. е. племянник Джабраила]; Хамзат, сын Харуна;

Амир из Табасарана, сын Джамава; был поцарапан Джамав пулей, которая убила его лошадь, его брат Джафар Кули, и был убит еще генерал.

Первым, павшим там смертью праведника, был Муртади Али ал-Куади, верный мюрид, литейщик пушек. В ту ночь он видел во сне, что как будто бы он вошел в прекрасный высокий дом. Конец.

Да введет аллах всевышний его и нас в рай, по заступничеству того, кто дошел до „лотоса крайнего предела“,[1] да будет над ним без конца молитва и мир.

Что же касается остальных товарищей Бук Мухаммеда, то они попали в трудное положение, приведшее их к плену или смерти. И хвала аллаху, владетелю миров.

Глава о сражении в Чаре

Когда умножились упрашивания мухаджиров Чара о том, чтобы имам выступил против находившейся в Чаре крепости, а эти мухаджиры говорили, что главы и знать того вилайета заключат с имамом соглашение о борьбе против русских и искоренении их из той крепости, то имам выступил с многочисленным войском, пушками со снаряжением и приставленными к ним солдатами в начале осени 1269 [1852/53] г. Когда войска спустились в Закаталы, против них вышли русские. Загорелась между двумя сторонами битва. Затем русские удалились. Там было убито много русских и отступников. Пали смертью праведников: юноша Курбан ал-Карати, знаменосец сына имама Гази Мухаммеда, ученый благочестивый Иса, сын кадия Акуши, и ряд других.

Гази Мухаммед остался в Закаталы и расположился там лагерем, а имам находился на вершине

[1] По мусульманским представлениям о рае, „лотос крайнего предела“ — дерево на седьмом небе, которого не достигали ни ангелы, ни пророки, и только достиг один Мухаммед. Ср. Коран 53_{14}.

горы, возвышающейся над Закаталы. Имам поставил двух наибов для осады крепости „Золотой пруд“.

Из знати Закаталы не пришел к имаму никто, кроме одного. Они, наоборот, укрепились в крепости русских со своими семьями и имуществом. Тогда имам послал отряды в разные стороны, но от них также ничего значительного не получил. Так они простояли там несколько дней. Большинство людей было раздражено холодом и недостатком провианта. Затем имам узнал, что многочисленная помощь из русских под командой Аргута идет против него, в тыл его войскам, со стороны Гази-Гумука. Тогда он со всеми людьми и снаряжением спустился к Гаты-мацих, намереваясь остановиться там. Затем утром следующего дня поднялся к крепости „Золотой пруд“ и сражался несколько дней против нее. Там пали смертью праведников Ахбулат, наиб Тадбутри, и Сулейман ац-Цилики, и были ранены некоторые товарищи имама.

Посланные имамом отряды вернулись. Среди народа усилилось отвращение [к войне] и голод, помощь проклятых спустилась к крепости Чар. Тогда имам разрешил народу вернуться обратно. Вернулся и он сам. И хвала аллаху, владетелю миров. После этого проклятые разрушили крепость „Золотой пруд“, так что не оставили там камня на камне.

Глава о благословенной битве в Грузии[1]

В „десятое“ лето 1270 [1853/54] г. имам выступил в поход со своим снаряжением. Он собрал войско со всех четырех сторон и остановился в Зуну у селения Караты. Свои намерения он скрывал от всех, даже от своего сына Гази Мухаммеда, наиба Каралял.

[1] В рукописи *К* глосса: „Благословенная по обилию того, что было захвачено в этой битве. Что же касается того, что было сделано имамом, то, истинно, оно злосчастно. От автора“.

Когда Гази Мухаммед спросил его: „В каком направлении нам исправлять дорогу для похода?“, то имам ответил: „Исправляй ее во все четыре стороны“. Прежде всего мы изложим то, что содействовало успеху имама, данному ему от аллаха всевышнего и оставившего без помощи его врагов. Это потому, что один шпион вышел и направился к вали крепости Чар. Он пугал этого вали и предостерегал его, говоря ему: „Имам уже выступил, направляясь против тебя с войсками, против которых нет силы устоять кому бы то ни было; [он это делает] для исправления того, что было сделано им ошибочно в прошлом году.[1] Так прими же меры предосторожности“.

Вали поверил этому шпиону и почтил его. Затем он послал письма с сообщением об этом в вилайеты Грузии и к грузинской знати для того, чтобы они явились к нему и охраняли эту крепость [Чар]. Когда имам пришел в Тинды, отправился другой шпион к вали Грузии. Шпион сообщил этому вали: „Имам с многочисленным войском направляется против вас“.

А к этому вали еще до прихода этого шпиона уже доставили письмо генерала крепости Чар о том, что имам направляется против крепости Чар. Вали Грузии не поверил этому шпиону и не послушал его. Он подумал, что это — обманщик и злоумышленник, которого послал имам с целью обмануть их для того, чтобы они не являлись в чарскую крепость. Затем, когда показались знамена войск имама на вершине горы, то их увидели находящиеся в крепости Цунта.[2] Они послали несколько гонцов, одного за другим, с сообщением о том, что „имам и его войско показалось перед нами“. Но в этом им не верили [находившиеся в Грузии]. Они сказали: „Может быть те,

---

[1] Имеется в виду, очевидно, неудачный поход имама против крепости Чар в 1853 году.

[2] В рукописи *А* глосса: „Т. е. в крепости, находящейся на горе Гурджани в стороне Цунты. От редактора“.

кто там — один или два наиба с их отрядами, которых послал туда имам для отвлечения вас от чарской крепости".

Они оставались при этом мнении до тех пор, пока не спустились войска имама на их равнину. И слава ему, всевышнему. Конец.

Затем имам сел верхом с именем аллаха всевышнего, и они шли [без остановки], пока при времени заката не остановились на снежной вершине горы выше крепости Цунта. Имам назначил предводителями над пехотными силами Данияль-султана с Джабраилом Мухаммедом ал-Чиркави, а над конными силами — своего сына Гази Мухаммеда. Он приказал сперва выступить пехоте. Данияль-султан пошел с пехотой, а с ним также храбрец хаджи Мухаммед, сын Туралава, наиб Цунталя. Гази Мухаммед с всадниками пошел вслед за ними. Поздним утром они напали на селение Шилда и вошли в него и прилежащие к нему селения, убивая оказывающих сопротивление, забирая в плен семьи, захватывая драгоценное имущество и сжигая жилища и поселения.

Там пал смертью праведника этот наиб хаджи Мухаммед и ряд других. Они забрали оттуда множество пленных и великие богатства и сожгли все селение, кроме укрепления, в котором укрылись некоторые из жителей селения, среди которых был их мужлан Чавчавадзе, который укрылся в укреплении, пренебрегая пленом семьи и сожжением его дома, о чем будет сказано немного ниже.

Передовые части конницы пересекли реку Алазани и затем, к вечеру, все вернулись обратно и собрались за селением Шилда. Пленных отправили в лагерь к имаму. А имам уже начал сражение против той крепости [крепости Цунта], открыв по ней стрельбу из пушек.

При имаме находилось большинство его товарищей и те, кто остались из пехоты и всадников. Нахо-

дившиеся в этой и второй, расположенной ниже, крепостях сдались имаму. Затем имам послал к своему сыну Гази Мухаммеду и Даниялъ-султану [приказ] о том, чтобы они утром следующего дня сделали набег на церковь Алаверды, находившуюся перед рекой Алазани.

На следующий день они выступили. Один мудир с некоторыми наибами, всей пехотой и ослабевшими всадниками был поставлен в ущелье со стороны селения Кварели для охранения от врагов этого ущелья.

Конники поскакали, обгоняя один другого. Когда они достигли берега реки Алазани, то встретили перед рекой отряд, пришедший из Грузии с намерением оказать им сопротивление и сражаться против них. Этот отряд их не заметил и не принял мер предосторожности. Войска имама напали на них [на отряд] со стороны реки Алазани, и те обратились в бегство, подобно племени Саба. Они обгоняли и опережали друг друга до тех пор, пока не прискакали в какое-то селение. Это оказалось селение Цилиндар. Здесь войска имама взяли в плен жену Чавчавадзе, ее детей, внуков царя Ираклия и тех женщин, которые были с ней из служанок, даже воспитательницу детей — англичанку. Взяли в плен также жену Ильи, упоминавшегося при [описании] сражения с Воронцовым, и молодую девушку из знатного среди них дома. Оттуда забрали драгоценное имущество, украшения и всю утварь и домашнюю обстановку из золота и серебра, забрали даже корону царя Ираклия, перешедшую к нему по наследству от его дедов. Эти богатства были таковы, что не пересчитает считающий их множество и не опишет описывающий их великолепие. Затем сожгли дома Чавчавадзе и вернулись обратно. Когда они перед самым закатом достигли того ущелья, в котором раньше поставили мудира, то встретили врагов, пришедших туда из крепости Кварели. Враги открыли стрельбу из пушек. Некото-

рые из ополченцев побросали часть того, что захватили, и поскакали по кварелинской дороге направо, пока не скрылись от врагов. Затем войска вернулись из леса на то место, где они ночевали прошедшую ночь. Враги убежали из этого ущелья еще до того, как задние части войска прошли через это ущелье к месту их ночевки. На следующий день отослали пленных и захваченное имущество в лагерь к имаму. Они оставались в этом ущелье 2 дня, после чего пришел приказ имама о возвращении к нему. Они собрали домашних животных, волов и буйволов такое множество, что ополченцы даже резали волов для того только, чтобы снять с них шкуру для пошивки сандалий. Были собраны богатства и пленные. Пленных было 894 человека.

Имам после совещания о том, кого оставить для выкупа пленных мусульман, выбрал [из оставшихся пленных] камилей[1] и распределил их между наибами. А их знать имам отослал в сопровождении своих товарищей в Дарго, в заключение. Он отослал также в Дарго жену Чавчавадзе с ее детьми и служанками, жену Ильи, ту молодую девушку и некоторых детей их знати, всех скрытых под покрывалами и неприкосновенных с той целью, чтобы они были выкуплены за деньги. Затем была выплачена каждому, кто принес что-либо из богатств, будь то много или мало, десятая часть [от того, что он принес]. Затем от остатка богатств и пленных была отделена одна пятая часть. Все остающееся было распределено между участвовавшими в захвате добычи: пешему одна доля, всаднику — три доли. Они оставались там около недели. Сожгли ту крепость, а затем вернулись.

Рассказывают, что погибло из жителей Грузии в этой битве около 2 тысяч душ убитыми, пленными или побросавшимися в реку Алазани. И было сожжено

[1] О значении этого слова см. стр. 100.

у них около 18 селений. И хвала аллаху, владетелю миров.

Затем они начали выкупать своих детей, одного за другим, за деньги, настолько большие, что даже говорили, что не осталось вовсе денег в Грузии и стали они в изобилии здесь до того, что подешевели, но приток их все не прекращался долгое время. Да и не прекратит его [этого притока] аллах всевышний вовеки.

Глава о возвращении к имаму его сына Джемаль ад-Дина

Имам содержал этих женщин и тех, кто был с ними, а их было 20 с лишним человек, в хараме[1] своего дома. Он обходился с ними по обычаю, принятому при обхождении с женщинами, — при спущенных покрывалах на лицах и неприкосновенности с возвеличением и почетом. От их родственников приходили один за другим посланцы, прося обменять этих женщин. Примерно через 9 месяцев дело пришло к обмену Джемаль ад-Дина на начальника крепости Цунта. Эти женщины были выкуплены за 13 с половиной мер серебра. Прочие пленные были обменены голова за голову. Место для обмена было устроено между Мухрас-Шуайбом и крепостью Уйсунгур. Имам пришел с наибами и их ополченцами, со своим сыном Гази Мухаммедом и его товарищами, с этим начальником [крепости Цунта] и забранными вместе с ним пленниками и с теми женщинами. Женщины ехали в арбах. Они остановились на берегу реки Мичик. Пришли и русские и расположились на другом берегу. Они ходили одни к другим небольшими отрядами. Пришла весть от барона, в руках которого находилось

---

[1] Харам — женская половина дома, куда запрещено входить всем мужчинам, кроме хозяина дома.

их дело, о том, чтобы прислали к ним сына имама Гази Мухаммеда, примерно с 20 товарищами для того, чтобы они видели его, а он встретил своего брата [Джемаль ад-Дина]. Имам сказал: „Пусть идет, если хочет, уповая и положась [на аллаха]".

Гази Мухаммед отправился с 30 всадниками. Они перешли эту реку и остановились у холма, построившись рядами, с лицами, обращенными к русским. От русских пришло примерно такое же количество из их начальников, сопровождаемых сзади рядами пеших солдат. Русские остановились перед ними [посланцами имама], построившись в ряды и поставив посреди рядов Джемаль ад-Дина. Гази Мухаммеду показали Джемаль ад-Дина, и он подал ему руку. Джемаль ад-Дин вошел было в ряды [товарищей] Гази Мухаммеда, но последний приказал ему оставаться пока, до нужного времени, в рядах неверных.

Среди русских находились перебежавший к ним Бутай проклятый и его сын. Этот Бутай пытался пожать руки мюридам и приветствовать их, говоря „добро пожаловать", но никто из них не посмотрел в его сторону и не ответил на его приветствие; они даже не обратили внимания ни на него, ни на его сына. Это мучило и тяготило Бутая. Затем Гази Мухаммед послал к имаму [сказать], чтобы он прислал тех женщин. Имам прислал их [сидящими] на арбах. Когда эти женщины были уже близко за [рядами товарищей] Гази Мухаммеда, русские привезли три арбы, [груженные] слитками серебра и [привели] пленников для обмена. Юнус взял сына Чавчавадзе и, исполняя то, что было обещано, отдал его сидевшему на лошади его отцу.

Гази Мухаммед похвалил пленников и сказал [обращаясь к ним]: „Благодаря вам возвращаются к нам наши дети". Затем, обращаясь к неверным, он сказал следующее: „Истинно, мы не обращались плохо с ва-

шими семьями, ибо — мы не люди измены и греха. Мы были воюющими поборниками ислама".

Один из русских сказал Гази Мухаммеду: „Не стреляйте здесь из пушек и ружей в знак радости, чтобы не пугались и не боялись эти наши женщины и дети". — „Хорошо", — ответил Гази Мухаммед и приказал им доставить это серебро на арбах на другой берег реки.

Имам приказал еще раньше снять с Джемаль ад-Дина имеющуюся на нем одежду и одеть его в нашу одежду. Удалив народ от Джемаль ад-Дина в сторону, Гази Мухаммед приказал ему переодеться. Затем, когда они отделились от русских, народ стал тесниться вокруг Джемаль ад-Дина для того, чтобы посмотреть и приветствовать его. Когда они перешли реку, то те из русских, которые были с арбами, груженными серебром, начали бросать народу слитки и мешки серебра, говоря: „Это вам, это вам". Но народ не обращал внимания на серебро и никуда не смотрел, кроме как на Джемаль ад-Дина. В связи с этим возвеличился и вырос Джемаль ад-Дин в глазах неверных.

Вместе с ними к имаму пришли от русских два офицера. Они поблагодарили имама за хорошее обращение и уважение этих женщин и детей и, обнявшись с Джемаль ад-Дином [на прощание], вернулись обратно.

Затем из этого серебра была выделена пятая часть, а остальное распределили между участвовавшими в захвате добычи. А затем тронулись оттуда. Когда остановились в одном месте, то наибы построили рядами свои отряды и обходили их ряд за рядом с Джемаль ад-Дином для того, чтобы они досыта насмотрелись на него. Они радовались милостям и щедротам аллаха и стреляли из ружей, проявляя радость и гневаясь на врагов. А что же касается имама, то он находился под одним деревом плача, благодаря аллаха всевышнего, унижаясь перед ним и говоря: „Как будто бы аллах всевышний, слава ему, говорит мне — «А разве ты не

видишь, как поступает твой господь с отданным тобою ему на сохранение и порученным на сбережение»".

Заключение. Посмотрите, какие создал аллах всевышний причины к возвращению отданного ему на сохранение и порученного на сбережение [т. е. Джемаль ад-Дина] из рук его явного врага, проклятого царя русских,[1] который [т. е. царь] до этого держал его в качестве сына 16 лет и обучал его наукам, полезным исламу и мусульманам. Царь наградил его ценными вещами и почтил его всем драгоценным и достойным. И какие плоды удивительные, дорогие и славные дало упование его отца. И все это только от аллаха могущественного и мудрого. „Нет силы и мощи, кроме как при помощи аллаха великого и всевышнего. Да наделит нас аллах всевышний сопутствием успеха и содружеством людей истины на земле и в раю. Да будет молитва аллаха всевышнего и мир над посланцем его Мухаммедом, его семьей и всеми помощниками. Амин. Слава господу твоему, господу величия, величия, превышающего все описания. Мир посланникам и хвала аллаху, владетелю миров".[2]

Здесь конец того, что собрал Мухаммед Тахир во время пребывания при имаме по сообщениям имама и его товарищей, участвовавших в битвах. Затем он дополнил то, что собрал раньше, упоминаниями о событиях, имевших место уже после того, как он собрал [все предшествующее] и назвал.[3]

Дополнение. Через некоторое время после возвращения Джемаль ад-Дина русские вернули Хамзата, сына сестры имама, который был взят заложником после битвы при Тилике. Его вернули в обмен на одного пленного начальника из русских, дав ему богатств еще больше того, что было дано Джемаль

---

[1] В рукописи *А*: „из рук царя русских".
[2] Коран, 37_{180}, $_{181}$ и $_{182}$.
[3] Это сообщение имеется только в рукописи *А*, в остальных рукописях после цитаты из Корана начинается сразу „Дополнение".

ад-Дину. Затем Джемаль ад-Дин и Хамзат начали уговаривать и подстрекать имама на заключение мира с русским царем. Говорилось, что русские освободили их обоих только лишь для этого подстрекательства. По этому же поводу к имаму приходили послы, утверждавшие, что русские возьмут и разрушат все крепости в округах Дагестана и назначат Шамилю и его начальникам великие награды. Но имам этого не принял. Он не склонялся к миру, хотя его и подстрекали товарищи и люди его совета. Он говорил, что русские не выполнят свои обещания и изменят, как изменяли и раньше.

Даниял-султан еще и раньше считал, что если заключить мир с царем, то никакой измены [со стороны русских] не будет. Он думал, что примирение с русскими поможет даже уничтожить слабость ополченцев. В одном из заседаний Даниял-султан спросил этого сына Хамзата: „Что будет, если мы заключим с ними мир?“ Тот ответил ему, что он думает, что будет измена. „Как же может быть измена в словах царя?“ — возразил Даниял-султан. Тогда Хамзат сказал: „Они говорят, что нет беды в измене в отношении низших, таких, как, например, Шамиль“. Даниял-султан уразумел и запомнил эти слова Хамзата. Затем Джемаль ад-Дин был болен долгое время и умер. Затем также заболел Хамзат и также умер. Говорили, что это от „временного“ яда [т. е. яда, определенного на длительный срок действия], данного им.

Глава о начале бедствий и испытаний для Шамиля и его единомышленников

В том сражении в Грузии были многочисленны утаивание добычи, измены[1] и увеличение угнетения со стороны управителей и наибов. Они постепенно

[1] В рукописи *А* добавлено: „как простого народа, так и приближенных [имама]“.

переставали повиноваться. А ведь известно, что „государство продолжает существовать при неверии, но не [может] продолжаться при угнетении“. Конец. И что „гордость — это моя мантия, если кто оспаривает ее у меня — погублю его“. Конец.

И не прибавлял аллах всевышний войскам имама после этого сражения, куда бы они не направились, ничего, кроме принижения и поражения, оставления без помощи и отступления. И в то же время не было у глав и правителей ничего, кроме удаления и гордости, у имама — кроме опущения узды правления и подтверждения,[1] у семьи имама — кроме расширения за пределы дозволенного имамом и припрятывания,[2] у простого народа — кроме недовольства правителями и неодобрения этого припрятывания. И это „потому, что аллах совершает любое дело, которое должно совершиться“.[3]

Я даже слышал, как имам, когда он был в Ишичали, толковал в одной из своих речей это сражение в Грузии, как злополучное сражение.

Сообщил нам казначей имама Хаджияв ал-Урути после бегства Шамиля из Темир-хан-шуры о том, что имам собирал неоднократно свою семью и домочадцев и поучал их, [говоря] следующее: „Истинно, это государствование уже продлилось для нас так долго, как оно не длилось для тех, кто нам предшествовал. Так не превозноситесь же в одеждах и пище. Будьте благонамеренными, может быть оно [государствование] близко от того, чтобы уйти от нас и повернуться к нам спиной“. Он даже однажды сказал: „Поистине, я боюсь попасть к ним в руки“.[4] Он говорил раньше Хаджияву неоднократно: „Не

---

[1] В рукописи *А* глосса: „Подтверждения речей управителей и наибов. От сына автора“.

[2] В рукописи *А* глосса: „припрятывания богатств“.

[3] Коран, 8_{43} и $_{46}$.

[4] В рукописи *А*: „Поистине, я боюсь попасть в руки неверных“.

храни эти деньги и не скрывай их от того, кому они должны принадлежать". Конец.

Имам заботился о выполнении всех предписаний шариата и все время приказывал делать то же самое правителям своего государства. Он даже требовал, чтобы в его государстве шерсть овец не выщипывалась, а состригалась ножницами, и чтобы не убивались пчелы при извлечении меда [из ульев], хотя бы это и тяготило народ. Однако правители и чтецы, не говоря уже о простом народе, не приложили своих рук к выполнению этого его приказа. Однако, когда аллах всевышний захотел исполнить дело его, то народ стал мягкотелым и беспечным.

Летом 1274 [1857/58] г. поднялись русские со своими помощниками — отступниками из крепости Чиркея — в Буртанай и заложили там крепость. Пали там смертью праведников некоторые люди, среди них наиб, прекрасный Хитын ал-Хидали, ученый наиб Шамхал ал-Хиликури, храбрец, шейх Мухаммед ал-Карахи ал-Хучуви. Рассеялась совокупность вилайета Нахбаг. [Его жители] переселились на равнину Ауха, а их наиб, сын Джемаля ал-Чиркави, со своим отцом, братьями и всеми их домочадцами убежали к русским. Некоторые из их домочадцев были взяты в плен. Джемаль и его сыновья умерли через месяц среди русских. Конец.

Пришла в беспорядок жизнь вилайета Багуляль. Затем ополченцы имама употребили большие старания [для того, чтобы укрепиться] в Бусрахе. Затем вилайет Гехи отошел от имама и повернул к русским, а их наиб Саад Аллах переселился к имаму. Отошел таким же образом вилайет Шубута с их наибом Батакайем. Русские вышли к „Длинной Горе" в Тадбутри. Затем вернулись оттуда. Ополченцами имама были приложены все старания [для того, чтобы укрепиться] в вилайете сурового Рамадана ал-Анди. То же самое пытались сделать на берегах рек Канхо и Бальхаль для

того, чтобы укрепить равнину Галяляля. И не принесли никакой пользы эти мучительные старания в этих местах, кроме как ослабления ополченцев и их отвращения. Затем в вилайетах имама произошел всеобщий сильный голод, так что 4 саиа[1] стали стоить несколько кыршей [рублей].

Глава о сражении в Новом Дарго

Зимой 1275 [1858/59] г. русские направились к Дарго с силой, которой нельзя противостоять никому. После всяких событий, во время которых пал смертью праведника мухаджир, сражающийся на пути аллаха, храбрец Раджабиль Мухаммед ал-Чиркави, даргинцы при мучениях от сильного холода перевезли свои семьи и пожитки в Маарух. Казна имама, его семья, семьи некоторых его товарищей и все снаряжение имама—пушки, порох и прочее—было перевезено в Ишичали.

Русские приблизились к Дарго с четырех сторон. В Дарго укрепился сын имама, Гази Мухаммед, с войсками и наибами. Они приготовили его к обороне мучительными усилиями при сильном холоде и голоде, доставляя провиант с большими трудностями из своих домов. Они терпеливо переносили эти лишения около 2 месяцев. Затем русские повели такое сильное наступление, что у них не было никаких сил сражаться с ними и оказать им какое-либо сопротивление. Тогда они вышли из Дарго и ночью его покинули. Таким образом все вилайеты Чечни, один за другим, подпали под власть русских. Из жителей этих вилайетов никто не ушел с имамом, кроме одного наиба Османа и тех, кто был [ранее] с ним. Имам и его приближенные и половина его ре-

---

[1] Саиа — мера веса. Пржецлавский приравнивает 4 саиа к русскому гарнцу.

гулярного войска остановились в Ишичали, а остальные войска рассеялись в прочих селениях. И хвала аллаху, владетелю миров.

Глава о большом бедствии и великом несчастии для всего Дагестана, заключающихся в том, что Шамиль подпал под власть русских

Весной этого 1275 [1859] г., когда стало известно намерение русских и подтверждались сведения о их движении к Мааруху,[1] то были сожжены селения Андаля и Багуляля для того, чтобы переселиться на гору Килаль. Подступы этой горы были укреплены с большими стараниями. Вооружение имама, пушки, порох, пожитки его и тех, кто был с ним, были перевезены на эту гору. Наиболее дорогое имущество имама находилось в Инхубе. Из-за двухлетней засухи и падежа скота там еще больше усилился голод.

Слабость ополченцев еще более увеличилась из-за голода и трудных работ в упоминавшихся ранее местах и различных поселениях, которые не упоминались. На этой горе не удалось укрепиться имаму.

В начале 1276 [1859/60] г. генерал с громадным войском спустился с горы Андаля на равнину Тандуб. Страшное войско с их помощниками-отступниками проникло со стороны Ирганая на „Малый Мост" и перешло его. Каждый русский начальник выступил из своего края со своими последователями. И были с ними грузы „красные и белые" [т. е. золото и серебро], которые захватывали сердца масс народа и делали рабами свободных. Конец.

Затем мужчины Багуляля и Андаля доставили в Караты имама и тех, кто намеревался [оставаться] с ним, с его ценностями, солдатами, членами его

---

[1] В рукописи *А*: „сведения об их движении в Маадулаль, полученные от жителей возвышающихся гор".

семьи и наиболее ценным его и отправившихся с ним имуществом. После этого они вернулись обратно и покинули имама. Да вознаградит их добром аллах. Затем наиб Кадий ал-Ишичали, по приказу имама, сжег оставшееся на той горе снаряжение и уничтожил пушки. Ополченцы, особенно те, кто был товарищами имама в период процветания, разграбили богатства и имущество Шамиля, которое еще осталось там на горе. Народ торопился к встречам с русскими с послушанием и повиновением. Они спешили к русским, особенно бывшие приближенные имама и те, кто были у него наибами и возвеличенными. Затем Шамиль, его сын Гази Мухаммед и те, кто находился с ними, с их багажом и наиболее ценным имуществом ушли из Караты. Они сожгли дом Гази Мухаммеда, который находился в Караты, с намерением подняться на плато Гуниба, а народ грабил их по мере своих возможностей.

Когда они достигли горы Ругж и Гуваля, то жители оказали им там сопротивление. Они прошли в местность Бук-Мухаммед в долине Бизав. В этой местности находилось селение мухаджиров из Гумаля. На вторую ночь имам и Гази Мухаммед с их семьями из [местности, где они были], среди битвы, сопротивления и грабежа их имущества, поднялись на гору Гуниб. С ними поднялись также некоторые товарищи, а семьи этих товарищей остались внизу. Некоторые же из товарищей, наоборот, сами остались внизу, но семьи их поднялись на Гуниб. Осталась в той местности вся казна имама, его казначей Хаджияв ал-Урути и большинство его солдат.

Однажды ночью казначей и те, кто были с ним из приставленных к пушкам солдат, Исбахай ал-Чиркави, наиб Дибир ал-Анди и другие намеревались уйти в крепость Ыриб к Данияль-султану. С ними были также Курбаниль Мухаммед ал-Бацади, наиб Караляля со своими товарищами, среди которых были

Хаджияв, сын хаджи Дибира ал-Карахи, отставленный в то время, когда они уходили из Ишичали.

Мятежники трех равнинных карахских селений собрались вместе и встретили этого казначея и тех, кто был с ним, в лесу долины Бизав. К этим мятежникам присоединилось большинство товарищей этого наиба [Курбаниль Мухаммеда ал-Бацади]. Они разграбили многочисленную наличность казны и драгоценное имущество. Хаджияв ал-Карахи пытался запретить им этот грабеж. Он угрожал и метал молнии, но его запрещение на них не подействовало. Они даже не обращали на него внимания.[1]

Затем казначей и те, кто были с ним, остановились в селении Цуриб — местожительстве мухаджиров Ахди, расположенном между Кинсыром и Каралялем.

Слава великому! Как многочисленно то, что собрал имам[2] и что собралось у него в течение почти десяти лет из наличной казны и драгоценных богатств. Сделал над ними аллах то, что хотел сделать, когда количеству их стал завидовать народ, а сердца их содрогались и загрязнялись нечистотами.

(Миновала первая часть главы о начале несчастий. Подлинно, имам приказал еще ранее казначею не удерживать эти сокровища).

Казначей и те, кто были с ним, пробыли в Цурибе около трех ночей. Даниялъ-султан прислал сказать им: „Приходите к нам или возвращайтесь в Карах, дабы не напали на вас вторично некоторые злоумышленники“. Они вернулись в Карах. В Карахе казначей остановился в селении Куруш у своего хозяина [кунака]

---

[1] В рукописи *А* добавлено: „Этим грабежом мятежники ничего не достигли, ушло только от их имущества изобилие, постигло и случилось у них несчастье“.

[2] В рукописи *А* глосса: „Оно [богатство], как он сказал, велико относительно богатств жителей Дагестана. Но если даже мы посмотрим на богатства, находящиеся в руках неверных, у их купцов, то и их богатства не больше того, которое находится в руках того, кто является имамом в одном краю и кто встал для борьбы с великим царем. От сына автора“.

со всем тем, что осталось у него из книг имама и пр. (Этот хозяин и кадий Куруша отобрали для себя из книг то, что сочли наиболее лучшим. За это поразил их аллах всевышний наказанием, и они раскаивались после. Этот кадий передал некоторые из бывших у него книг этому передатчику, и я доставил их сыну имама Гази Мухаммеду, а некоторые из них были доставлены его сыну, [т. е. сыну автора], а среди них [книг, доставленных сыну автора] „Дары Мекки", которую переписал ал-Кудуки.) Затем пришел с товарищами Муртади Али брат Кибида Мухаммеда ат-Тилики, он был наибом со стороны русских. Он забрал то, что было у них из казны, имущества и солдат и доставил все это в Тилик.

Начальник русских оставил все это имущество и казну[1] Кибиду Мухаммеду и Муртади Али, а солдат присоединил к своим солдатам. Путь для тех, кто были с ними, был освобожден. Казначей Хаджияв ал-Урути был посажен (и просидел некоторое время).

И не осталось никакой крепости, кроме тех, которые сдались русским, и ни одного наиба, кроме тех, которые опустили голову и склонились к русским. Данияль-султан сдал русским крепость Ыриб, (находившуюся в округе Кинсыр), со всем тем, что было в ней из снаряжения пороху, снарядов, пушек, ружей и пр.; а сам с товарищами направился к генералу в Тандуб, утверждая, что он приглашал его к себе. Ему было приказано отослать свою семью и все находившееся у него имущество в крепость Чарталы. Для переноски туда его имущества ему дали около сотни спин [т. е. носильщиков].

Затем русские расположились вокруг горы Гуниба и устроили свои лагери на горе Кахаль, напротив плато Гуналя. У них были наибы и прочие лица,

---

[1] Глосса: „При этой казне была книга, в которой было написано: «Это — закят и распределите его по назначению». От сына автора".

и главы, и ополченцы. А у Шамиля были из глав только знающий ученый мухаджир Ибрахим ал-Черкеси, ученый мухаджир хаджи Насруллах ал-Кабири ал-Куралли, твердо мыслящий ученый Гальбац ал-Карати (удрученный отставкой от наибства и убийством своего сына из-за одного дела). Рассказывают, что во время собрания для переговоров о перемирии он сказал им [посредникам] следующее: „Наши отцы говорили — поистине, вы, [т. е. русские], приятны речами, богаты деньгами, легки сначала, тяжелы после (и мы не хотим с вами мира)“. Конец.

Ученый, рассудительный (храбрец, учитель) Хаджияв ал-Карахи (отставленный от наибства), два ученых и наиба Дибир ал-Анди и Дибир ал-Хунзахи, сын его [Шамиля] дяди по отцу Ибрахим ал-Гимри, Муртади Али ал-Чиркави совершенный человек (Милрик?) изгнанник, наиб Муртади ал-Ургачи, изгнанник и наиб Гурш ас-Сугратли. С ними было около двухсот из сражающихся ополченцев.

Все находившиеся на Гунибе, будь то мужчина или женщина, по мере своих сил охраняли дороги и границы. (Затем начальник русских, барон, призвал к себе слепого Мухаммеда Эфенди ал-Хуми, оставшегося в Карахе и отделившегося от Шамиля, Мухаммеда Тахира ал-Карахи и его ученика Хаджиява ал-Карахи и послал их к имаму для переговоров о мире.

Когда они достигли крепости Гуниб, то имам не разрешил войти во внутрь крепости никому, кроме тех, кто останется жить у него. Эфенди и Мухаммед Тахир вернулись обратно, а Хаджияв вошел в крепость и остался у Шамиля. Из-за этого впоследствии Хаджияв попал в сильную беду, на некоторое время он был взят в управление, где работал как слуга, а затем был освобожден. Конец.)

Затем в месяце сафаре 1276 [IX 1859] г. отряд русских поднялся на Гуниб со стороны того места, кото-

рое было оставлено без внимания дозорами, выставленными для охраны этого места. Начальник этих дозорных Амирасуль Мухаммед ал-Кудали был там убит, (а его товарищи были забраны в плен). Все сторожевые, выставленные в различных сторонах Гуниба, соединились в селении. Здесь пали смертью праведников некоторые мужчины и женщины из Гуналя и некоторые мужчины, пришедшие со стороны. Среди них этот ученый мухаджир хаджи Насруллах и мухаджир Камали ал-Гулуди.

На Гуниб поднялся генерал, русские начальники, наша знать, которая была с русскими, и ополченцы. Шамиль собрал находившихся там мужчин в мечеть. Удалился в то время от него в долину ученый Дибир, сын Инкачилавы ал-Хунзахи со своей семьей, из-за чего он подвергся несчастью, но затем спасся, и они [русские] его приблизили (сделав его наибом). Конец.

Шамиль уговаривал, подбадривал и увещевал собравшихся с ним в мечети, всех сразу и по отдельности, называя каждого по его имени, призывая к борьбе, к падению за веру и исканию смерти [в битве], но ни один не выказал к этому стремления, даже и его сыновья. Они отговаривались состраданием к своим семьям. От них [русских] к имаму пришли посредники, требуя мира и прихода Шамиля к генералу. Для этого же пришел Данияль к его родственнику по жене — Гази Мухаммеду. Рассказывают, что имам склонился только благодаря уговорам Гази Мухаммеда.

Он дал им согласие только при том условии, что он и его товарищи пойдут к генералу вооруженные и что генерал даст ему и тем, кто захочет итти с ним, свободно уйти в Мекку. Они, [т. е. Шамиль и его товарищи], условились между собою, что если русские будут отделять товарищей от Шамиля, или же попытаются взять у них оружие, то они начнут сражаться

и дерзнут напасть на русских, ища смерти в битве. На этом они и отправились. Но русские встали между Шамилем и его товарищами и взяли у Шамиля его оружие, говоря, что генерал боится вооруженных.

Аллах всевышний, славный и мудрый не предопределил произойти тому, о чем они раньше договаривались. Рассказывают, что Муртади ал-Урути побуждал на это, но Гальбац отклонил. Конец.

Сообщал тот, кто был тогда с русскими, о том, что если бы начали тогда битву, то перебили бы большинство начальников и знати. Конец.

Ополченцы забрали и разграбили то, что было из имущества и лошадей у Шамиля, его двух сыновей и всех тех, кто был с ним. Затем, когда соединились и перемешались меж собою неверные и мусульмане, то наша знать, которая сдалась русским раньше, стала тихо совещаться между собой, стыдясь своего присутствия при Шамиле. Находившийся среди них кадий Аслан ац-Цадакари сказал: „Подлинно, лягушка, которая упала в отхожую яму не очистится от нечистот. Так пройдемте же мимо него [Шамиля]". И они ушли. Конец.

Затем был освобожден путь тем, кто там был, к их родным местам, а имама и его двух сыновей с их семьями направили в лагерь русских на горе Кахаль, а затем оттуда вооруженными в крепость Темир-хан-шуру.

Затем Шамиль в сопровождении его опытного секретаря, отставленного от секретарства у имама, Абд ал-Карима ал-Чиркави, и Гази Мухаммед в сопровождении его двух товарищей, ученого Хаджиява, сына Газиява ал-Карати, и Тауша ал-Карати, были с возвеличением и почетом отправлены к русскому царю. Они ехали в дорогих колясках, а остальные находились в Темир-хан-шуре, окруженные таким же возвеличением и почетом. Затем приехал Гази Мухаммед и увез всю семью и двух родственников [Шамиля]

по жене, ученых юношей Абд ар-Рахмана и Абд ар-Рахима, сыновей шейха устаза сеида Джемаль ад-Дина, да помилует его аллах всевышний.[1]

Дополнение

Из числа того, что постигло Шамиля, было также проявление злорадства путем порицаний и оскорблений в красноречивых стихах, наполненных явной руганью, со стороны сведущего ученого, опытного и явного противника Шамиля хаджи Юсуфа ал-Яхсави. Тогда нуждающийся бедняк Мухаммед Тахир вступил с ним в состязание, споря с ним и соперничая в стихах. Он поместил позади каждого „бейта“[2] из стихов Юсуфа свой „бейт“, дабы были смежными их устремления и были соединены они оба связью стиха.

И вот перед тобой, о читатель, эти стихи различные из обильного моря [поэзии].

Доблести Шамиля стали прахом,
Хотя они[3] и поставили его имамом.

Доблести Шамиля поднялись великими,
Поэтому они и поставили его имамом.

Встал он поутру при расцвете дела ничтожным, а к вечеру
Оказался наполненным мирскими благами и порицаемым.

Вступил он в дело свое один, в одиночку,
А к концу его стал наполненным помощью и оказался опорой [ислама].

---

[1] В рукописи *К* описание поездки Шамиля и Гази Мухаммеда отсутствует. Сразу же после слов Аслана ац-Цадакари начинается „Дополнение“. В рукописи *В* отъезд из Темир-хан-шуры семьи Шамиля изложен так: „Каримат, жена Гази Мухаммеда, отправилась к своему отцу, Даниялю, в Нуху, затем приехал Гази Мухаммед и увез, кроме своей жены, всю семью и двух родственников Шамиля по жене, умных юношей, учеников Абд ар-Рахмана и Абд ар-Рахима, сыновей шейха, сеида, устаза Джемаль ад-Дина“.

[2] Бейт — расположенное в одну строчку двустишие.

[3] В рукописи *А* глосса: „Они, т. е. народ“.

Пленником русских, когда увезли его ночью в наказание
За дозволение им запрещенного.

Все русские везли его ночью со славой в воздаяние
За разъяснения им запрещенного.

Если кто лжет на аллаха, аллах унизит его
И не встретит он благополучия до скончания века.

Если кто правдив пред аллахом, аллах дарует ему
В огне несчастия прохладу спасения.

Сообразно с тем, что его называли эмиром,
Был он также достоин быть названным и тучей бездождной.

По благоразумию ему повиновались как эмиру.
Был он также достоин быть названным и дождем непрерывным.

Ради чего было избиение правоверных
И покорное примирение с русскими?

По знанию велась борьба с нападающими
И примирение с русскими [было] из-за боязни истребления.

Если вы скажете, что мы побеждены, или, что мы струсили,
То мы более вас правомочны считать себя обиженными.

Была пора — они побеждали, пришло время и стали побежденными,
А вы предпочли постоянно сидеть безоружными.

Разве ты отразил силу русских?
Нет, вы пламя огня разожгли среди нас.

Сколько он встречался с силою русских в сражениях,
Одновременно прося вас о разжигании пламени [битвы].

Покусившись на гибель, ты хочешь возвышенности в здешнем мире,
Но другая его [часть][1] не допускает, чтобы ее удаляли.

---

[1] Т. е. загробная жизнь.

Этим он взял верх над народом по возвышенности в здешнем мире,
Но свойства здешнего мира в том, что он удаляется.

Как горько то, что ты теперь испытываешь. Посмотри!
Разве стоит то, чем ты гордишься, неизбежного [т. е. смерти]?

Как сладко то, что его постигло сегодня несчастье,
За это сохранена религия, как опора.

А разве аллах заповедал позорные деяния?
В „военной добыче“[1] мы нашли же желаемое.

А разве аллах заповедал злорадство над несчастьем?[2]
Ведь Корана довольно для порицания.

Поэтому ты не владетель благоразумия и решительности,
О ты, тот, кто свет сделал мраком.

Ты,[3] подлинно, сейчас в проявлении злобы. О ты, тот,
Кто, сокрушив знания, сам себя сокрушает.

Разве судья воздаст вам добром
За ваше истребление людей благородных?

Разве всемогущий воздаст им ущербом
За истребление ими низких людей?

Права мусульман попраны тобою,
А все имущество погибло расхищенным.

Права мусульман [попраны] теми, кто их попирает
И кто делает грабеж имущества из отмщения.

Поверг тебя аллах на бок унижения за то,
Что ты возгордился, о притворившийся слепым презренный.

Поверг его аллах на бок возвышения за то,
Что он воскресил религию, [ранее] угнетенную.

---

[1] Имеется в виду 8-я сура Корана, озаглавленная „Военная добыча“.
[2] Глосса: „Т. е. несчастьем мусульман“.
[3] Обращение направлено к поэту — обвинителю Шамиля.

Твой эмират — уничтожение; так суди же в нем.
Твое благородство — унижение. Вот тебе позор.

Его эмират — уничтожение для всякого враждующего.
Благородство есть унижение [только] для того, кто притворяется слепцом.

Вы явно отбросили закон вашего владыки
И вот вы наказаны за это в отмщение.

Вы в джихаде защитили веру вашего владыки
И он наградит вас за это блаженством.

Достаточно этого для прославления в состязании прославлением и для порицания в состязании порицанием, приводящим к рыданию.

Хвала хранителю-защитнику и молитва над избранником и в начале и в конце [каждого дела].

Для каждого берущего во внимание будет достаточно в отношении возвышенности Шамиля, высокости его светской силы и в доказательство хорошего его конца и исхода четырех обстоятельств, даже пяти, изложенных ниже, подобных которым до сих пор ни у кого, как мы слышали, не происходило, да и впоследствии мы думаем, что не произойдет. Вот они: целование падишахом ислама при приветствии руки Шамиля во время его поездки в хадж; пожалование русским царем Шамилю золотой шашки непосредственно из рук царя в руки Шамиля; трата царем из своих денег на нужды имама каждый год 20 тысяч рублей; сошествие египетского правителя со своей тахты и усаживание на нее Шамиля и возведение Шамиля шерифом Мекки на кафедру мекканской мечети для того, чтобы видели его и знатные и простой народ. Так было слышно.

Из всего этого наиболее удивителен его выход, подобно золоту из огня, из всех событий и трудностей,

вплоть до того времени, когда аллах всевышний принял его душу, как душу избранника в благоухание пророка [т. е. в рай], да будет молитва аллаха всевышнего над ним и мир.

Да ведь в этом нет удивления, ибо этот выход — творение того, кто заставляет вытекать белое чистое молоко из пространства между содержимым кишок и крови.[1] Да будет превознесен аллах — владетель мудрости.

Когда шейх Шамиль остановился в благоухающем городе [т. е. Медине], я спросил товарища, кадия Юсуфа ал-Яхсави: „Что сейчас говорят о Шамиле?". Он ответил: „А что говорят? Ничего не говорят". Конец.

(Затем я слышал, а я — редактор, от тех, кто видел сына этого Юсуфа, о том, что когда Шамиль находился в Медине, где и умер, то Юсуф отказался [переменив свое мнение] от того, что говорил относительно Шамиля, раскаялся и приказал своей семье покаяться в том, что они говорили. Он признал, что Шамиль есть один из лучших людей.)

Глава [о судьбе Даниэль-султана]

После этого русские не оставили в Маарухе ни грузина, ни грузинки, ни солдата. Если даже были свободные мусульмане, вступившие в родственные связи и женатые, все равно выселяли всех. Каждого мухаджира вернули в его родное поселение. Даниэль-султан отправился к своей семье, она была отправлена сперва в Закаталы в Загорье, а оттуда он направился в Тифлис. Он ехал на дрожках и говорил, что его туда приглашают. Затем вернулся и перевез свою семью в город Нуху. Мы слышали о том, что он ходит к генералу раз за разом, а своего сына посылал

[1] Пересказ 68-го стиха 16-й суры Корана.

к русскому царю, но сын вернулся с худшим, чем то, с чем пошел.

Необыкновенный рассказ.[1] Рассказал его заслуживающий доверия человек со слов такого же достоверного. Некий горец Дагестана повстречался в Стамбуле с балагузом[2] франкского падишаха. Этот горец сообщил ему, что русский царь взял государство Шамиля единственно только хитростью. Он якобы послал своего генерала Элису-бека Даниялъ-султана в государство Шамиля под видом мухаджира для того, чтобы он разрознил совокупность [сил] Шамиля и [его сторонники] потерпели бы неудачу. И дело совершилось так, как хотел русский царь. Этот франкский падишах поместил этот рассказ в правительственной газете, уличая в хитрости русского царя. Эта газета попала Даниялъ-султану. Он затрепетал от гнева и послал в Карабах человека для того, чтобы тот нашел ему того, кто умеет издавать газеты. Затем, затратив большие деньги, он добился у генерала Тифлиса разрешения на напечатание газеты. Он издал газету, поместив в ней следующее: „Я — этот генерал Даниялъ-султан был генералом у русского царя, затем повел с ним войну в своем вилайете, но не смог противостоять ему. Тогда я перешел [на сторону] государства Шамиля и стал воевать под его знаменами по мере своих сил. Я был причиной того, что пришел в расстройство один из округов владений русского царя. Я убил там несколько знатных людей. Затем по предопределению и решению аллаха всевышнего я вернулся оттуда обратно под власть царя русских лишь после того, как сдались ему все наибы и главы Шамиля и их вилайеты. Он поселил меня в этом городе Нуха, держа в заключении [вдали] от моего

---

1 Весь рассказ в рукописи *К* отсутствует.

2 Происхождение термина „балагуз" мне непонятно. Употребляется этот термин автором в значении „посол", „посланник", „представитель" и пр.

вилайета Элису, вопреки моему желанию. А если бы я оказал ему эту услугу, то он удостоил бы меня великой милости и оказал бы мне уважение, как то в обычае царей в отношении тех, кто совершил такое великое дело и не покинул бы меня в таком стеснении". Вызывает всяческое удивление и [свидетельствует] о легкости ума и отсутствии умения управлять со стороны этого падишаха помещение, подобно этой, клеветы в газетах, доверяя сообщению невежественной личности без проверки и подтверждения. Конец.

Затем в 1286 [1869/70] г. Данияль-султану разрешили переселиться в вилайет падишаха ислама, по приказу падишаха, а говорят, что и без приказа от него, и он жил там возвеличенным. Затем умер в 1288 г., да помилует его аллах всевышний.

Что же касается шейха устаза Джемаль ад-Дина ал-Гумуки, то сперва он находился со своей семьей в Тилике. Потом он встретился с начальником войск русских — бароном и одним генералом. Они возвеличили его и оказали ему уважение. Затем он отправился в Темир-хан-шуру с намерением посетить семью Шамиля, а в семье Шамиля — его дочь Захидат и ее маленькие дети. Затем в Темир-хан-шуру была перевезена и его семья — при помощи благоразумного Кибида Мухаммеда ат-Тилики. Он жил в Казанищах на попечении у вали Дагестана шамхала Абу Муслим-хана до тех пор, пока не умер Абу Муслим-хан. Затем с большой помощью и при великом возвеличении со стороны князя Чавчавадзе выехал с намерением отправиться в Османлу [Турцию]. Он остановился в Тифлисе у князя Орбелиани. Вали Тифлиса возвеличил и почтил его. Орбелиани отправил его с его семьей и многочисленным имуществом на почтовых лошадях. Он достиг Карса и жил там. (Из Карса он написал Чавчавадзе следующее письмо: „Дорогому сыну, князю Чавчавадзе, начальнику ди-

вана всего Дагестана, да будет долговечна его слава. А затем, вы осведомлялись о наших делах. Милостью аллаха всевышнего с того времени, когда расстались с вами, мы не встречали ни от кого из русских начальников ничего иного, кроме крайнего уважения, и так до тех пор, пока мы не прибыли в город Тифлис к его высочеству генералу от инфантерии князю Орбелиани. Он поместил нас в хорошем жилище и оказал нам самое лучшее почтение и уважение такое, подобным которому не был почтен ни один из благородных эмиров и великих ученых. Мы находились у него 25 дней. Ели, пили и наслаждались. Когда же мы задумали отправиться в город Карс, то он дал нам 400 динаров на расходы в пути и доставил нас в Карс целыми и невредимыми на почтовых лошадях и это — по милости аллаха всевышнего — во-первых, и по твоему благодеянию — во-вторых. Мы написали это для того, чтобы сообщить вам наше настоящее положение. Не забывайте нас во все времена. Мы намерены, если аллах всевышний захочет, остаться здесь эту зиму. Когда же придет весна, то сделаем то, что прикажет нам аллах всевышний. И мы не забудем желать вам в молитвах всякого добра, если захочет аллах всевышний. Сеиид Джемаль ад-Дин. Джумада второй, 1278 [XII 1861] г." Кончилось его письмо, переписанное рукой редактора этой книги.)

Затем Джемаль ад-Дин переселился со своей семьей в Стамбул и жил там возвеличенным. Затем переселился к милости аллаха всевышнего в 1283 [1866/67] г. и был там похоронен. Сделали над местом его погребения мазар, да освятит аллах всевышний его могилу и возвратит на нас его славу.

Что же касается шейха слепого Мухаммеда Эфенди ал-Хуми, то не случилось ему подняться на Гуниб. И причина этого в том, что он, его семья, Амир-хан с семьей, секретарь имама, у которого хранилась

печать имама, до этого [восхождения на Гуниб] находились в одном месте. Эфенди жил там, ожидая выхода Амир-хана, но тот не вышел. Амир-хан отстал, намереваясь отделиться от имама, а Эфенди не знал намерения Амир-хана. И он находился „между караваном и невозможностью к нему добраться“.[1]

Затем Эфенди с семьей остановился в одном из селений Хида. После он отправился один в округ Карах (к автору этой книги), откуда послал к своей семье того, кто бы перевез ее к нему. Через некоторое время он со своей семьей вернулся к месту преклонения своей головы [т. е. на родину] — в Хуми — с людьми, пришедшими с лошадьми оттуда для его перевозки. Конец.

Русские заставили жителей Гуниба переселиться из их родного места в Ругжу, Ули, Хоцатль, Тилик и Ыриб. Там они поселились и жили около года. Через некоторое время они переселились [обратно]. Русские заложили крепости в Ботлихе, Дарго, Хунзахе и других местах и назначили начальниками в каждом вилайете того, кого они хотели, неверного или мусульманина. А их регулярное войско находилось во всех вилайетах. Большинство простого народа стало плясать под их дудки, а знатные люди стали смотреть русским в рот при проведении и исполнении установлений ислама и заискивать у русских для того, чтобы их сделали начальниками и ради подарков.

И не осталось никого, кроме тебя, о аллах, — покрой нас твоим покровом милости, удали от нас то, что видишь. И что за вера — стали немногочисленны помощники ее, и что за зло — стали многочисленны идущие навстречу ему. Истинно, мы от аллаха и к нему возвратимся. Аллах, вознагради меня за несчастие

---

[1] Пословица, соответствует русским поговоркам: „Ни в сех, ни в тех“, „Между двух стульев“.

мое и замени его мне добром. О завеса от пороков, о устранитель печали, о прощающий прегрешения, прими наше раскаяние, покрой им пороки, удали от нас печали и прости нам погрешения чистотой милости твоей, о милостивейший из милосердных. И хвала аллаху, владыке миров.

И они [русские] до сих пор подчиняют народ в этих жилищах, заставляя скорбеть людей ислама, заставляя сердца их отдавать поступки на суд преславного, а дело их — на разрешение достохвалимого.

Заключение в прекрасных стихах и правдивых словах превосходного хаджи Мухаммеда, сына хаджи ал-Хафиза Абд ар-Рахмана ас-Сугратли

Изложение этих стихов в этом месте пристойно, пусть будет некоторое одно из двух пояснением и толкованием к некоторому другому.

Пусть будут стихи равны тому, что предшествовало в прозе.

Хвала аллаху наивышнему над каждым высоким.
Благодарность владыке более совершенному над каждым возвышающимся.

Просим мы у него совершения молитвы за нашего
Сеиида-пророка и повторения ему привета — „салам".

Да будет эта хвала началом касыды хаджи Мухаммеда.
Начало слов — это время такое,

От которого [идут] дни бедствий многочисленных,
Настолько тяжелых, что даже они до костей проникают.

Направили в нас эти дни лук несчастий
И падение стрел согнуло наши спины, наподобие лука.

Несчастия дней навалились на нас бедствием
Сверх бедствия, подобно утесам.

Несчастиями нас поражает несправедливость судьбы,
А ведь мишень бед судьбы — это ряды благородных.

Пришел к нам век-давитель и сок выжимает[1] из бедствий
И пить нам дает чаши [с напитком] из ядов.

Пьяными от огорчений мы оказались,
Хотя до этого мы и не пили вина.

Пришло к нам господство неверных,
Победило и овладело местами нашего пребывания.

Из-за этого прихода к нам дни помрачились до того,
Что от мрака день стал ночнее ночи.

И вот уже просторы земли, даже без столпления народа,
Стеснились над нами от печалей.

С этим приходом наши души сжимаются в нас
От ужасов и великих опасностей.

Днем нет жизни привольной,
А ночью нет приятности сна,

В то время когда неверные-„кафиры“ в гордости
И тщеславии над правоверными в доме ислама.

Да и какой же им сон, приносящий приятность?
Откуда сладость еды от вкушения пищи?

Как будет прекрасной жизнь мусульман
В то время, когда они — под покровом унижения и сокрушения?

Да и что они сделают с приятностью жизни,
Когда люди войны уже проникли в жилища их пребывания?

Ты видишь, как они появились в горах
С высокомерием-гордостью во время вторжения.

---

[1] Здесь употреблена непереводимая игра слов, построенная на слове „аср“—„век“, „период“, „эпоха“; в то же время глагол этого же корня значит „давить“, „выжимать сок“, откуда имя действия (масдар) — „давление“, „выжимание сока“. Букв. можно перевести: „пришло к нам выжимание и сок выжимает...“

Ты встречаешь их в долинах диких зверей,
Где они не заботясь извлекли свои копья.

Но не вошли они также [не заботясь] в дома [мусульман],
[Вошли они] только со страхом и под защитой.

Были они сотрясаемы, считаясь бессильными,
И не были спокойны из-за неотлучной боязни.

Твердость и спокойствие они уже потеряли,
Ибо встречали мечи беспрерывно.

И сколько на них прежде охотились бойцы газавата
Так же, как на голубей охотятся соколы!

Сколько нападали на них, убивая внезапно,
Так же, как львы нападают на скот.

Но только — изменчивость времени, унижая могущество,
Возвышается, тем самым становясь недоступной и для угнетенного.

Прежде это время пришло к нам со счастьем блаженным,
А затем заменило его нам постоянным несчастьем.

Это время повернулось к нам бедой и напастью.
Враждует оно с нами особенно, [выбрав нас] из всех людей.

Меч несправедливости оно обнажило на нас
И направило все усилия для обращения нас в бегство.

Оно наполнило дом ислама безбожием
А нас подвергло побитию стрелами.

Разграблению [подвергло] жилища[1] в неподвижных горах
И области на вершинах холмов.

А также и те неприступные и открытые селения,
Которые возвышаются между гор, поднимающихся к небу.

Да. Особенно Гуниб
Гора, не нуждающаяся в укреплениях защиты.

---

[1] Глосса: „Т. е. Дагестан“.

Она сотворена [так, что] укреплены границы
И преграждены пути на вершину ее.

Окружили ее стены — ограды утесов,
Как облака со всех сторон.

Гуниб-гора высокая поднимается до самого неба,
Собрала она все удобства в себе в совершенстве.

На Гунибе нашел защиту имам и люди религии,
Когда убедились они в слабости [оказанной] им поддержки.

Но и Гуниб Шамиля не избавил от бедствий судьбы.
Разве ж можно избавиться от неизбежности рока?

Поднялись [враги] на Гуниб только при помощи хитрости,
В то время когда все люди находились [там] в беспечности.

И если бы не окружили их при помощи хитрости,
То не взяли бы боем и в тысячу лет.

Если ты [хочешь] спросить у меня о заре дня осады,
То лучше не спрашивай — это день воскрешения мертвых.

Сколько разжигающих битву очутилось повергнуто
В разожженном ими самими пламени битвы.

Да будут тысячи приветствий и мир
Над павшими за веру в доме ислама.

Они уже добились воздаяния и блага владыки,
Они смежили веки, [уйдя] от людей благородства.

Они предпочли агонию смертного часа
Приятности жизни в государстве неверного.

Да и что [остается] для мужа, если не предпочесть
Смерть жизни под сенью сокрушения.

О скорбь моя над этими жилищами,[1]
Жилищами мусульман, ставшими наподобие дома злополучия.

---

[1] Глосса: „Т. е. жилищами Дарго“.

Неверные утвердились насильно: над мусульманами
Путем изгнания, над жилищами — преданием их племени.

А ведь прежде не овладевали этими жилищами
Даже владетели силы, мужества и благопристойности.

И были прежде они жилищами, приятными
Для героев и товарищей-братьев взаимнообязанных.

Были они сынами доверия, дружбы, опытности
В битвах и схватках.

Они в совершенстве [владели] оружием. Они — львы.
Они — защитники для всех потерявших защитников.

Их груди раскрылись для газавата,
С целью возвысить шариат и божие слово.

Они приготовились так, как могли, для джихада,
Приложа все способности-силы для этих целей.

Они завалами преградили границы, поджидая врагов
На каждом пути со вниманием.

Они жаждали разгара битв и сражений.
И вот они уже оживились в опасностях пыла войны.

Они снова и снова возвращались в пыл битвы,
Или отступали перед превосходством врага при слабой поддержке.

О скорбь моя над ними — участниками газавата;
Они устремлялись к джихаду до полного изнеможения сил.

Свершали они непрерывные войны до тех пор,
Пока смерть в битве не сделала малым народ для поддержки.[1]

Сколько пало за веру героев из них.
И сколько раз при посредстве меча проникали они в середину врагов.

---

1 Т. е. смерть в битвах стала настолько велика, что оставшихся в живых уже нехватало для оказания поддержки и пополнения рядов сражающихся.

Но вот уже истощились наисовершенные из людей мужества,
Остались лишь презренные, как вороны-рухамы.[1]

Овладели ими люди неверия,
Путем их унижения и обращения в бегство.

Они принудили к неверию тот народ,
Который так долго трудился в религии ислама.

Передавалось нам в хадисах „Ас-Сахих"[2] о том,
Что религия станет как нечто истлевшее.

А не [в подтверждение ли] этого увеличивается слабость
В религии, и становятся рвущимися ее связи?

Эх! А если бы нам всем умереть
И находиться бы до этого уже прахом в могиле!

О друг мой! Если б ты видел своими глазами то, что я излагаю,
То ты, без сомнения, вопил бы от горя.

Если ты способен дивиться, то самый удивительный из рассказов — это мой.
Слушай же его ты со вниманием.

Я сообщу вам дивные вещи, происшедшие
У праведных, свободнорожденных благородных.

Вот уже возложили имамство с покорностью
На имама — Гази Мухаммеда.

Начал он с того, что заботливо повел народ
По верному пути утверждения шариата и обрядностей.

Он возвеличил религию в этих жилищах,
Он возвратил данный богом закон, до него устраненный.

---

1 Глосса: „Рухам как ворон—то, на что не охотятся из птиц. «Камус Мухтарам»".

2 Имеется в виду сборник хадисов ал-Хаттаби, именуемый „Ас-Сахих", т. е. „Правдивый", „Справедливый".

Он воскресил истинное учение, вновь воссоздал
Здание истинной веры после его разрушения.

Он основал его на благочестии, верном пути,
Справедливости, твердом оплоте и под защитой [аллаха].

Повеяли среди рода человеческого дуновения щедрот,
Познания истин и тайн высоких достоинств.

Был он несомненным имамом ислама,
Он соблюдал истину ислама справедливо и точно.

Он увидел неверие, изнурявшее эту страну.
Тогда засиял ему [солнцем] успех поддержки.

Укрепил его над врагами владыка победы
И сделал его приверженцев твердыми при схватках в битвах.

В дни власти своей он рассеял войска из неверных
Так, что вновь они не сошлись уже вместе.

Он бился в сражениях, пока не погиб
За веру посреди пылавшей битвы.

Аллах да вознаградит его раем блаженства
И да коронует короною радости.

После кончины его люди сошлись на Хамзате —
Величественном сыне величия.

Он — герой, приобревший опыт в сражениях
И брат доверия при днях трудностей.

Сражался он на верном пути джихада.
Старание его было прекрасным среди всех людей.

Он — второй над этими жилищами
Из халифов и великих героев.

Братья несчастия пошли на убийство его,
Во время скопления народа в их соборной мечети.

Люди — из тех, кто вовсе не хранит обещаний.
Они — люди угнетения и несправедливостей.

Рассеялась в те дни совокупность общины
И была пролита кровь благородных.

После этого в халифатстве всенародно дали
Присягу Шамилю — герою, вождю.

Этот оказался сильнейшим из народа по гневу
И враждебности к врагам ислама.

Он не проявлял свою суровость над нами даже тогда,
Когда сам на острие меча находился.

Он трудился все время, глотая от них огорчения
И не проявлял в отношениях к ним ничего, кроме мести [законной].

И когда труды его эти растянулись на долгое время,
То аллах привел его к победе меча.

Он шел, усиливаясь в могуществе и испрошении помощи,
И стало известным дело его после скрывания втайне.

Трудился он на пути аллаха с благоразумием и осторожностью
До тех пор, пока не поднялся на самое высокое место.

Тогда почтил его [аллах] соединением разрозненности народа,[1]
Который пришел к нему с дружбой и прося устроения.

Народ приходил к нему толпа за толпой
Вольно, невольно, или со страстным желанием.

Он вновь воссоздал каждое здание для мира [ислама]
И мудро укрепил его, сделав преграды-завалы.

И когда мир предпочел только его одного,
То он объявил о времени гибели для людей земли.[2]

И стали поэтому ничтожны для него души того народа,
Для которого [ранее] были ничтожны души тихамца.[3]

---

1 Глосса: „Разрозненности народа Чечни".

2 „Люди земли", т. е. люди, заботящиеся только о земных благах, люди неверия и пр.

3 Т. е. пророка Мухаммеда. Души тихамца — души мусульман.

Если кто-либо не испросил защиты владыки,
То подвергнется ли его растерзанию тот, кто имеет эту защиту?

Сколько раз при свидетелях из народа он возглашал
Об объявлении призыва [к джихаду] без всякой утайки.

Обращаясь к владыке трона в день выступления,
Когда люди выходили для битвы, [он говорил]:

„Эти вот — уже избрали себе в покровители людей неверия
И вместе с ними выходят на нас ежегодно.

И если они разорвали с нами нерушимые связи религии,
То перебили мы их, разорвав к ним уважение“.

И опустил крылья покровительства над людьми добра[1]
Тем, что потряс мечом над людьми порицания.

Вот уже шесть сторон [света] наполнил он славой
И приобрел уважение среди славных вождей и владык.

Дни его оказались днями благополучия,
Они пришли с великими завоеваниями.

Сколько из крепостей, которые построили люди неверия,
Ища в них защиты, были великими и возвышались;

Построены были они крепко руками осторожности,
Выше по совершенству, чем Хосроев дворцы.

Сколькими вооружениями и снаряжениями были снабжены они,
Сколько в них было разных стрелков и приспособлений стреляющих?!

И вот снарядил однажды Шамиль на них свое войско
И разрушил даже основы их остриями мечей.

Все что было в них — забрал он насильно,
А люди неверия очутились поутру в ущербе.

---

[1] Очевидно, намек на конец 88-го стиха 15-й суры Корана „... и опусти свое крыло пред верующими“.

В прежние дни, когда было счастливым для него время,
То и всякие желания встречали его, улыбаясь.

Когда все старания он прилагал для джихада
И приведения войска в порядок,

То в то время войска мусульман действительно
Возвеличились под рукою имама.

И сколько войск неверных они повернули обратно насильно,
С унижением и разрушением, несмотря на их ярость.

Сколько раз выходили неверные со сборищами и богатствами
И разбегались от сокровищ своих, обращаяся в бегство.

Сколько пленных захвачено было из ночных их отрядов,
А затем их же продавали неверным за то, в чем нуждались.

Сколько неверные привезли своих женщин, но ослабевали
Старухи их из-за пленения и взятия в добычу.

Я вижу, что есть перемены и у этого времени
И вот оно уже спешит с превратностью к благородным.

Пришло к Шамилю утро постоянного злополучия
И лишило его содействия и уважения.

И вот уже затих перед ним восточный ветер побед,
И подул вдруг западный ветер истребления.

Когда завертелся над ним жорнов войны,
Тогда разгорелось пламя горячих сражений.

Разостлалась „межусобица подстилок",[1] а затем за нею
Последовала „межусобица — владетельница мрака".

Весь разгар этой последней межусобицы выступил против него
Так, что она извлекала все кости из мяса.

Как будто бы судьба стала разъяренной против него
И идет вслед за ним с наказанием-мщением.

---

[1] О значении термина „межусобица подстилок" см. ниже, стр. 272—73.

Она порвала с ним договор дружбы после его заключения
И расстроила совокупность его после ее устроения.

Насильно он был удален в жилища неверных,
Против воли его — на погибель.

Его обманули друзья его подлые,
А друг его оказался наиболее враждебным соперником.

Сколько из лгущих в любви ему дружбу свою
Открывали из-за чина или обломков мирских благополучий.

Они вертелись вокруг него, приспособляясь,
Когда жорнов его вертелся по желанию.

Когда же ветер восточный затих, то отпали
Они и от веры и от заботливости.

А когда же пути Шамиля стеснились под ним,
То они подхватили сокровища его на разграбление.

Сколько было групп, с которыми были заключены соглашения,
Подкрепляемые обязательствами.

А они его управители — оказались управителями порока
И изменили ему в день разгара битвы.

Сколько клялись ему смертью в том,
Что не оставят имама в дни несчастий.

Но когда пришло то, о чем они клялись,
То они протянули имаму руку погибели.

Наибы его оказались наибами порока,
Подлинно были они бедствиями для народа.

Назначал он их над народом как пастухов.
А они оказались подобно волкам над стадами,

Он внушал им правду и справедливость,
А они умножали несправедливости и притеснения.

Стеснились просторы земли для народа из-за
Их несправедливости и злонамеренных наказаний.

Наибы лишили народ сил для джихада,
Они же сделали его бессильным для оказания поддержки.

Имам называл их верными управителями и поэтому делал вид,
Что не слышит жалоб тех, кому были причинены обиды.

А сколько наибы оттолкнули тех,
Кто жаловался с глазами, изливающими потоки слез?!

Наибы поручили дела людям, недостойным для этого,
Предполагалось [найти] безопасность не в том месте, где она находилась.

Наибы погубили две вещи, отданные Шамилю на хранение:
Подданных и соблюдение справедливости.

Забыли они обязательства клятвы, данной ранее ими,
И троекратность развода без возможности возврата.

*

Когда имам удалился из этих жилищ,
То изменились характеры этих людей.

Сколько бывших ранее благочестивыми, по их заверениям,
Когда он ушел, погрузились в греховность.

И сколько из ученых, или чалмы владетелей,
Сейчас развлекаются и даже пьют вино.

А разве они не страшатся? Разве нет у них стыда
Перед всемогущим, или этой чалмой?

А разве смерть не достойнее для свободнорожденных,
Чем ослушание или позор беззакония?

Когда имам удалился от этих домов,
Некоторые даже начали высказывать ему осуждение.

И сколько раньше превозносивших похвалы
Ныне едят его мясо, даже с костями.

Когда он ушел, то остались они как звезды
Во мраке, когда исчезает свет солнца.

Пусть же будет и гибель, и горе и проклятие
Этому подлому сброду.

Этими своими стихами я не собираюсь претендовать
На поэзию, если бы даже обнаружил и слов чародейство,

Однако я свидетельствовал как очевидец о превратностях
Моего века и сообщил о делах до конца.

И если были порочными время и люди моего века,
А народ оказался приведшим в расстройство порядок,

То я вот — хаджи Мухаммед Сугратли —
Прошу у аллаха хороший исход.

(Слова хаджи Мухаммеда ас-Сугратли, да помилует его аллах всевышний, — „Виднелась «межусобица подстилок»“ и т. д. взяты из того, что передают со слов Абдуллаха, сына Омара, да будет доволен аллах ими обоими.

Абдуллах сказал: „Мы были восседавшими у пророка, да будет молитва аллаха всевышнего над ним и мир, он вспоминал межусобицы. Он много их перечислил до тех пор, пока он не упомянул «межусобицу подстилок»“.

Тогда сказал сказавший: „Что такое «межусобица подстилок?»“ Пророк ответил: „Она есть бегство и грабеж; затем межусобица «сарра» [грыжи] — дымление ее из-под ног мужа из семьи моего дома. Он утверждал, что он от меня [действует] — это делают только близкие родственники совершенного. Затем народ сошелся на одном человеке «как бедро на ребро».[1] Затем «межусобица сумрака», — она не оставила никого из этой общины без того, чтобы не надавать ему

[1] Глосса: „«Как бедро на ребро». Это пословица, которую употребляют в отношении того, что не является справедливым и устойчивым, потому что бедро не опирается на ребро, а то его не носит [т. е. ребро не носит бедро]. Когда же нужно выразить соответствие и сообразность этой пословице, то говорят «Как ладонь на руку, а рука на локоть»“.

пощечин. И когда говорят, что она закончена, [то наоборот] она тянется. Во время ее встает человек поутру правоверным, а при наступлении вечера становится кафиром [неверным],[1] так что народ оказывается в двух лагерях: лагерь веры — нет в нем лицемерия, и лагерь лицемерия — нет в нем веры. А когда будет так, то ожидай антихриста сегодня или завтра".

Слова Абдуллаха „Мы были восседающими" значат „мы сидели".

„Он вспомнил «межусобицу подстилок»" — [по этому поводу] ал-Хаттаби сказал: „«Межусобица» поставлена в грамматическую связь с «подстилками» по причине ее постоянства и длительности пребывания; говорят о человеке, который постоянно находится у себя в доме и не выходит из него, — «он — подстилка [у порога] своего дома», потому что подстилка расстилается и остается на своем месте до тех пор, пока не будет убрана. Допустимо, что эта межусобица действительно похожа на подстилки вследствие черноты ее цвета и ее мрачности".

„Она есть — бегство" значит, что люди бегут один от другого вследствие того, что происходит между ними из битв.

„Хараб [грабеж]" с „а" после „х" и „р" — забрать имущество несправедливо.

„Межусобица «сарра» [грыжи]"[2] с „а" после „с". Это болезнь, которая поражает верблюдицу в пуповину, тогда говорят: верблюдица — сарра, т. е. у нее болезнь пуповины. Смысл этого слова может значить происшедшую в народе такую межусобицу, которая вызывает в груди боль от печали и постигающего народ вреда.

„Дымление ее" — „ее дым". Это указывает на то, что распространялись эти межусобицы через посредство

---

[1] Глосса: „«Правоверным», т. е. запрещающим проливать кровь своего брата, к вечеру становится «неверным», т. е. дозволяющим это".

[2] Сарра — грыжа и в то же время верблюдица, страдающая грыжей.

„мужа из семьи моего дома“, но не „из моей семьи“, потому что если бы было „из моей семьи“, то этот муж не возбудил бы межусобицы. Это значит, что он в родственной связи с „семьей моего дома“, однако в действительности не „со мной“.

„Затем народ сошелся на одном человеке «как ребро на бедро»“. Ал-Хаттаби сказал: „Это — пословица и значение ее — дело, которое несправедливо и не твердо и это потому, что бедро не опирается на ребро, а ребро не носит бедро“. В главе „Соответствий и сообразностей“ сказано: „Когда кого-нибудь характеризуют, говоря «он опирается как ладонь на руку, а рука — на локоть» и тому подобное, то хотят сказать, что этот человек недостоин власти и она им не будет установлена правильно“.

„Затем «межусобица сумрака» — она не оставила никого из этой общины без того, чтобы не надавать ему пощечин“. Сумрак — это уменьшительное слово от „мрак“, т. е. беда, — так называют беду вследствие ее мрачности. Пощечина — это удар по лицу внутренней стороной кисти руки. Смысл этого слова заключается в том, что следы этой межусобицы достигали каждого из тех, кто тогда присутствовал или принимал в ней участие.

„Так что народ оказывается в двух лагерях“. Лагерь — палатка. Это значит, что народ того времени оказался [разделенным] на две группы — искренний мусульманин и полный кафир [неверный]. Конец).

Другое заключение

Сообщил Мухаммед ал-Касыр ал-Индирии составителю этой книги следующее: „Эти управители русских хотят поднять и возвеличить Шамиля и не хотят его унизить и сделать презренным. А доказательство этому в следующем. Между мною и кня-

зем Чавчавадзе — дружба. Однажды, уже после отъезда Шамиля отсюда к русскому царю, я посетил князя и встретил стоящего пред ним чтеца, бывшего ранее приближенным у Шамиля и часто его заменявшего. Чавчавадзе усадил меня подле себя и, положив руку на мое плечо, спросил: «Почему ты не спросишь меня о твоем приятеле Шамиле?» Я ответил: «Поистине я не знал, что ты имеешь связь с Шамилем». Тогда он сказал: «Я не имею с ним связи, но до меня дошли сообщения о нем». Тогда этот стоящий чтец сказал, что в последнее время, т. е. сейчас, Шамиль стал малоумным.

Чавчавадзе заявил: «Сейчас в России распространено [мнение] о совершенстве ума Шамиля и его храбрости. Да и как же иначе, ведь он вытерпел борьбу с царизмом на протяжении 25 лет, а русский царь не вытерпел этого в течение такого времени и [пошел] на мир»". Конец.

Рассказывал мне человек, заслуживающий доверия, о том, что когда русский Николай объезжал области своего государства в 1253 [1837/38] г., то [повсюду] его встречала знать. И вот его встретил юноша, сын шаха шиитов. Николай спросил его об его отце. Тот ответил: „Он управляет таким-то вилайетом". Тогда Николай сказал: „Что за народ! Они занимают его для такого мелкого дела, унижая его".

Юноша ответил: „Да, они — небольшая община, как Дагестан". Он намекал на затруднения Николая в Дагестане.

Упомянутый Мухаммед ал-Касыр сообщал о том, что Чавчавадзе рассказывал ему о разговоре Шамиля с их архиереем, а архиерей — величайший из всех монахов у них. Чавчавадзе сказал: „Он [архиерей] у нас выше, чем царь". Шамиль спросил у архиерея: „А разве не в обычае аллаха всевышнего предписание предшествующего пророка заменять зако-

нами пророка, приходящего после? Ведь были заменены некоторые скрижали другими. Затем предписание скрижалей было заменено Пятикнижием Моисея, и Пятикнижие, в свою очередь, было заменено Евангелием". Архиерей ответил: „Да это так". — „Так почему же, — спросил Шамиль, — вы не признаете замену Евангелия Кораном? Дайте его", — добавил Шамиль. „Предположи, что это так, и мы оставим это дело в стороне". Затем пошли и принесли Евангелие, переведенное на арабский язык. Шамиль сказал: „Это [Евангелие] запрещает вино, свинину и прелюбодеяния. А вы не поступаете сообразно с ним".

Тогда Чавчавадзе сказал: „А не нужно ли было этому архиерею сказать Шамилю следующее — а разве нет в вашем Коране того, что вы не исполняете?"

„Да, в Коране много есть из того, что мы не исполняем", — подтвердил этот стоящий чтец.

Я же сказал: „Мы подлинно делаем то, что предписано Кораном; мы совершаем молитву, платим закят, соблюдаем пост Рамадана, воздерживаемся от прелюбодеяния и несправедливости. А если украдет укравший, или выпьет пьющий, то это от их порочности".

Чавчавадзе положил руку на мое плечо и сказал: „Истинно, ты Мухаммед будешь у меня также притязающим на это".

Это же сообщение рассказывают по-другому. Было напечатано в русских газетах, которые приходили в Темир-хан-шуру, о том, что этот архиерей пригласил Шамиля вместе с русским царем в свой дом в гости.

Шамиль нашел его дряхлым стариком и спросил: „А разве нет у тебя жены?" — „Нет", — ответил архиерей. „Почему же ты не женился?" — спросил опять Шамиль. „Истинно, наш пророк Иисус, да будет над ним молитва и мир, не был женат", —

ответил архиерей. А его дом был украшен сосудами, лампадами и покровами из золота и серебра.

Тогда Шамиль спросил у архиерея: „А разве были у вашего пророка Иисуса подобные этим сосуды, лампады, покровы и дом?“ — „Нет“, — ответил архиерей.

Тогда Шамиль сказал: „Почему же только в чистом безбрачии ты следуешь своему пророку, но не следуешь ему в отношении этих вот вещей“.

Архиерей смутился и вынужден был замолчать. Передают также, что царь сказал Шамилю: „Что касается пяти молитв, то они установлены в вашей вере. А что же это за молитвы, которые вы совершаете до и после?“ Шамиль ответил: „Они подобны множеству лампад, которые вы зажигаете в одной какой-нибудь комнате“. Конец.

Дополнение о возвеличении и почтении, оказанных имаму Шамилю и его спутникам

Это было со стороны великого царя после прекращения надежды на почет и прославление и после того, как завистники Шамиля уже были убеждены в том, что он совсем унижен и подавлен. Я выбрал это дополнение из „Сути разъяснений“, которые собрал шурин [и зять] Шамиля и его товарищ благородный сын устаза Джемаль ад-Дина Абд ар-Рахман, родовитый сеиид, вернувшийся от Шамиля.

Когда по заключении мира Шамиль со своей семьей отправился с Гуниба на гору Кахаль, то его с семьей расположили рядом с генералом в великолепной палатке. В этой палатке было столько различных ковров и другой хорошей, драгоценной и красивой мебели, что даже нельзя выразить словами [букв. не расскажет о них языком никакой говорящий]. Нам тотчас представили повара-мусульманина, дабы мы были избавлены от их пищи. Нам доставили пре-

красную пищу и различные вкусные фрукты на золотых и серебряных блюдах.

И я думаю, — говорит Абд ар-Рахман, — что завистники Шамиля, когда увидели почет, оказанный Шамилю, то были наполнены и задыхались от гнева, затаившегося в их душах от силы их враждебности к нему. Конец.

В то время, когда Шамиль находился в этом состоянии благоденствия и полного досуга, пришел однажды к нему полковник Али-бек ал-Яхсави, он был переводчиком между Шамилем и генералом, и сказал: „Меня послал к тебе генерал для того, чтобы сосчитать членов твоей семьи, дабы доставить им достойные подарки и дорогие награды“. Шамиль сообщил ему то, что от него требовалось, и Али-бек вернулся обратно.

На следующий день пришел опять этот переводчик к имаму с подарками от графа и разложил их перед ним и, показывая их имаму, говорил — это тому-то, это тому-то и т. д. Среди подарков были двое часов, украшенные бриллиантами, а бриллианты — это драгоценные камни, известные среди нас под именем алмазов. Эти часы были предназначены для каждой из жен имама — нашей сестры Захидат и обращенной в ислам Шуаванат. Каждые из этих двоих часов стоят по тысяче рублей по умеренной цене. Два кольца для двух замужних дочерей Шамиля, моей жены Нафисат и жены моего брата Фатимат. Две булавки, прикалываемые к платью на груди, украшенные также бриллиантами, которые [предназначались] так же, как и кольца, двум супругам двух сыновей имама — Каримат и Аманат. Дорогая шуба для имама, стоящая у русских 2 тысячи рублей. Эта шуба принадлежала генералу, и он пожаловал ее имаму, усиленно стараясь оказать ему почтение. Затем мы отправились с горы Кахаль в крепость Темир-хан-шуру. Во время пребывания там мы ничего

не видели от русских, кроме возвеличения и такого почета, что даже и рассказать невозможно.

Когда имам, направляясь к султану Москвы, спустился на равнину, то один чтец из жителей равнины упрекал его за то, что он сдался русским и не искал смерти [в битве]. Имам тотчас же, не задумываясь, ответил ему стихом из Корана: „Ни одной душе не дано умереть, кроме как с разрешения аллаха“.[1] Укоряющий был смущен.

Имам отправился отсюда с Гази Мухаммедом, двумя его мюридами — Хаджиявом, сыном Газиява ал-Карати, и Тауш Мухаммедом ал-Карати, отставленным секретарем имама Абд ал-Каримом ал-Чиркави и переводчиком Али-беком ал-Яхсави. Семью свою он оставил со своим сыном Мухаммедом Шафиа в крепости [Темир-хан-шуре]. Затем пришел Гази Мухаммед и вернулся с их семьями и родственниками, юношами учеными Абд ар-Рахманом и Абд ар-Рахимом, сыновьями шейха сеиида устаза Джемаль ад-Дина. Я не был в то время с ними, однако упоминаю здесь все то, что они видели во время поездки к царю, как будто бы я был с ними. Это — по сообщению мне имама. Они ехали, сидя на дрожках генерала, подобных которым не видели в России, кроме дрожек царя, но нет нужды упоминать об этом. Когда они достигли города Чугуева, то там встретили царя. Чугуев — это город близ Харькова, а между Харьковом и Петербургом расстояние 1374 версты. Последние слова царя при встрече с Шамилем были: „Будь доволен. Поистине, ты не раскаешься в своем приходе ко мне“.

А дело стало лучше, чем сказал царь. Затем царь верхом выехал на равнину для обязательного, согласно обычаю, ежегодного смотра его конных войск, которые не покидали Харькова и его окрестностей. Это — лучшие его войска. Среди них — различные отряды,

---

[1] Коран, 3_{139}.

гусарский полк, уланы и пр. и пр. В тот день было их около 15 тысяч. Они устроили там взаимное состязание, разделившись на две группы, и играли, стреляя из пушек и ружей одни в других так, что тот, кто был далеко, видел, что как будто бы там происходит великая битва. А царь проезжал на лошади то справа, то слева, осматривая войска. Имам ездил с царем, сидя в дорогой коляске, а царь спрашивал его: „Как ты находишь вот это, вот это". Шамиль отвечал ему ответом, сообразным положению их обоих. Затем царь приказал ему отправиться в местожительство царя в Петербург к госпоже царице, матери царя, тем самым выполняя данное ей обещание, если он победит Шамиля, [то привезет его ей показать]. Шамиль отправился со своим старшим сыном, друзьями и переводчиком.

Когда она увидела Шамиля, то спросила его об его здоровье и о том, что он испытал в дороге приятного или тягостного. Она ему сказала то же самое, что сказал царь при первых встречах с ним. От нее он вернулся в то место, где он поселился в Петербурге. Затем ему показали все диковинки, находящиеся во дворцах царя, прекрасность которых не опишешь. И какое там оружие, сокровища и постройки! Подобных им не слыхивали у царей совершенно. Таково же прочее снаряжение — пушки и „канафиры" [1] и пр. Наиболее удивительное из виденного в Петербурге — золотой петух, находящийся во дворцах царя; у него крик подобен крику нашего обычного петуха без какого бы то ни было различия. Хвала тому, кто подчинил все вещи своему могуществу и дал преимущество в уменье сынам Адама над остальными его тварями.

Это — суть повествования, переданного мне имамом и некоторыми его сподвижниками, которые были

[1] Точное значение этого слова до сих пор не установлено.

тогда с ним. Кто хочет — пусть верит, кто не хочет — пусть не верит. Затем царь указал для местожительства имаму город Калугу, которая похожа на наши города во многих отношениях; прекрасный воздух, хороший вид, множество лесов, рек, холмов и пр. Рассказывают, что, когда заболела родительница этого царя, то она переселилась в Калугу и жила там некоторое время. Там она получила исцеление от ее болезни и вернулась обратно на место своего основного жительства.

Царь приказал тогда начальнику города предоставить Шамилю на выбор для жительства любой дом города, какой он только захочет. Но имам не стал выбирать себе жилища сам. Довольный тем, что он увидел из оказанного ему возвеличения и уважения, он поручил это дело им. Они его поселили в роскошном доме, подобного которому нет в Калуге. Этот дом они наняли для него за тысячу рублей из казны. Вокруг дома — обширный цветущий сад с плодами, цветами и обильной зеленью, для того чтобы выходили в него для прогулки, когда захотят, и он свободен от взглядов посторонних. В саду специальная баня для тех, кто хочет помыться и навести чистоту зимой.

Русские приказали управителю города ежегодно ремонтировать этот дом за счет казны. Перед тем как мы въехали в этот дом, мы нашли его уже приготовленным. В нем было сделано все, в чем нуждаются: стулья, столы, скамейки, постели, ковры, одеяла, подушки, зеркала, часы и пр. Всего ценою, достигающей 7 с лишним тысяч по меньшей мере. Кроме того, дров для отопления на 200 туманов ежегодно. Приставили также при имаме человека для обслуживания его потребностей и писания писем царю. Два переводчика — русский и казанский с жалованием [их всех троих], превышающим 4 тысячи рублей: 3 тысячи приставленному человеку, тысячу русскому пере-

водчику и 600 рублей казанскому переводчику, итого сумма составляет больше 4 тысяч, как было упомянуто. Сумма всего того, что отпускали для имама, т. е. для содержания всех находящихся при нем ежегодно, составляет 20 тысяч рублей. Я удивлен уважением, подобного которому нет никакого другого и не было слышно во времена прошлых царей равного ему для кого-либо.

Приставка о том, что осталось [*неизложенным*]. Когда вышел высочайший фирман от его величества царя, владетеля верховной власти и сана, о приготовлении для имама дома, им было приказано также закупить для имама всю столовую посуду и прочие принадлежности из чистого серебра, но имам не согласился, основываясь на том, что это не было одобрено по учению аш-Шафиа, да будет доволен им аллах всевышний. Эти слова увеличили среди русских достоинство имама, так как они узнали, что жадность к тленным мирским благам незначительна в наших характерах и врожденных свойствах. Затем через некоторое время после поселения имама в Калуге великий царь подарил ему роскошную очень дорогую коляску. Говорили, что она стоит тысячу рублей, если оценить. Имаму купили также пару хороших рысистых лошадей за семьсот рублей. И слава аллаху, владетелю миров.

Этот приставленный к имаму человек, капитан Афлун,[1] пока находился при имаме, проявлял хорошее отношение и заботился об уважении и достоинстве имама. Я слышал, в то время когда мы с ним находились во дворце царя при поездке в город Петербург, как царь лично сказал ему: „Я доволен тобой за твою верную службу".

В один из дней Афлун пришел к имаму и сказал: „Невдалеке от нас находится фабрика, на которой делают бумагу, если ты хочешь, то отправимся туда

[1] Капитан Аполлон Руновский.

посмотреть“. Имам согласился и поехал, и мы с ним. Когда мы приехали на фабрику, то нашли ее владельца приготовившимся для принятия нас как гостей, как будто бы он знал о нашем приезде к нему за месяц до этого. Это дело было любезной предупредительностью Афлуна. Владелец фабрики показал нам все, что там находилось из диковинок, произведенных его искусством.

Мы упомянем тебе малость из этого.

Во-первых, там поставлены большие котлы, вертящиеся как шар, они все время вертятся. В котлах — множество тряпок и старых лохмотьев, их бросают в эти котлы для того, чтобы они стали чистыми от грязи. После очистки котлы выбрасывают эти тряпки в другое место — резальню, где находится как бы „веревка из жерновов“, а на ней что-то, похожее на топор, и делают их измельченными, как нарезанная трава. Затем то, что нарезали, кладут в другие котлы, в которых вода для того, чтобы снова очистить, моя вращением в них. Затем то, что вынут из них, кладут в другие. Наконец, станет это как жижа [жидкая масса].

На этой фабрике — колеса из железа, канаты и другие разные приспособления, изготовленные руками искусных мастеров. Не постигнет их разумение, если даже усиленно смотреть и напрячь мысль. Однако крайний предел обозрения при присутствии там — замешательство чистого [рассудка] и заблуждение ясного [ума].

В конце этих колес и около них видны листы бумаги, которые падают сверху вниз сложенные, готовые для письма. Там, где они падают, стоят два мальчика, не достигшие зрелости. Они подбирают и отделяют то, что падает из бумаги на землю. Все обслуживание там [происходит] при помощи железных колес, не нуждающихся ни в какой помощи людей, кроме бросания в котлы тряпок, как было указано выше.

Затем владелец фабрики пригласил нас в гости. Мы вернулись от него вполне удовлетворенными тем, что мы там видели.

По миновании некоторого времени после этого пришел к имаму капитан Афлун вторично, приглашая его на сахарный завод. Этот завод был близ Калуги: всего в 12 верстах. Имам отправился туда с нами. Когда мы туда прибыли, то нашли владельца завода Жукова приготовившимся, как будто бы он ожидал прибытия к себе благородного гостя, и столы, уставленные явствами, были накрыты перед ним. Мы поняли, что это исскуство опять-таки не иначе как со стороны капитана Афлуна.

Сразу же после нашего прибытия нас повели на завод. И вот, на этом заводе такие же самые, как и на фабрике бумаги, колеса, канаты, котлы — без какого-либо различия, кроме того, что этот завод во многом хуже бумажной фабрики. Мы упомянем для вас немного из рассказа о нем. Например мы видели там множество моркови [свеклы?] и другой сорт из нее, называемый на нашем языке „чугулта". На этом заводе все время стоят прислужники и бросают эту чугулту в котлы, которые вертятся как жернова. Там чугулта размельчается до тех пор, пока не станет как жижа. Затем истолченное процеживается через льняные полотнища. Сок каплет вниз, а на полотнищах остается что-то похожее на осадок [подонки]. Сок кипятят до тех пор, пока он не сгустится и станет полутвердым, густым наподобие меда. Затем вскипяченное выливают в другие быстро вертящиеся котлы и, наконец, становится как смола [жир], застывшая и твердая. Затем это вскипяченное выливают в формы из белого железа для приготовления сахарных голов. Затем кладут его в очень холодное помещение на открытом ветру для того, чтобы он сделался твердым, приготовленным, какой мы видим обычно. Это первый сахар, однако в нем остается желтизна, которую тре-

буется удалить. Этого достигают так: берут кости и хорошо их пережигают, пережженное толкут до тех пор, пока не получится мягкое, как мука. Затем употребляют это в нужных размерах для отбелки сахара. Так рассказали нам на этом заводе. Но мы не видели всего этого своими глазами.

Сейчас мы приступаем к изложению вкратце качества почитания имама и уважения к нему, оказанных жителями города Калуги и всеми начальниками, главами, генералами и другими лицами из народа. Мы прожили среди них такое время, которого достаточно для того, чтобы постигнуть их положение и узнать их качества. За все это время мы не видели от них, ни от большого, ни от малого, того, что было бы нам противно, или огорчило бы нас, словом, или делом, тайно, или явно, кроме возвеличения и уважения и сидя и стоя, и днем и ночью. Даже когда мы встречали их в толпе на улицах или при собраниях народа, они приветствовали нас, например, снимая шапки, здороваясь за руки, доброжелательно лично беседуя и т. д.

И если мы приходили к ним в гости по приглашению, или без приглашения, они вставали перед нами с почтением и предлагали нам то, что есть у них из пищи и питья. Даже если мы хотели совершать молитву в их присутствии, вследствие наступления ее времени, то они освобождали нам место. Таково было их к нам уважение.

И все это из щедрот аллаха всевышнего, дающего их, кому он хочет.

Затем, при приходе к имаму посетителей из разных краев из числа знатных людей и лиц, особенно тех, у кого имеется какой-либо высокий сан у царя, они любезно обходились с имамом и обращались к нему с приятными разговорами и хвалебными речами, скрашивая своим приходом имаму одиночество на чужбине и отдаленность от родины. Они подкрепляли его прекрасными утешениями и увещаниями [поло-

житься] на решение могущественного владыки. Затем, при прощании с имамом, они желали ему добра от того, в чьей руке ключи добра и зла, и проявляли по отношению к нему уважение и почет. Они говорили ему: „Мы любим тебя за хорошие качества характера и твои похвальные свойства, которыми ты прославился среди человеческого рода и в странах мира среди всех сынов народа“. Таковы были их речи. Что же касается их поступков, то они были по отношению к имаму еще более добродетельными.

Сообщал мне, а я, — Абд ар-Рахман ал-Гумуки, собиратель этой книги, — передатчик, человек, заслуживающий доверия, о том, что однажды имаму сообщили: „Какие-то женщины из их знати явились из далеких мест и хотят посмотреть тебя и твоих женщин. Разрешишь ли ты им?“ Имам им разрешил. Они вошли к нему. Им сказали: „Вы, конечно, узнали его?“ т. е. ну как вы находите Шамиля? Одна из них сказала: „Он человек [был бы] хороший, если бы не убил моего мужа“. Шамиль ответил: „Если бы я его знал — твоего мужа — то не убил бы его“. Все присутствующие засмеялись. Эти женщины принесли в подарок Шамилю около сотни туманов. Конец.

Глава с упоминанием о поездке имама Шамиля к великому царю

В 1277 [1860/61] г. пришел из Петербурга по телеграфу высочайший фирман, в котором царь приглашал Шамиля к себе. Отправились с ним мы, наш друг капитан Руновский и фельдъегерь, присланный из города Петербурга для сопровождения имама в пути. Фельдъегерь — это посланец от имени царя, которого спешно посылают по какому-либо важному делу специально. Имам ехал со своим старшим сыном в великолепной коляске, а мы — в другой. Так, пока не достигли Москвы. Отсюда мы сели на железную дорогу

(цудульхук), а после того, как слез он и мы с железной дороги, мы встретили на краю города Петербурга друга имама (и его любимца), умного и сметливого искусного переводчика полковника Богуславского; он сейчас посланник со стороны великого падишаха в охраняемом [аллахом] городе Стамбуле. Богуславский переводит и говорит на арабском, персидском, турецком, английском, французском и других европейских языках. Тогда он был адъютантом у дежурного генерала, помощника того царского министра, который управлял всеми военными делами русского государства.

Богуславский был таким человеком, у которого ума, проницательности (и верности) полная через край чаша. Впоследствии его неоднократно назначали переводчиком между имамом и великим царем, а также и между имамом и генералом.

Мы нашли при нем роскошную коляску, приготовленную для имама. Этот полковник подошел к имаму, поздоровался с ним, приветствовал его с приездом и предложил свое гостеприимство. Он говорил с имамом на арабском языке (а у него и искусство в нем! что за искусство!). В заключение речи он сказал: „Добро пожаловать, благородный уважаемый гость, приглашенный остановиться у справедливого великого государя, которому никогда не надоедает оказывать милости, приехали вы в добрый час".

Они двое поехали в этой коляске, сыновья Шамиля во второй, а мы — его товарищи — в третьей. Мы прибыли к дворцам, пяти- или шестиэтажным, и остановились в них. Они очень хорошо обставлены и украшены различными тканями, столами и стульями, обтянутыми разноцветной парчой. В этих дворцах — разнообразная пища и множество фруктов, „которые не прекращаются и никогда не запрещаются",[1] и воз-

---

[1] Коран, 56_{32}.

вышающиеся постели. Как будто бы это какой-то рай, в котором „гроздья его близки“.[1] Богуславский сказал нам: „Ешьте и пейте на здоровье. Это уважение специально для тебя сделал царь, о имам!“ Имам поблагодарил за это. Полковник с этой упомянутой речью, осмотрев накрытые столы, вышел от нас не надолго, затем, примерно через час, вернулся к нам вторично и сел с нами за пищу. Затем он ушел.

На следующий день утром он пришел к нам и сказал: „Мы сейчас отправимся сперва к дежурному генералу — помощнику министра“. Мы отправились к нему а с нами и наш друг капитан Руновский. Когда мы прибыли к дежурному генералу, он поднялся навстречу имаму, поздоровался с ним и сказал: „Добро пожаловать. Вы прибыли весьма кстати“ и встретил его ласковыми и веселыми словами.

Имам изложил ему свое желание отправиться к министру и спросил, когда ему это будет можно сделать. Генерал охотно ответил ему: „Когда хотите“. Он обещал довести об этом желании имама до сведения министра. Затем генерал ответил [согласием] на то, что хотели от него в отношении министра. Имам вышел от него с этими его обещаниями. На следующий день утром полковник Богуславский отправился к этому дежурному генералу узнать в отношении того, что сказал имам накануне. Он вернулся от него с положительным ответом.

Мы отправились к министру Милютину в его дом. Мы встретили у него то же самое, что встретили до этого у его помощника, дежурного генерала, из уважения, почтения и приятных разговоров. Имам попросил у министра довести до сведения царя о том, что он хочет встретиться с ним и когда это ему будет разрешено. Через день или два пришел высо-

---

[1] Коран, 69_{23}.

чайший фирман о явке к царю. Когда мы прибыли в Красное Село, а это селение близ Петербурга, в нескольких верстах от него, то нашли царя в роскошных дворцах, а у ворот — толпу знатных людей и государственных вельмож, дожидающихся у дверей, как это полагается по обычаю вельмож, когда царь выйдет к ним. В тот день царь делал выход и был занят его приготовлением. Ему не подошел удобный случай пригласить нас в его дом и мы стояли поэтому у двери вместе со всеми собравшимися. Как только царь случайно брошенным взглядом увидел имама с лестницы дворца, он прямо направился к нему, не обращая внимания на тех, кто находился по сторонам. Он остановился перед Шамилем, а народ, находившийся там, смотрел на них и удивлялся тому, что встретил Шамиль со стороны царя из чрезмерного уважения. Царь спросил имама о его здоровье.

Имам проявил свою радость и счастье по поводу того, что видит его вторично здоровым, невредимым и в безопасности под взглядом смотрящего на него глазами милосердия и милости. Беседу царь продолжал недолго. Он посоветовал имаму поехать в военный лагерь, если он хочет полюбоваться зрелищем парада, а парад Шамиль неоднократно домогался посмотреть в прежние дни. Затем царь обратился к находившимся вокруг генералам и осведомился о их здоровье. Среди этих генералов были и такие, которые передавали письменные прошения его адъютанту, и такие, которые удерживались от подачи прошений, а удовлетворялись тем, что излагали свои просьбы устно, а затем поднимали руку к плечу — это у них знак приветствия. Затем царь сел в роскошную коляску и уехал со своим адъютантом.

Немного спустя вышел его брат, затем — царица со свитой из знатных женщин. Все они направились вслед за царем в военный лагерь.

После того как они удалились от нас, нам подали коляски, мы сели в них и поехали вслед за ними. С нами [поехал] и полковник Богуславский.

Когда мы приблизились к лагерю, то сошли с колясок и сели верхом на лошадей, находившихся там специально приготовленными для верховой езды. Мы верхами остановились в стороне близ царя, а он объезжал и справа и слева между [рядами] солдат и говорил: „Как ваше здоровье молодцы?“ Они отвечали ему в один голос: „Здравия желаем вашему величеству“. Царица сидела на возвышающемся холме в палатке с женщинами.

В то время, когда царь приказал войскам, и конным и пешим, пройти перед ним, ударил вдруг на нас проливной дождь. Промокли все вместе с оружием [настолько, что] как будто бы их вытащили из пруда, наполненного водой. Затем царь объявил благодарность начальнику войск за то, что он нашел его войска в хорошем порядке. После того как прошли всадники, вслед за ними вышла пехота. Среди пехотинцев находился сын царя. Он также шел как и все. Царь показал Шамилю на него и сказал: „Видишь этого мальчика? Это мой сын“.

Прошел перед ним другой его сын в других рядах, и царь указал на него имаму, как и в первый раз. Затем вышел один отряд всадников лучше предшествовавших оружием, лошадьми и выправкой [букв. станом]. Нам сказали, что это — лучшая часть из имевшихся там войск. В их авангарде находился старший сын царя — его престолонаследник.

После мы в колясках вернулись обратно и отправились в Петербург. По прошествии двух или трех дней мы отправились к генералу, который всегда уважал имама и любил его. Он находился в селении, выстроенном на морском берегу, тянущемся до Петербурга. Мы ехали на пароходе, принадлежавшем брату этого генерала, управителю морских войск. Нас рас-

положили в царском дворце, окруженном тем, что не поддается описанию.

Как только мы прибыли, нас пригласили к генералу, находившемуся в другом дворце. Имам вошел к нему с полковником Богуславским. Мы оставались в прилегающем к нему помещении до тех пор, пока не окончилась беседа имама с генералом. Затем мы вошли к генералу, и последнее то, что он сказал при прощании имаму, было: „Поистине, я люблю тебя как родного брата. А сейчас я отправляюсь в другое далекое государство. Пиши мне о твоем положении, и я буду писать тебе и не забуду тебя, хотя и удаляюсь от тебя в далекую страну".

Затем, когда мы вышли от генерала, мы вошли в царский сад. В этом саду находятся дома прежнего царя Петра, который установил большинство российских порядков. В этих домах хранится его мантия, шарф и туфли его жены Екатерины, которая управляла делами Российского государства после смерти Петра. Там же — древняя медаль, на которой изображена женщина в короне. Эта медаль выбита во времена Екатерины. В этом дворце находятся знамена мусульман, захваченные в стороне наших жилищ или в других местах во время битв. Вот таковы-то дела. В тех домах находятся также серебряные медали, которые обычно прицепляются на грудь тех, кто проявил отвагу в битвах. На них выгравированы выражения, известные у нас: „Кто думает о последствии — тот не храбр", „Это знак храбрости", „Это — молодец, совершенна в битвах его забота", „В битвах нападает нападением льва" или „Эта медаль — дал ее имам тому, кто проявил храбрость среди людей", и тому подобное.

Мы видели также топор, которым отрубали головы, и говорят, что его захватили в битве у Кутиша. Там же — знамя Данияль-султана.

Между тем нас привели в помещения, в которых неисчислимое множество кузнецов. Мы видели у них

огромный молот весом, как нам сказали, в тысячу пудов или больше. И несмотря на его вес, его приводит в движение с легкостью один человек при помощи железных колес. Этот молот разбивает громадный докрасна накаленный кусок железа немногими ударами так, что делает его тонким.

Заключение о том, что осталось

Когда имам возымел намерение вернуться из Петербурга, то он захотел вторично встретиться с царем. Причина этому следующая. Когда после того, как его величество проявил в отношении имама бесконечное уважение, оказал ему возвеличение и почет и покрыл крыльями его сожаления и сострадания то, что имело место с его стороны в прошедшие дни вражды, то имам счел для себя обязательным лично отблагодарить его и выразить благодарность от глубины сердца за все его благодеяния и милости к нему, ибо это было причиной увеличения благоденствия и исчезновения сожаления. Он попросил у царского величества разрешения на эту встречу. И вот фирманом властным и решением славным было разрешено имаму просимое им и приказано прибыть к царю. Когда мы прибыли с имамом к „высоким дверям“, то имама ввели с полковником Богуславским в специально для него приготовленное помещение. А я, мой брат Абд ар-Рахим и друг имама, приставленный к нему от высокого государства, капитан Руновский, остались в другом помещении, находящемся перед тем, куда ввели имама.

Царь беседовал с имамом долго. Я не знаю, что было между ними тогда из речей, кроме того, что, когда имам вышел от царя, его лицо блестело, подобно новой луне, от сильной радости и веселья, вызванных всем тем, что он увидел из почтения и царских милостей. [Это было] такое великое почитание, которое

превышает все упомянутое выше. Среди подарков царя имаму была очень дорогая золотая шашка,[1] подаренная рукой уважения и почитания. Да пусть не придет тебе в голову, слушатель, что это — вещь обычная даже для каждого из великих и начальников.

Затем царь пригласил к себе меня и капитана Афлуна, который был со мной. Когда мы приблизились к царю, то мы приветствовали его по обычаю русских наклоном головы. Я увидел признаки веселья и смеха на его лице. Он побеседовал со мной кое о чем. Например, он спросил: „Как ты нашел Петербург?“ и пр. и пр. Я отвечал ему в меру своих знаний и ума. Затем он обратился к Руновскому и сказал ему: „Поистине, я доволен твоей службой“. Он вышел, мы также ушли после него из его дома и отправились в Петербург. Через день после этого пришли посланцы от царицы с дорогими подарками для жен имама и его дочерей. Они показывали имаму все то, что было с ними из подарков, говоря: это — такой-то, это — такой-то, называя имена каждой из этих женщин по отдельности.

Среди подарков были: трое четок из жемчуга, цена каждых из них 300 рублей. Две четыреугольные коробки, в каждой из них — птица из золота, как настоящая, издающая удивительные трели. Подобных вещей мы раньше не видывали. Эти коробки были из бумаги. Две булавки из золота, украшенные драгоценными камнями, прикалываемые к платью на груди. Они предназначались для двух жен имама. И такие же булавки для всех дочерей. С этими подарками и с великим почетом вернулся имам из Петербурга, скованный и плененный цепями оказанных ему милостей

---

[1] В рукописи *К* глосса: „Говорят, что эту шашку, которую подарил царь имаму Шамилю, прислал царю в подарок верховный эмир Абу Муслим шамхал. Она была усыпана драгоценными камнями в таком количестве, что не сочтет их считающий и не опишет описывающий. От автора“.

и связанный по рукам путами проявленного в отношении его почтения. Однако, когда я вспоминаю закон наших людей в части содержания пленников, то содрогается моя кожа и морщится веселость моего лица, стыдясь [при сравнении] с тем, что мы видели здесь.

Глава о выпрямлении искривленных от природы ног дочери имама Шамиля Наджабат

Знай, что когда Афлун Руновский узнал, что царь любит оказывать уважение и почет Шамилю, то он захотел сам испытать состояние Шамиля — доволен ли он от глубины сердца всем тем, что сделал ему царь, или же осталось у него еще какое-либо другое желание, которое он не довел до сведения царя, [он это делал] для того, чтобы самому приложить старание в выполнении основных желаний имама. Руновский увидел, что имам благодарен аллаху всевышнему и доволен царем. Однако он понял, что в душе имама все же затаено еще одно желание — выправить ноги его дочери Наджабат.

В один из дней он покинул нас и через некоторое время вернулся в Калугу с удивительнейшей из людей по нраву личностью, которую звали Людвиг Киржановский.

Он привел его к имаму, Руновский сел рядом с имамом, а того посадил в стороне. Они вели длинный разговор. Киржановский рассказывал имаму о том, что он видел в Москве и Петербурге, и разные другие рассказы. И вот — его речь хорошая, но не согласуется с нашими речами, наоборот, все, что он говорит, — странные слова, чуждые для наших умов. Мы тогда сказали сами себе: „Кто это? Какой-нибудь ангел, или дух или святой, скрывшийся от людей?“

Наконец, мы узнали, что это был обычный смертный, а не ангел и пр. Во время этого разговора Афлун

сказал: „О имам, я искал долгое время лекарство для твоего сердца и, наконец, нашел это лекарство, — и он указал на этого человека, — в лавках Петербурга и доставил его тебе бесплатно. Пусть приносит пользу в устранении твоих забот, которые остались до сих пор у тебя в помыслах еще с того времени, когда ты был на Кавказе“.

Мы удивились ему и этим его словам и подумали, что он подшучивает над имамом.

Когда Афлун увидел наше неодобрение его поступков, он разъяснил свои слова, сказав: „О имам, поистине остался в твоих помыслах узел, завязанный еще в Дагестане, и я надеюсь при содействии аллаха всевышнего развязать его с помощью этого лекарства“.

Имам удивился его словам и захотел узнать, что это за узел.

Тогда Афлун сказал: „Твоя дочь Наджабат родилась с искривленными ногами. Я думаю, что она страдает от этого и постоянно жалуется аллаху всевышнему, и будь счастлив, дабы всевышний исправил это при помощи сего лекарства в короткое время“.

Мы удивились тогда его проницательности и постижению того, что было сокровенным в сердце имама, хотя он совершенно ничего и не сообщал об этом ни ему, ни даже никому из нас.

После этого в уме имама наступило полное удовлетворение и довольство. И если бы у него были крылья, то он полетел бы от сильного счастья. Через несколько дней после этого разговора этот человек принялся заниматься выправлением ног Наджабат. Он сказал ей в первые день начала лечения: „Посмотри сегодня на свои ноги и запомни их вид. Поистине, ты не увидишь их больше такими с этого дня, если этого захочет аллах всевышний“. Мы тогда засмеялись и сказали: „может быть он шутит“.

Но прошло после этих слов не больше 5 дней, только, и он полностью исправил ей ноги.

Не было употреблено там ножа или какого иного инструмента, кроме простого бинтования ее ног лоскутами. И хвала аллаху, владетелю миров. Имам дал этому врачу тысячу рублей. И если бы ему сказали — отдай все, чем ты владеешь, то он не поскупился бы — настолько была велика его радость этому искусному делу.

Письмо Джемаль ад-Дина к Шамилю

„От дряхлого старика сеиида Джемаль ад-Дина к его дорогому сыну славнейшему и благороднейшему Шамилю и к остальной семье. Мир над вами, милость и благословение аллаха всевышнего.

А затем. С того времени как мы узнали о вашем положении и ваших делах, мы часто восхваляли за это аллаха всевышнего. Восхваляйте же и вы и благодарите его за то, что он оказал вам великие милости. И желайте добра царю. Мы уже слышали о великом его милосердии и хороших поступках с многочисленными милостями к вам. Несмотря на то, что вы были в отношении его злодеятелями, с какими благодеяниями он отнесся к вам?! И если он так относится к злодеятелям, то каковы же поступки его в отношении добродеятелей?! Нет сомнения в том, что поступок благородных — благороден, их добродеяние — совершенно.

Надлежит вам и нам благодарить его за его милости и в любое время желать ему добра, возвеличивая его достоинство. Ибо, кто не благодарит созданных, тот не благодарит создателя. Как от вас не скрыто, благодарность дарующему — обязательна.

С миром. В 1278 [1861/62] г. в Темир-хан-шуре. Конец“.

Да сделает аллах всевышний для них обоих [Джемаль ад-Дина и Шамиля] рай убежищем и не лишит нас его также.

Остаток из диковинок города Петербурга

Когда мы были там, то нас доставили в одно место, где находилась группа звездочетов и предвещателей. У них книг столько, что не сочтешь, и очень длинная подзорная труба, в которую видны звезды даже в полдень.

Ну, разве не удивительно, что они показывают тебе в эту подзорную трубу любую звезду, какую ты только хочешь, и в любой части неба, прочитывая это в науке о звездах, которая является запрещенной для чтения и изучения у нас, а в то же время среди людей есть такие, которые разрешают это смотрение в силу приносимой им пользы.

Первый довод, [т. е. довод запрещающих], состоит в том, что звездочет часто сообщает о том, что скрыто от многих людей. Невежественный же человек, который слаб в своей вере, думает, что звездочет знает сокровенное и поэтому сердце его приходит к смятение, а он сам приходит к ложному представлению о существовании сотоварищей у него всевышнего [аллаха] в этом знании сокровенного, так как только он [аллах] — тот, от которого ничто не скрыто ни на земле, ни на небе, „знающий сокровенное и очевидное великий превознесенный“.[1]

Второй довод [т. е. довод разрешающих] состоит в том, что в знании счастливой или злополучной звезды заключается польза для путешественников, воюющих и тех, у кого есть какие-либо другие цели, так как тогда они могут пускаться в желаемое [предприятие] или воздержаться от него, смотря по выпавшей на их долю звезде.

Так пусть же будет дозволенным все то, что приносит пользу человеку, — оно не должно быть запрещено. „У каждого есть некая [обратная] сторона и он

---

1 Коран 13_{10}.

обращает себя к ней".[1] Аллах всевышний более сведущ в сущности дел. Кончилось то, что я, т. е. Мухаммед Тахир, извлек из краткого пояснения о делах Шамиля, и оно начинается с „Дополнения" и доходит до сих мест.

Дополнение о посланиях имама и великого царя

Поместил это дополнение на этом месте редактор, т. е. сын Мухаммеда Тахира. Имам послал царю: „О величайший царь, объемлющий милосердием всех подданных и благодетель для меня особенно. Подлинно, моя постоянная нужда в людях моего дома [для оказания помощи] и чрезмерная старость напоминают о смерти ежечасно. Основываясь на том, что я чувствую из расстройства своего здоровья, я думаю, что уже приблизился мой жизненный предел и аллах всевышний требует мою душу к удалившимся предкам. Я не боюсь неизбежной смерти. Я очистил свою душу молитвой и покаянием. Но, истинно, я и моя семья боимся внезапной смерти, прежде чем сумеем доказать покорность тебе, семье твоего дома и всем правителям русским верность наших сердец и чистоту нашего убеждения путем искренней клятвы, в подлинности нашего довольства. О величайший царь и мой добродетель! Ты победил оружием меня и тех, кто был в моем владении из жителей Кавказа. Ты даровал мне жизнь. Ты обрадовал мое сердце твоими благодеяниями над моей чрезмерной старостью, меня, порабощенного твоей милостью и щедростью. Я поучаю своих детей тому, что должно быть проявлено ими [из благодарности] в отношении русского государства и его великих владетелей, и благовоспитываю их на этом.

Я завещал им постоянную благодарность тебе за твою бесконечную ко мне милость и распростране-

[1] Коран 2_{143}.

ние известий о ней. Я завещал им также быть среди искренних подданных русского государства, повиновением приносить пользу их новой родине и служить, не принося ущерба и не изменяя. О царь, окажи милость моей старости, прими присягу от меня с моими детьми в любом городе, в каком только ты пожелаешь, — Калуге, Москве, Петербурге, — это по твоему благому выбору.

Истинно, мы все поклянемся перед лицом свидетелей в том, что мы желаем находиться в среде искренне преданных тебе твоих подданных в вечной покорности. Я призываю в свидетели аллаха всевышнего и его посланца Мухаммеда, да будет молитва аллаха всевышнего над ним и мир, в чистоте моих тайных помыслов в отношении тебя и клянусь в этом Кораном и душой моей дочери Нафисат, умершей в эти дни, которая была для меня из моих детей самой любимой. О царь! ответь на мою эту просьбу согласием.

А я — бедный дряхлый старик, искренне преданный вам Шамиль. 1866 год. Апрель 13, в Калуге".

В ответ на это было написано со стороны царя: „Благороднейшему превосходному ученому, величайшему совершенному другу — Шамилю — мир. Да не перестанет он быть сохраняемым телесно и душевно под взором попечения владыки всех сотворенных. А затем. Твое прошение, направленное его величеству нашему царю, сообщающее о твоем похвальном поступке в принесении клятвы верности со всей твоей семьей его величеству и величайшему престолонаследнику, уже прибыло своевременно. Однако некоторые обстоятельства задерживают на него ответ. Из этих обстоятельств [главное] — отсутствие в Петербурге его величества на время его поездки в Москву и ее окрестности. В данное время, посылая это письмо, мы уведомляем тебя, что его величество, наш величайший государь оказал благосклонность и принял твою просьбу

в полной уверенности в том, что с принятием им тебя в число его подданных он найдет в тебе того, кто будет отличаться назидательным примером и преданностью интересам царским и всей России, этой твоей новой родины, соразмерно величине того, что постоянно проявлялось в отношении тебя из хорошего отношения и почитания. Он надеется также, что найдет твоих детей, сыновей и сыновей твоих сыновей таким народом, которому мы оказали милость. Губернатору Калуги уже отправили приказ о том, чтобы он поспешил с принятием присяги от тебя и мужчин из семьи твоего дома, в упомянутом городе по правилам мусульманского шариата. Для выполнения всего необходимого губернатору будет послано со стороны военного управления в Петербурге соответствующее указание.

Еще до смерти Чичагова[1] я в соответствии с просимым тобою выбрал необходимых посредников для принятия от тебя присяги. Однако лучший из добродетелей застиг нас неожиданно своим решением и удержал нас от исполнения этого дела. Я всячески стремлюсь выразить свое сожаление по поводу понесенной тобой утраты.

Но сейчас не осталось ничего, кроме надежды на то, что то, что было между вами обоими из искренней дружбы, случится вновь опять между тобой и тем, кто его замещает. Я прошу аллаха всевышнего, чтобы он сохранил тебя и содействовал тебе его помощью в выполнении твоего прекрасного намерения. С миром".

Была подпись „Милютин, военный министр. 1866 г. Июль 20-го".

Затем имам написал великому царю следующее письмо: „Я обещаю обещанием веры и клянусь всевышним аллахом, устроителем всего. Истинно, я при-

---

[1] Губернский воинский начальник г. Калуги генерал Чичагов.

нимаю на себя обязательство в том, что я вместе со своими семьями будем вечными подданными, искренними и покорными славному из славнейших его величеству императору Александру Николаевичу, самодержцу всего российского государства и т. д. и т. д. и престолонаследнику его величества императора, его императорскому высочеству, государю цесаревичу Александру Александровичу.

Истинно, я не покину русское государство и не пойду в другую страну и не направлюсь ни в какое иностранное государство, кроме как с высочайшего разрешения императорского величества и только лишь после получения специального на это приказа с его высокой стороны. Я не пойду в иностранное услужение. Я также не буду искренним другом-соучастником никому из врагов его величества в том, что приносит ущерб его императорскому достоинству и интересам великого государства. Истинно, я не пошлю никого с чем-либо тайным ни внутри русского государства, ни вне его. Я не сделаю ничего из того, что противоречит сущности достойного и верного подданного его царского величества. Истинно, я вплоть до последнего предела своих сил, возможностей и своего разумения со всеми моими правами и личными привилегиями, будь эти права и личные привилегии существующими уже или имеющими быть в будущем, принадлежу полностью власти его величества и его могуществу. Истинно, я буду стремиться так же [как и прежде] их хранить и защищать во всей полноте. Истинно, я взял на себя обязательство в том, что я во всем этом не уклонюсь при нужде от положения своей жизни. Истинно, я буду постоянно прилагать все свои старания в несении бремени всего того, что случится в интересах искренней царской службы и на благо государства.

А что же касается любого вреда или ущерба, возможно могущих постигнуть интересы царского вели-

чества, и любой трудности и неурядицы, могущих его затронуть, то я обязуюсь не только стараться сообщать о них благоразумно и удерживаться от участия в них сознательно, но также сделаю все то, что в моих силах для устранения их и предотвращения их осуществления. А если же мне прикажут сохранять втайне следы тайны [?] или еще что бы то ни было, в то время когда интересы государства требуют сохранения этого втайне, то я обязуюсь всегда это соблюдать. И я не открою этого никому, кроме как лишь тому, кто уполномочен это знать или же был присутствующим при этом. В отношении всех этих клятв на мне лежит абсолютное обязательство. Я прошу аллаха всевышнего помочь мне телесно и душевно его помощью и добродеянием, дабы я был верен своей клятве. И здесь я великим целованием благородного Корана завершаю свою клятву. О боже, да будет так". Конец.

В ответ на это письмо со стороны великого царя было написано: „О превосходный и совершенный имам, умудренный опытом. Поздравляю тебя и благословляю тебя и твоих детей и желаю вам всякого добра от аллаха всевышнего и от людей. Он — владыка, оказывающий содействие. Амин".

Затем написал имам великому падишаху следующее послание:[1] „О славный, благодарю тебя от глубины сердца за твое поздравление меня с принятием присяги — этого великого дела в моей жизни. Я клянусь открыто перед аллахом и присутствующими здесь его рабами в том, что я всем, что есть во мне, благодарю и выражаю удовлетворение великому императору, владетелю милостей и щедрот для всего народа вообще и добродеятеля для меня в особенности. Мое

[1] Этот и последующий документы Хабибуллах ал-Карахи ошибочно относит к числу писем Шамиля и царя. Судя по содержанию, эти два документа представляют тексты речей, произнесенных очевидно после принятия присяги в дворянском собрании г. Калуги Шамилем и губернским предводителем дворянства Щукиным. (См. „Военный сборник", т. IX, сент. 1866 г., „Присяга Шамиля".)

сердце наполнено этим. Я признаю и утверждаю перед аллахом всевышним и присутствующими здесь его рабами то, что великий император милостью и щедростью его возобладал над всеми пятью чувствами. Я утверждаю в связи с этим, что каждому человеку, познавшему и постигшему щедрость и милости великого царя, нужно любить его и быть ему искренним подданным. Я, дряхлый старик, не могу проявить трудами своих рук всего того, что есть во мне из любви к великому царю, самодержцу российскому. Мне остается только молить аллаха о его государстве. Я прошу у всевышнего аллаха ему долговечной жизни на неисчислимое количество лет. И благословляю его и членов его благородного дома. Еще прошу всевышнего и славного со своей стороны ради своих детей, — чтобы он наградил их достаточной силой души и тела для приношения пользы их новой российской родине, той пользы, которую она ожидает от подобных им благородных. Я заканчиваю эти слова засвидетельствованием благодарности от меня и от семьи моего дома. Я счастлив сейчас заявить об этом всем пред лицом здесь присутствующих. С миром".

Со стороны великого государя было написано ему в ответ: „О ты, благородный имам. Ты понял и постиг твоей благородной и славной душой милость твоего могущественного повелителя — императора, [убедившись] в том, что ты был побежден не только оружием, но побежден также и любовью к тебе. Ты поэтому, при помощи того, что подсказал тебе ум, признал то, что тот, кто победил тебя оружием, того же сердце одолело тебя милостью и щедростью. Беспредельна его щедрость и защита тебя и всех людей твоего дома.

О ты, в тебе произошла великая перемена. Ты до этого был суровым повелителем диких народов во вражде против России. Сейчас ты стал подданным, без лицемерия верным, спокойным и подчинившимся твоему добродетелю — нашему великому императору.

Подобно этой перемена возможна только в человеке, подобно тебе великом, благородном и славном по своему существу. Да предопределит тебе аллах, о ты благородный, чтобы ты нашел покой и благорасположение щедрости нашего великого императора в полноте милости в богоспасаемом граде Калуге. Он [аллах] ведь также предопределил, чтобы ты принес твою клятву в доме дворянства, в котором всегда беспрерывно друг за другом приносили клятву наши дворяне в подданстве нашему великому императору и престолонаследникам. Я не сомневаюсь в том, что ты и люди твоего благородного дома после того, как вы все принесли клятву, станете наиболее благородными среди коренных русских дворян. Я — тот, кто является предводителем дворянства в Калуге, — приветствую тебя, о славный шейх, с завершением великого дела. Живи в досуге и на покое в городе, в котором почитают твою благородную особу. Я восхваляю твою прекрасную благоразумную жизнь. Живи подобной похвальной жизнью среди нас до конца. Хвали и прославляй щедрость и благородство ученых-царей, среди которых твой и наш великий император Александр II". Кончились письма.

Дополнение о том времени, когда Шамиль погрузился во всякое благоденствие

В двадцать второй день месяца блага — сафара — 1286 [4 VI 1869] г. Шамиля с его семьей русские отправили в Мекку, оставив у себя его старшего сына Гази Мухаммеда с его женой. Шамиль требовал, чтобы Гази Мухаммеда отпустили с ним, но они не согласились.[1] Шамиль сел на судно в Анапе в тот день через 2 часа после полуденной молитвы. Он отправил сообщение об этом из Анапы по протянутой нитке, называемой — телеграф. Сообщение достигло Темир-

[1] В рукописи *К* этого рассказа нет.

хан-шуры через 4 примерно часа, после полудня того же дня. И хвала аллаху, заставляющему трудиться тварь для твари. Посмотри, что из двух вещей наиболее удивительно? — Доставка ли сообщения из Анапы в Темир-хан-шуру в течение примерно 2 часов, а пути между этими двумя городами около 2 месяцев ходу торгового [каравана], или же посылка царем Шамиля таким образом в хадж?

Сказал поэт: „Если милосердный почтил раба могуществом своим, то никогда никакое создание не сможет его унизить". И сказал другой: „Если владыка царства помогает своему рабу, то приказы его обязательны даже для свободных".

Передают из русских газет о том, что когда судно Шамиля достигло стороны Стамбула, то он послал к его присутствию падишаху ислама двух своих товарищей, чтобы они попросили у него разрешения остановиться на его земле. Падишах разрешил с радостью и почтением. Когда Шамиль сошел с судна, его встретили из великих и знатных настолько неисчислимое [количество], что большинство их брали за руки в знак приветствия тех, кто в свою очередь здоровался до этого с Шамилем. Когда Шамиль остановился, то находившееся там посольство русского царя приготовило стол для его угощения. Они просили его принять это угощение. Шамиль им сказал: „Истинно, ваш падишах угощал и кормил меня до сего дня лучшим образом. Сейчас же я — гость падишаха ислама", и он пожелал им счастья и восхвалил их.

И когда Шамиль остановился в Стамбуле, жители его обрадовались большой радостью. Имам приготовил ему величайший дом, который купил за 6500 кыршей, и Шамиль жил в нем. Великий имам давал Шамилю ежедневно 5 туманов. Там Шамилю показали редкости сокровищ падишаха Стамбула.

И из наиболее удивительного, что он видел в Стамбуле, — жорнов, который вертится, а из-под него

сыплется множество маленьких тонких иголок уже с просверленным ушком. Затем его повезли на море для того, чтобы показать махмудовское судно. Оно имело внешний вид как бы карбаса и было усеяно множеством точек вследствие обилия пробоин от пушечных ядер, выпущенных по нему, которые были зачинены белым железом. Когда увидел его Шамиль с тем, что было внутри, он сказал: „Это — не судно, это — селение! Но как же на нем сражаются, когда не видно берега?“ Вдруг судно закричало „кар-кар“ и поднялось вверх так, что стал виден берег. Когда оно поднялось, Шамиль шутя сказал находившимся с ним: „Эти сбросят нас в море“.

Его там спросили: „В чем ты можешь больше всего соперничать со Стамбулом из того, что ты видел, т. е. из бывших в твоей жизни событий?“ Шамиль ответил: „Соперничаю в храбрецах, которых я оставил среди жителей гор Дагестана. Бывало один из них противостоял войску из врагов“. Конец.

Доказательство этому в том, что рассказывают о русском царе. Когда он направился на Гуниб, его встретили горская знать и их помощники на царском железном мосту. Царь похвалил их, сказав: „Шамиль был доволен вами и я буду доволен вами“. Конец.

Рассказал нам один товарищ Шамиля, который был с ним в этой поездке: „Когда шейх Шамиль пребывал в Стамбуле, к нему пришел один обревший себе там родину дагестанский ученый, негодуя на то, что сделал Шамиль. Мы, сотоварищи Шамиля, принялись уговаривать его. Тогда Шамиль сказал: «Позовите его, ибо он пришел [очевидно] по какому-нибудь делу». Этот ученый говорил Шамилю об убийстве людей и захвате богатств. Шамиль ответил ему указаниями в книгах предписаний, которые оправдывают его поступки. Пришедший вынужден был замолчать и удалился.

Шейх Шамиль узнал о том, что падишах ислама снаряжает войско против Исмаила-паши египетского, который возмутился против падишаха, отказавшись доставить то, что тот требовал от него из больших пушек, которые находились в руках Исмаила.

Шамиль попросил отложить это дело до тех пор, пока он не явится к этому паше. Падишах принял просьбу Шамиля.

Затем, когда Шамиль явился к Исмаилу, тот оказал ему почтение, сошел со своего трона и усадил на него Шамиля. Затем Шамиль говорил с ним в отношении этого дела и сказал в заключение: «Не надлежит, чтобы был между вами обоими спор, которому радуются неверные».

Исмаил-паша сказал Шамилю: «Я сделаю то, что ты мне прикажешь». Шамиль ему сказал: «Я думаю, что тебе нужно послать к нему твоего сына». И Исмаил послал. И когда к падишаху прибыл этот сын Исмаила, то все обрадовались и проявили радость многократной стрельбой из пушек. Дочь падишаха была выдана замуж за этого сына Исмаила, в связи с чем и в Египте была проявлена радость таким же образом.

В один из дней к Шамилю пришел ученый из египтян и говорил с ним в отношении убийств. Шамиль ему ответил: «Истинно, мы совершали это в соответствии с тем, что [написано] в книгах шариата».

Тогда этот ученый сказал: «Если это было так, то добре тебе». Затем Шамиль приказал подать книги. Их принесли в мешке, который несли 2 человека. Шамиль показал ему в них доказательство, оправдывающее то, что он совершал. Этот ученый был удовлетворен и признал [достоинства] Шамиля.

Затем, когда приблизился отъезд, Исмаил-паша помог Шамилю многочисленными щедрыми подарками.

Затем, когда судно достигло места потопления фараона, вдруг ночью на море поднялись волны.

Управитель судна пожаловался Шамилю. Тогда Шамиль дал одному своему товарищу написанную записку и приказал ему бросить ее в море, не прикасаясь ею до судна. Он бросил, и море успокоилось. Мы нашли весть об этом уже достигшей Александрии и шерифа Мекки раньше еще того, как сошли с судна".

Кончилось то, что сообщил нам этот товарищ, а аллах всевышний более сведущ.

Шейх Шамиль жил в Стамбуле, в то время когда остановился там при поездке в хадж, 6 месяцев, ожидая приглашения великого имама, а имам ждал, когда Шамиль попросит у него разрешения явиться к нему. А когда исполнилось 6 месяцев и Шамиль захотел поехать для посещения Мекки, то он отправился к великому имаму попрощаться. Когда Шамиль вошел к нему, он взял его руку и поцеловал ее, а великий имам также поцеловал руку Шамиля. Русская знать говорит, что подобного дела не случалось до сих пор и не произойдет в будущем. Имам дал Шамилю 3 тысячи кыршей для расходования на нужды его поездки и поездки тех, кто был с ним из паломников, слуг и семей. А с Шамилем было 500 паломников, 16 слуг и семья Шамиля: 2 его жены — Захидат, дочь Джемаль ад-Дина, и Шуаванат, христианка, 4 дочери и маленький сын по имени Мухаммед Камиль.

Ему снарядили наибыстрое судно, называемое „пароход". Шамиль отправился для посадки на судно, а его сопровождали шейхул-ислам и прочая знать из известных людей, чтобы помочь при посадке и проводить.

Те, кто был с Шамилем, говорили, что он не вернется ни в Стамбул, ни к русским, а возвратится из хаджа в Медину и будет жить там до тех пор, пока не умрет, однако это не вышло из его уст.

Здесь конец того, что сообщили нам русские газеты. А он же, как говорят, сейчас, т. е. в месяце

шаабане 1287 [X—XI 1870] г. находится в Медине, сообразно тому, как мы уже слышали, да вознаградит нас и его аллах хорошим концом жизни. В этом 1287 г. русский царь отпустил Гази Мухаммеда, сына шейха Шамиля, сроком на 6 месяцев для посещения отца и Мекки. Но Гази Мухаммеду не удалось уехать к своему отцу из Стамбула вследствие преграждения пути оттуда в Медину арабами-кочевниками. Тогда он отправился в славную Мекку.

Семья Шамиля считала нездоровым для себя климат Медины; там умерли две его дочери. Они неоднократно просили о переезде в Стамбул, но шейх Шамиль обычно говорил следующее: „Самая приятная для меня вещь — умереть здесь, так ради чего же мне переезжать в другое место". Он был болен некоторое время и в зул-хиджже этого 1287 г. шейх Шамиль преставился к милости аллаха всевышнего. Он был с возвеличением и почетом похоронен в саду ал-Бакия среди почитаемых могил, к которым совершается паломничество, подле могилы Аббаса. Известие о его смерти пришло к Гази Мухаммеду в славную Мекку. Он произнес: „Истинно, мы от аллаха и к нему возвращаемся", а затем заплакал. Он стал произносить эту фразу и плакать до того, что его глаза покраснели и распухли. Затем он устроил поминки для всех паломников-дагестанцев и сказал им следующее: „Мой отец владел этой страной [Дагестаном], и когда вы достигнете вашей родины, то требуйте от ее жителей, чтобы они совершили по нем заупокойную молитву и чистосердечно простили все то, чем он их огорчил". Затем Гази Мухаммед сказал паломникам: „Истинно, я пленник русского царя, так помолитесь же за меня, чтобы избавил меня аллах всевышний от этого плена". Затем Гази Мухаммед достиг Медины и посетил места паломничества, прежде чем посетить могилу своего отца. Рассказывают, что он сейчас намеревается перевезти семью своего отца в славную Мекку по приказу ше-

рифа Мекки, ибо Шамиль завещал этому шерифу [заботы] о своей семье. Затем Гази Мухаммед вернулся во владения русского царя так, как было условлено. Но царь отослал его с семьей для услужения семье его отца.

Передают, что русский царь дал Гази Мухаммеду в услужение 4 юношей и для услужения его жене — 4 девушек и что он посылает ему и семье его отца обильное вознаграждение для его существования: 300 тысяч ему и 300 тысяч кыршей семье Шамиля. И он сейчас в 1289 [1872/73] г. в Стамбуле с его семьей и семьей его отца возвеличен и почитаем у щедрых.[1]

Сообщил Гази Мухаммед этому редактору в Медине о том, что Шамилю было разрешено отправиться в хадж и для посещения святых мест при условии возвращения после совершения того и другого обратно к русскому царю, а не навсегда. Сообщила Гази Мухаммеду в Медине его сестра Каримат, которая была со своим отцом Шамилем в хадже и при посещении им святых мест. Она сказала, что ее родитель Шамиль, да помилует его аллах всевышний, отправился однажды в мечеть пророка в Медине. Он вернулся оттуда с изменившимся цветом лица, как будто бы он был болен. Она спросила его о здоровье. Шамиль ответил: „Я молился аллаху всевышнему напротив Рауда о том, чтобы он не разлучал меня с этой местностью и местом и мне появилось там какое-то видение и изменилось здоровье и у меня сейчас легкое недомогание. Если ты встретишься с Гази Мухаммедом, то сообщи ему эту весть и не сообщай никому другому, кроме него".

Он находился в таком положении несколько дней, а затем умер. Конец.

---

[1] Рукопись *К* здесь обрывается. Были, очевидно, 1 или 2 листа продолжения, которые не сохранились. Дальнейшее изложение приводится только по рукописи *А*.

Передал хаджи Абдуллах, внук хаджи Абд ар-Рахмана ас-Сугратли, со слов шейха имама блестящего, ученейшего нашего господина, полюса людей тариката и опоры людей шариата Ахмеда ал-Мадани ар-Ригуни следующее: „Когда этот известный шейх, воин за веру, подкрепляемый помощью аллаха, победоносный Шамиль увидел купол миров [т. е. своды мечети в Медине] и худжру[1] сеиида посланцев, то в изобилии потекли его слезы, вздымались его вздохи и он покорно и смиренно сказал языком, трепещущим от волнения сердца: «О владыко, о мой господин, если мое намерение, мои старания, усилия и мое сражение за веру перед тобою чисты и находят одобрение у твоего посланца, то не удаляй меня от соседства с твоим пророком, дай мне умереть в хараме твоего любимца, покажи мне его лицо, награди меня его любовью, воскреси меня среди постоянно находящихся при нем и не лишай меня его заступничества»".

Затем, в 1287 г., он стоял напротив благородной горницы в последнюю треть ночи великих ночей [т. е. месяца рамадана], усердно прося с покорностью и сокрушением, чтобы он [аллах] показал ему еще до его смерти своего избранного любимца, слабым голосом, стеная и рыдая со слезами, льющимися из томящегося сердца. И открылся ему вид тайны бытия и обнаружился ему духовный облик владельца достохвального места стояния. Он принялся целовать его благородную руку по его указанию, и говорил с ним [пророк] ясной и членораздельной речью. Стала благоуханной душа его, состояние его стало безмятежным, благодаря обширности потока милостей и божественных сияний. Благородный Рауда заблистал этими сияниями. И он вернулся к своей семье; все члены его тела трепетали от страха перед тем, что он только что видел, его

---

[1] Худжра — маленькая комнатка; молельня, келия. По преданиям, при соборной мечети в Медине находится худжра, в которой пребывал и молился Мухаммед.

сердце волновалось и билось от растерянности пред этим, а слезы текли потоком.

После этого события его постигла слабость, увеличение болезни и стремление к владыке всего сотворенного. Приход посланца аллаха проник в его душу, и он ни о чем не вспоминал в своих думах, кроме как о нем.

Затем в ночь заклания[1] этого 1287 [4 III 1871] г. он переселился к чистоте его милосердия. Его похоронили в саду ал-Бакия за надгробным мавзолеем Аббасидов". Конец.

Передавал упомянутый Абдуллах со слов этого шейха о том, что собравшиеся для молитвы на его похоронах жители Медины из ученых, суфиев и мистически настроенных людей плакали и говорили: „О султан ислама! О венец сражающихся за веру и защитник религии, смерть твоя — великое бедствие". К его трупу столпилось на местности ал-Бакия ал-Гаркад, желая снискать благословения, неисчислимое множество народу. И вдруг заговорили его останки, когда достигли ал-Бакия: „О могила моя, будь светом для души моей и [райским] садом для моего спокойствия". Конец.

Передавал мне человек, заслуживающий доверия, мой гость, рассудительный Исхак ал-Урмави из равнины со слов одного хаджи, идущего по пути учения шейха тариката Яхсави, о том, что когда умер шейх Шамиль, да будет свята его душа, в Медине, то его тело принесли к месту нахождения благородной могилы [т. е. могилы Мухаммеда], да будет молитва аллаха над прославившим ее, и оставили его для молитвы над ним. Старший из их шейхов призывал благословение аллаха, а все остальные заключали „амин".

---

[1] „День заклания" — десятый день месяца зул-хиджжа, в который в долине Мины близ Мекки пилигримы приносят жертвы.

Этот старший из шейхов сказал [обращаясь к могиле Мухаммеда] следующее: „Поистине, этот шейх Шамиль приложил все свои усилия для распространения твоего шариата, ради которого ты был послан. Он справедливо сражался на пути аллаха всевышнего за веру, для возвеличения религии твоей до тех пор, пока не пленили его враги. Затем он спасся, [укрывшись] в священном доме аллаха и местопребывании твоей благородной могилы. И, истинно, мы все присутствующие, ища у тебя заступничества для него и свидетельствуя в его пользу об этом упомянутом [приложении всех усилий Шамилем], все до единого — перед тобой. Итак прими же это свидетельствование от нас и возьми его [и поставь] перед собою для заступничества перед твоим благородным подателем владыкой". Конец.

Гази Мухаммед сказал редактору в Медине: „Когда заболел Шамиль в Медине, весть об этом была послана ко мне и пришла в тот город, где я находился, однако мне не дали знать об этой вести, а скрыли ее от меня. Когда же я о ней узнал от некоторых людей, то я потребовал от них [русских] разрешения на поездку к родителю, и они мне разрешили". Конец.

Затем Гази Мухаммед спасся из плена [русских] и жил в Медине с семьей своего отца, оказывая гостеприимство посетителям из паломников и помогая деньгами нуждающимся. Затем он умер в 1321 [1903—1904] г. в Медине.

Дополнение, обращающее на себя внимание

Шейх Шамиль был создан для обновления религии в этом краю и разрушения строений творящих пороки. И после того как он был схвачен, стали группа за группой и снова группа за группой следовать по его пути, и они попадали в трудное положение.

Затем в 1294 [1877] г. пришла в движение таким же порядком межусобица Сугратля и их последователей и объяли их бедствия, ломались спины. Этими несчастьями отягощались ученые и верные. Поистине, мы от аллаха и к нему возвращаемся. Хвала тому, кто остается вечно и кто вновь возвращает на утро все так же, как он это начал. Как далек твой владыко, владыко величия от того, как они его описывают. Мир над посланниками и хвала аллаху, владыке миров. Молитва аллаха и мир над посланцем его Мухаммедом, его семьей и всеми его сподвижниками. Хвала аллаху, владетелю миров.

*

Завершилось редактирование этой книги при содействии подателя, вышнего владыки, рукою дряхлого Хабибуллаха, сына автора Мухаммеда Тахира ал-Карахи Дагестанского.

И то, что найдешь ты, читатель, в этой копии не согласующимся с оригиналом в части пропусков, замены и дополнений, то все это заведомо и предумышленно в интересах дела. И я прошу славного аллаха посодействовать мне придерживаться твердой религии и сделать меня [находящимся] среди благочестивых, присоединить меня к борцам за веру и искренним. О боже, прости нас, наших отцов, матерей, наши семьи и всех мусульман. Хвала аллаху, владыке миров, молитва его и мир над господином посланцев всякий раз, когда вспоминают его вспоминающие и пренебрегают упоминанием его пренебрегающие. В зулхидже 1321 [II—III 1904] г.

Дополнения редактора книги

Именем аллаха милостивого и милосердного, хвала аллаху высокому и всевышнему подателю, молитва и мир над тем, кому дарована мудрость и разрешение

споров — Мухаммеду с его семьей и сподвижниками, которые сражались и употребляли все старания для возвышения религии и распространения справедливости.

А затем. Эти немногие листки, которые написал Хабибуллах в надежде, что ими воспользуются рабы аллаха, подобало бы назвать „Разъяснением выражений, [употребляемых] в «Книге битв»“, которую составил мой покойный родитель, известный ученый Мухаммед Тахир ал-Карахи Дагестанский, да будет благосклонен аллах всевышний к жителям его [Дагестана] и помилует своими щедротами и милостью своего посланника, владетеля заступничеств, который сказал: „Старания по намерениям“. Амин.

Причина составления этой книги [заключается] в том, что имам Шамиль, да помилует его аллах всевышний, говорил раз за разом Мухаммеду Тахиру: „Я хотел бы собрать рассказы про случившиеся в мое время события; однако я не могу найти досуга для этого по занятости всякими делами и войнами“. Затем зимой одного года он поселил его в своем доме в Дарго. Они сходились в сумерки в одной комнатке, и Шамиль диктовал и рассказывал про случившееся на неарабском языке, а Мухаммед Тахир переводил на арабский и записывал днем, что тот тогда рассказал. Для события, при котором сам Шамиль не был, он призывал явиться того, кто был при этом событии, для того чтобы он рассказал, а Мухаммед Тахир записал. Так он составил книгу до конца главы о возвращении Джемаль ад-Дина, сына имама, к нему из рук неверных. Затем оттуда до конца он собрал ее сообразно с тем, что узнал и услышал от людей, за исключением того, что добавил я из посланий имама и падишаха или изменил в интересах дела.

Мюрид — на языке тех, кто находился в государстве Шамиля, — это тот, кто трудится под управле-

нием шариата и подчиняется ему хотя бы внешне. Мунафик, или то же самое муртадд [отступник], — тот, кто склонился к врагу или неверному или убежал к нему или жил под его управлением, хотя бы он и был искренним правоверным. В этих двух значениях употребляются эти слова в „Книге битв..." в различных местах.

Рассказ. Сообщил мне родитель, да помилует его аллах всевышний, о том, что однажды он, Шамиль и один его товарищ были в худжре. Шамиль сказал наблюдающему: „Истинно, какой-то человек у двери сокрушает меня. Посмотри, кто это там".

Тот вышел, затем вернулся и сказал: „Истинно, там такой-то". Тогда Шамиль сказал этому наблюдателю: „Скажи ему пусть уйдет от двери. Истинно, я дам ему то, что он требовал от меня раньше".[1]

---

[1] Дальше сразу же без всякого пояснения начинается глоссарий.

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН[1]

[1] Расположение имен в „Указателе“ по алфавиту произведено с учетом определенного члена „ал“. — Лица, упоминаемые в тексте без имен, включены также в „Указатель“ под должностными и прочими названиями.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Редактор издательства С. С. Деркач. Подписано к печати 6/III 1941 г. Рисо № 1480—170 М 35634 Объем 21 печ. л., 29792 тип. зн. в п. л. 15,58 уч.-авт. л. Тираж 1500 экз. Цена книги 11 р.

Типо-литография Издательства Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 л., 12. Заказ № 929.

